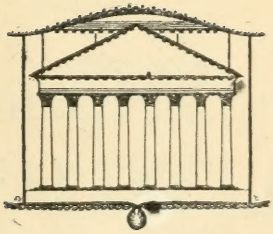
3 1761 04617809 1

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by
ESTATE OF THE LATE
JOHN B. C. WATKINS

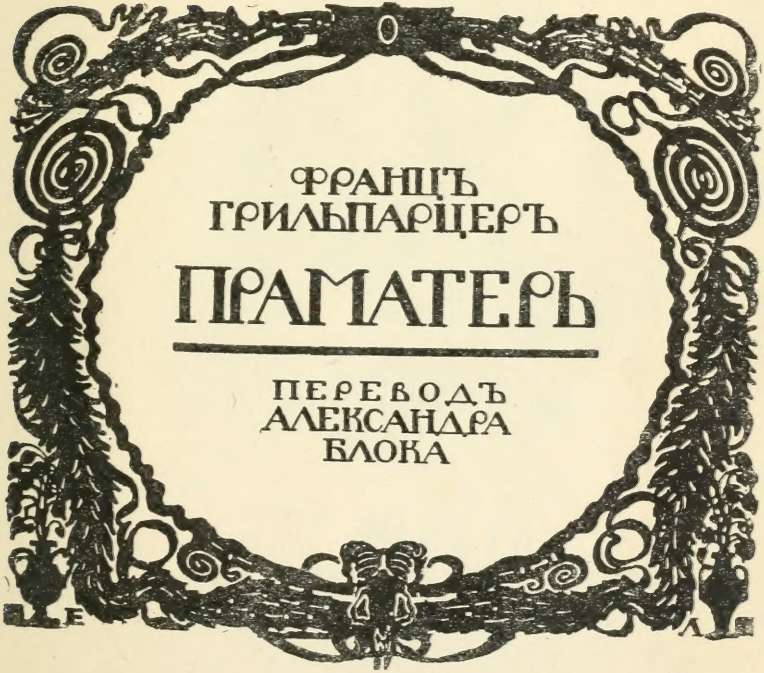
ПАНТЕОНЪ
МІРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГРИЛЬПАРЦЕРЪ
ПРАМАТЕРЬ

ПЕРЕВОДЪ
АЛЕКСАНДРА БЛОКА



МІРОВАЯ
ЛИТЕРАТУРА



КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПАНТЕОНЪ» С.П.Б.

PT
2259
A54

LIBRARY
NOV 1 1965
UNIVERSITY OF TORONTO

1018546

За романтической бутафоріей, которой щедро украшена юношеская трагедія Грильпарцера, не сразу можно почувствовать ея таинственный внутренній смыслъ.

„Праматерь"—не вѣчная трагедія, какъ „Эдипъ" или „Макбетъ", но, если можно такъ выразиться, *интимная* трагедія, которая сохранитъ свой трепетъ и свою свѣжесть до тѣхъ поръ, пока несчастное человѣчество не перестанетъ переживать эпохи, какую пережилъ Грильпарцеръ и какую приходится переживать намъ.

Когда читаешь исторію Германіи и Австріи съ Вѣнскаго Конгресса и до революціи 1848 года, становится страшно не столько за неумудренность горькимъ опытомъ политическихъ дѣятелей, намъ современныхъ, сколько за тѣ точныя повторенія, которыми съ неумолимымъ унынiемъ даритъ насъ исторія.

Въ этомъ маленькомъ предисловіи я не считаю умѣстнымъ перечислять извѣстные факты. Желающіе припомнить ихъ могутъ обратиться къ любой исторіи литературы, хотя бы къ стройной,

короткой и блестящей „Исторіи нѣмецкой литературы“ Куно-Франке (хорошій русскій переводъ Батина въ изд. Пирожкова). — Всякій патріотъ, продолжающій вѣрить въ „величавый призракъ горестной Россіи“, по выраженію современнаго поэта, можетъ сдѣлать это сравненіе безъ особенной порчи крови; а человѣкъ „интернаціональный“, не питающій никакихъ особенныхъ „славянофильскихъ“ надеждъ, можетъ утѣшаться, пожалуй, судьбою Германіи: князь фонъ-Меттернихъ, человѣкъ съ лицомъ ироническимъ и, даже, тайный поклонникъ Гейне (что, впрочемъ, не помѣшало союзному сейму запретить въ Германіи всѣ бывшія и будущія произведенія поэта), тридцать лѣтъ предсказывалъ сорокъ восьмой годъ; и все-таки, этотъ годъ наступилъ же, озадачилъ и испугалъ самого предсказателя, вершившаго нѣмецкія судьбы!

Исторія политической реакціи въ Германіи и Австріи сохранила драгоцѣнные для насъ внѣшніе факты. Еслибы мы жили еще годъ или два года назадъ, мы, пожалуй, не поняли бы, о чемъ плачетъ душадвадцатисемилѣтняго австрійскаго поэта; его трагедія понятна до конца только въ черные дни, когда *старое* все еще не можетъ умереть, все бродитъ, все жалуется на усталость и тревожитъ живыхъ—робко, настойчиво, порою музыкально, а *новое* все не можетъ окрѣпнуть, плачетъ слезами немного неожиданными (какъ Яроміръ, юноша сильный и, надо полагать, мужественный), и поги-

баетъ зря (какъ десятки русскихъ самоубивающихся юношей безъ „цѣли въ жизни“).

Нѣкъ, все это не такъ просто и не поддается одному только публицистическому учету. Намъ было бы слишкомъ легко „наложить“ всю трагедію Грильпарцера на русскую современность, сказать, положимъ, что для современной Россіи она символизируетъ медленное разложеніе дворянства, когда то съигравшаго великую роль и теперь увядающаго, какъ осенняя георгина, безъ аромата, „во мракѣ и сырости старыхъ садовъ“. Въ этомъ была бы доля правды (особенно, если не заключить всей параллели международнымъ соціалъ-демократическимъ выкрикомъ: „туда ему и дорога!“), но не вся правда; да и Пыпинскіе методы насъ уже не удовлетворяютъ. Вѣдь для того, чтобы увидать чью-нибудь гибель, будь то обрядъ, или сословіе, или отдѣльный человѣкъ, надо сначала полюбить погибающаго, проникнуть въ отходящую его душу, значитъ—горестно задуматься надъ нимъ.—Произведеніе Грильпарцера и есть произведеніе горестное и *задумчивое*, несмотря на весь свой юношескій задоръ.

Имена Вернера, Мюльнера, Гоувальда, драматурговъ современныхъ Грильпарцеру, не говорятъ намъ ничего. Имя Грильпарцера исторія запомнила. Не есть ли это лучшее доказательство того, что поэтъ, дѣйствительно, „обнаружилъ способность влить человѣческую кровь даже въ безжизненные персоннажи „трагедій рока“, и что эти трагедіи

относятся къ „Праматери“ примѣрно такъ, какъ сама „Праматерь“—къ „Эдипу“,—какъ говорятъ доброжелательные критики и историки? Но „Праматерь“ — современница тѣхъ произведеній, гдѣ изображается неумолимая покорность слѣпому року.

Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что всѣ живые и страстные герои трагедіи (кромѣ безтактнаго „истинно-прусскаго“ Капитана), находятся во власти какихъ то „странныхъ шелестовъ“, проносящихся по заламъ родового замка? Что они скованы холодомъ зимней вьюги, которая голоситъ за окнами, въ поляхъ? Что всѣ эти страшные шелесты и голоса достигаютъ высшаго воплощенія лишь въ какой-то давно знакомой, и въ то же время, странно незнакомой, *призрачной красавицѣ*, которую отецъ принимаетъ за дочь, женихъ—за невѣсту?—Все, страстно желающее жизни, любви и обновленія—гибнетъ; только она, чье единственное желаніе—*отдохнуть*, успокоиться въ „гробовомъ ящикѣ“,—торжествуетъ свою тусклую побѣду, озаренную луною, да безпомощными свѣчами на столѣ.

Чѣмъ дальше Грильпарцеръ „опускаетъ концы въ воду“ своей мрачной *мистики*, тѣмъ больше просыпается во мнѣ *публицистическое* желаніе перевести пьесу на гибель русскаго дворянства; въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кто полюбилъ его нѣжно, чья благодарная память сохранила всѣ чудесные дары его русскому искусству и русской

общественности въ прошломъ столѣтіи, кто понялъ твердо, что пора уже перестать плакать о томъ, что невозвратно воротились въ родную землю его благодатные соки, но что нельзя еще шумно радоваться этому, когда на той же благоуханной землѣ, рядомъ съ новыми благородными породами, топоршатся дерзкіе и хамскіе чертополохи, — кто знаетъ все это, тотъ пойметъ, какимъ воздухомъ былъ насыщенъ родовой замокъ Боротинъ, сидя въ старой дворянской усадьбѣ, которую сотрясаетъ ночная гроза, или, даже, просто дни и ночи не прекращающійся осенній ливень; кругомъ на версты и версты протянулась равнина, затопленная этимъ ливнемъ, населенная людьми давно непонятными и справедливо непонимающими меня; а на горизонтѣ стоитъ тихое зарево очень далекаго пожара: это, вѣроятно, молнія подожгла деревню.

Но я не могу быть до конца публицистомъ, я знаю, что въ трагедіи Грильпальцера есть еще и невыразимое. Это — не только искусство, искусство далеко несовершенно въ пьесѣ. Можетъ быть, это глубокое чувство *реакціи*, которымъ теперь мы можемъ насладиться во всей полнотѣ; а, можетъ быть, еще какое то иное чувство, которое неизбѣжно посѣщаетъ человѣка въ извѣстные періоды его жизни, когда онъ „подводитъ итоги“, начинаетъ вспоминать... и, иной разъ, *довспоминается* до того, что станетъ немножко жутко, не все благополучно...

Лучше бы и не будить „уснувшихъ думъ“: вѣдь *хаосъ* — „изъ смертной рвется онъ груди и съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться“. Во всякомъ случаѣ, лучше молчать о немъ, пусть бушуетъ онъ въ сирой и тревожной душѣ художника, рождая „свѣтлыхъ своихъ дочерей“—чистыя созданія искусства.

То невыразимое, что заключено въ „Праматери“, лучше всего выразилъ самъ Грильпарцеръ— юноша, на лицо котораго глубокія и ранніе морщины наложила скорбь—въ монологѣ стараго графа: чего боится мужественный отецъ, когда остерегаетъ юнаго Яроміра отъ своего замка, отъ союза съ любимой дочерью?

О, зачѣмъ сюда ты прибылъ?
Думалъ ты, мой другъ невинный,
Что царитъ здѣсь свѣтлый праздникъ?
Посмотрѣлъ бы ты на насъ
Здѣсь, въ ночныхъ пустынныхъ залахъ,
За безрадостнымъ столомъ;
Какъ тогда часы влекутся,
Какъ замедлинъ разговоръ!
Каждый шорохъ заставляетъ
Сердце каждое дрожать!
И отецъ въ лицо родное
Милой дочери своей
Съ тайнымъ страхомъ и тоскою
Лишь рѣшается взглянуть:
То дитя его родное,
Иль видѣнье гробовое?
Видишъ, сынъ мой, какъ живутъ
Здѣсь отмѣченные рокомъ!

Ты же—мужественный духъ,
Радость жизни быстролетной
И покой своей души,—
Всѣ богатства хочешь бросить
Въ дома нашего пожаръ?
О, мой сынъ, ты не погасишь,
Только съ нами ты сгоришь!

Когда же Яромiръ выражаетъ готовность остаться съ ними, хотя бы ему грозила гибель,—старикъ горестно задумывается—Богъ вѣсть о чемъ?

И нѣжная Берта говоритъ жениху: „Онъ не любитъ, чтобы на него смотрѣли въ такія минуты: это бываетъ съ нимъ часто“.

Вотъ центральное мѣсто пьесы.

Если бы „трагедіи рока“ не были пустой бутафоріей, жизнь и литература приняли бы ихъ въ свое лоно, и на челѣ каждаго человѣка лежала бы печать покорности. Но они забылись, осталась въ памяти только родственная имъ „Праматерь“—не простая „трагедія рока“.

Она вошла въ жизнь и заняла въ ней по праву свое не очень большое, но жуткое мѣсто; и на чело тѣхъ немногихъ, кто пристально вчитается въ нее, ляжетъ непремѣнно еще одна лишняя морщина. Это—трагедія не „реакціонная“, но и не вѣчная, быть можетъ потому, что она создана въ эпоху реакціи, когда все живое обезсиливается мертвымъ. Это—интимная, *предостерегающая* трагедія,—произведеніе не великой, но задумчивой и измученной души.

Ниже читатель найдетъ краткія свѣдѣнія о жизни, сочиненіяхъ, изданіяхъ и комментаторахъ Грильпарцера.

Францъ Грильпарцеръ, родившійся въ Вѣнѣ 15 января 1791 года, былъ старшимъ сыномъ адвоката доктора Менцеля Грильпарцера и супруги его Маріанны, рожденной Зоннлейтнеръ. Внѣшніе факты его жизни, какъ и у большинства писателей послѣднихъ столѣтій, не представляютъ интереса. Онъ учился въ гимназіи, съ 1807 по 1811 г. слушалъ курсъ юридическихъ наукъ въ Вѣнѣ и въ эти ранніе годы потерялъ отца, въ 1813 поступилъ на государственную службу, въ 1847 г. былъ избранъ въ члены академіи наукъ, въ 1861—въ члены австрійской палаты господъ. Главною любовью въ жизни часто вообще увлекавшагося Грильпарцера была Катарина Фрелихъ, съ которой онъ познакомился, когда ему было 30, а ей 21 годъ.

Литературную свою дѣятельность Грильпарцеръ началъ шестнадцати лѣтъ, подъ вліяніемъ Лессинга, Гердера, Шиллера и Гете. Расцвѣтъ этой дѣятельности начался съ 1816 года, когда извѣстный въ то время драматургъ Шрейфогель побудилъ Грильпарцера серьезно приняться за драматургію и способствовалъ появленію на сценѣ „Праматери“ (исторію постановки ея можно найти въ автобіографіи Грильпарцера)—и окончился въ 1838 году, когда поэтъ, подъ давленіемъ публики, холодно встрѣтившей его послѣднія драмы, критики и цензуры, отказался почти совершенно отъ

опубликованія своихъ произведеній. Въ теченіи этихъ 22-хъ лѣтъ Грильпарцеръ завоевалъ себѣ драмами, стихами и прозой не послѣднее мѣсто въ ряду своихъ современниковъ, среди которыхъ, какъ извѣстно стояли имена: Гейне, Гофмана, Шамиссо, Ла-Моттъ-Фукэ, Брентано, Клейста, Рюккерта, Уланда, Иммермана...

21 января 1872 года, извѣдавъ тягость критическихъ и цензурныхъ гоненій, чиновъ и почестей, изъѣздивъ Европу (онъ путешествовалъ по Германіи, Италіи, Франціи, Англіи, Турціи и Греціи), Грильпарцеръ тихо скончался въ родномъ городѣ. Похороны его были равны по торжественности развѣ похоронамъ Клопштока, а въ 1889 году ему поставленъ памятникъ въ Вѣнскомъ народномъ саду. Очень многія произведенія Грильпарцера напечатаны только послѣ его смерти, а пьесы съ огромнымъ успѣхомъ шли въ шестидесятыхъ годахъ.

Грильпарцеръ написалъ много стиховъ (они занимаютъ большой томъ), беллетристическихъ и критическихъ произведеній (новеллы, дневники путешествій, критическія замѣтки, воспоминанія, автобіографія—два тома), но извѣстенъ онъ, главнымъ образомъ, своими драмами. Вотъ перечень главнѣйшихъ изъ нихъ въ хронологическомъ порядкѣ:

Бланка Кастильская, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.
Праматерь, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.
Сафо, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.
Золотое руно, драматическая поэма въ трехъ раздѣленіяхъ.

Счастье и гибель короля Оттокара. трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Вѣрный слуга своего господина, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Волны моря и любви, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Жизнь сонъ, драматическая сказка въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Мелузина. Романтическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ.

Горе лжецу! Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Либусса. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Разборъ братьевъ въ Габсбургѣ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Еврейка изъ Толедо. Историческая трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

На русскій языкъ переведена только трагедія *Сафо* (переводъ Арбенина, „Артистъ“ 1895 г.).

Собраніе сочиненій Грильпарцера существуетъ всего шесть. *Первое*—Штуттгартское, 1872 г. (Лаубе и Вейлена), *второе* — 1874 (тамъ же), *третье* — 1881, *четвертое* — 1887, *пятое* — 1892 (двадцать томовъ подъ ред. проф. Августа Зауэра, и *шестое* — исчерпывающее, шеститомное, подъ ред. д-ра Альберта Циппера (Leipzig. Reclam, 1902).

Изъ богатой литературы о Грильпарцерѣ самое значительное:

August Sauer. Biographische Einleitung zu Grillparzers sämtlichen Werken (Stuttg. 1892).

Das „*Jahrbuch*“ der 1890 in Wien gegründeten Grillparzer-Gesellschaft (redig. von Grossy, Wien 1890 ff.; enthällt Briefe, Tagebücher, Abhandlungen etc. von und über G.).

H. Laube. F. Grillparzers Lebensgeschichte (Stuttg. 1884).

Lange. Grillparzer, sein Leben, Dichten und Denken (Gutersl. 1894).

Auguste von Littrow-Bischoff. Aus dem persönlichen Verkehr mit F. G. (Wien 1873).

Volkelt. F. G. als Lichter des Tragischen. (Nördling, 1888).

Reich. G—s Kunstphilosophie (Nördl. 1890).

Reich. G—s Dramen (Dresd. 1894).

Schweting. F. G—s hellenische Trauerspiele auf ihre litterarischen Quellen und Vorbilder geprüft. (Poderb. 1891).

Farinelli G. und Lope de Vega (Berl. 1894).

W. Scherer. Franz Grillparzer („Vorträgen und Aufsätzen, 1874).

Lichtenfeld G.—Studien (Wien 1891).

A. Klaar König ottokay Glück und Ende (Leipzig 1885).

I. Minor. Rede auf G. (Leipz. 1892).

A. Fogler. „Ansichten über Litteratur, Bühne und Leben 1872.

Wirzbach F. Grillparzer (2-ое изд. 1872).

Adalb. Täulhammer. F. Grillparzer, eine biografische Studie (1884).

Albert Zipper. Franz Grillparzer (Reclam, Dichter-Biographien, neunter Band).

Для курьеза можно упомянуть статейку *Гюго фонъ Гофмансталя*, (составляющую предисловіе къ трагедіи Грильпарцера „Des Meeres und der Liebe Wellen" въ новомъ нѣм. изд. Pantheon) и перепечатанную въ собраніи статей Гофмансталя. Здѣсь ни о трагедіи, ни объ авторѣ ея по существу не говорится ни слова.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

Іюль 1908.
СПБ.

Текстъ „Праматери", переведенный съ Лейпцигскаго изданія Max'a Hesse, появляется въ изданіи „Пантеона" полностью.—Сокращенія, которыхъ требуетъ сцена, сдѣланныя 91 годъ назадъ, съ согласія автора, въ нѣмецкихъ театрахъ, сдѣланы и теперь, при первой постановкѣ „Праматери" на русской сценѣ, въ театрѣ В. Ф. Коммиссаржевской. — Всѣ вступительныя статьи переведены для этого изданія М. А. Бекетовой.

А. Б.

ВВЕДЕНІЕ ОТЪ НѢМЕЦКАГО ИЗДАТЕЛЯ.

Первая драма, съ которой Грильпарцеръ выступилъ передъ публикой, была „Праматерь". Исторію возникновенія этой пьесы, которая сдѣлала его знаменитымъ, такъ сказать, въ одну ночь, онъ довольно обстоятельно разсказалъ въ своей автобіографіи, но въ видахъ изслѣдованія не лишнее будетъ пополнить его разсказъ нѣсколькими существенными подробностями.

Когда Грильпарцеръ впервые посѣтилъ извѣстнаго секретаря вѣнскаго придворнаго театра, Іосифа Шрейфогеля, тотъ очевидно не сомнѣвался въ томъ, что имѣетъ дѣло съ даровитымъ поэтомъ: онъ поощрялъ его къ дальнѣйшему творчеству и разспрашивалъ какіе сюжеты занимаютъ его въ настоящее время. „А у меня,—разсказываетъ Грильпарцеръ,—какъ разъ въ то время сложился въ головѣ одинъ сюжетъ. Произошло это вотъ какъ:

„Я прочелъ въ исторіи одного французскаго разбойника, кажется Жюля Мандрэна, какимъ образомъ онъ былъ пойманъ. Преслѣдуемый сыщиками, онъ бѣжалъ въ одинъ дворянскій замокъ, гдѣ у него была любовная связь съ горничной, при чемъ эта простая, честная дѣвушка не подозрѣвала какому негодяю она открыла свою комнату и свое сердце. Въ ея комнатѣ его и поймали. Трагическое зерно этихъ отношеній или вѣрнѣе этого открытія произвело на меня сильное впечатлѣніе.

„Еще попалась мнѣ въ руки одна народная сказка, построенная на сходствѣ послѣдней вѣтви стариннаго

рода съ блуждающимъ призракомъ прародительницы; это сходство даетъ поводъ къ самымъ страннымъ ошибкамъ: возлюбленный дѣвушки принимаетъ ее однажды за призракъ, а призракъ за дѣвушку.

„Оба впечатлѣнія долгое время жили въ моей головѣ рядомъ, оставаясь непригодными въ своей обособленности. При развитіи первой темы мнѣ-бы никогда не пришло въ голову сдѣлать героемъ драмы обыкновеннаго разбойника или вора; во второй была только напряженная призрачность и не хватало человѣческаго содержанія.

„Однажды утромъ, когда я лежалъ въ постели, обѣ мысли встрѣтились и взаимно другъ друга дополнили. Разбойникъ былъ облагороженъ судьбой посредствомъ прародительницы, къ роду которой долженъ былъ принадлежать также и онъ; исторія съ привидѣніями получила содержаніе. Прежде, чѣмъ я всталъ и одѣлся, планъ „Праматери“ былъ готовъ.

„Приступить къ его выполненію мѣшало мнѣ отчасти мое рѣшеніе навсегда отказаться отъ драматической поэзіи, отчасти то, что мнѣ было стыдно взяться за обработку сюжета, казавшагося мнѣ весьма подходящимъ для народныхъ театровъ, и тѣмъ приравнять себя къ тому классу поэтовъ, который я всегда презиралъ; тѣмъ не менѣе я чувствовалъ въ себѣ достаточно поэзіи, для того, чтобы такъ обставить исторію съ привидѣніями, чтобы многое на нее возразить могли развѣ только болваны или нѣмецкіе ученые.

„Этотъ сюжетъ разсказалъ я тоже Шрейфогелю съ такой живостью и послѣдовательностью въ мельчайшихъ подробностяхъ, что онъ воскликнулъ въ порывѣ восторга: „Пьеса готова, вамъ остается только ее написать“. „Моихъ возраженій онъ не принялъ, и я обѣщалъ ему объ этомъ подумать“.

Но не смотря на это, Грильпарцеръ все еще медлилъ. При какой-то случайной встрѣчѣ, Шрейфогель спросилъ о пьесѣ. Поэтъ уныло отвѣтилъ: „Да что-то не идетъ“.

Тогда Шрейфогель ему разсказалъ: „Точно также когда-то отвѣтилъ я Гете, когда онъ поощрялъ меня къ литературной дѣятельности. Но Гете сказалъ: „Стоитъ только поплевать на руки, и дѣло пойдетъ"! Это подѣйствовало. Менѣе, чѣмъ въ три недѣли пьеса была готова и написана въ какомъ-то лихорадочномъ ражѣ, не допускавшемъ никакихъ другихъ занятій.

Эту исторію возникновенія „Праматери" написалъ Грильпарцеръ почти черезъ 30 лѣтъ послѣ ея перваго представленія, которое состоялось 31-го января 1817-го года въ вѣнскомъ театрѣ. Его воспоминанія о подробностяхъ, конечно, въ то время уже поблѣднѣли, но мы можемъ пополнить его свѣдѣнія.

Два разсказа упомянутые Грильпарцеромъ безъ названія и какихъ-либо точныхъ обозначеній, которые конечно не заслужили бы отзыва, если-бы они не побудили поэта къ созданію „Праматери", по всей вѣроятности слѣдующіе:

1) Histoire de Louis Mandrin, depuis sa naissance jusqu'a mort: avec un détail de ses cruditès, de ses brigandages et de son supplice. Amsterdam, 1755, 8°, 96,5,

2) Кровавый призракъ съ кинжаломъ и съ лампой или заговоръ въ замкѣ Штернъ близъ Праги, сочиненіе Франца Г'ааса. 8°. 262 с.

Тщательное сличеніе этихъ двухъ книжекъ приводитъ къ очень интересному выводу. Оказывается, что матеріалъ этихъ двухъ столь ничтожныхъ въ поэтическомъ отношеніи народныхъ разсказовъ, Грильпарцеръ использовалъ для своей „Праматери" больше, чѣмъ казалось ему, тридцать лѣтъ спустя [1]).

Луи (а не Жюль Мандрэнъ) извѣстный разбойникъ

---

[1]) Ср. *Ludwig Wyplel*: „Die Geschichte des Räubers Mandrin als Quelle zur Ahnfrau". Programm der Staatsoberrealschule in XV Bezirke von Wien 1900.—*Derselbe:* „Ein Schauerroman als Quelle der „Ahnfrau" mit „Euphorion" VII. 725 ff. (1901).

восемнадцатаго столѣтія, родился въ 1714-мъ году въ Дофинэ. Онъ былъ сынъ фальшиваго монетчика, убитаго въ сраженіи съ разбойниками. Поклявшись отмстить за смерть отца, онъ дезертировалъ изъ войска въ сообществѣ двухъ товарищей и взялся сначала за отцовское ремесло. Потомъ онъ сдѣлался атаманомъ разбойничьей шайки и 26-го Мая 1755-го года погибъ на эшафотѣ. Мандрэнъ былъ такъ знаменитъ своей храбростью, что еще долго послѣ своей смерти жилъ въ народной фантазіи; еще въ 1786-мъ году появилось въ Женевѣ Le testament politique de Louis Mandrin въ 7-мъ изданіи.

Въ этой жизни разбойника заинтересовало нашего поэта одно только заключеніе: арестъ. Мандрэнъ влюбился въ дворянскую дѣвицу Изору (а не въ горничную), которая жила со своей старшей сестрой въ уединенномъ замкѣ. Хотя онъ былъ видный, необыкновенно красивый мужчина, Изора отвергала его исканія до тѣхъ поръ, пока онъ не поступилъ по совѣту своего товарища Роксроля, выдавъ себя за богатаго помѣщика барона Де-Мандрэнъ. Тогда онъ былъ принятъ и всѣ считали его женихомъ Изоры. Свадьба была уже близко. Въ это время его разбойничья шайка была неожиданно захвачена и послѣ отчаянной битвы удалось бѣжать только одному Мандрэну съ нѣсколькими товарищами. Сильно тѣснимый, искалъ онъ пріюта у ничего не подозрѣвавшей Изоры и пользовался имъ до тѣхъ поръ, пока его убѣжище не было открыто. Имя атамана стало извѣстно властямъ только тогда, когда его назвали двое изъ пойманныхъ разбойниковъ, а такъ какъ онъ жилъ у Изоры подъ тѣмъ же именемъ, его нетрудно было найти. Какъ разъ въ то время, когда онъ хотѣлъ покинуть замокъ, сыщики его окружили и арестовали на глазахъ у Изоры. Узнавъ истину такимъ страшнымъ способомъ, она съ отвращеніемъ отвернулась отъ жениха, но не будучи въ силахъ снести свой позоръ, отреклась отъ міра и ушла въ монастырь.

Какъ видно Грильпарцеръ заимствовалъ изъ біогра-

фіи Мандрэна не только эффектный арестъ, но также и прочія подробности для изображенія разбойничьей жизни: нападеніе на разбойниковъ въ лѣсу, бѣгство атамана и розыски его въ замкѣ: затѣмъ Яроміръ вторгается къ дворянамъ совсѣмъ какъ Мандрэнъ, и даже сочиняетъ про богатое имѣнье. По мысли Грильпарцера, захватъ атамана, занимающій во французскомъ разсказѣ всего одну сцену, распространяется въ дѣйствіе цѣлой пьесы, напряженность котораго все болѣе и болѣе наростаетъ въ то время, какъ ищутъ никому неизвѣстнаго и три раза почти уже узнаннаго Яроміра.

Фантастическій элементъ „Праматери" заимствованъ изъ вышеупомянутаго страшнаго романа. Грильпарцеръ разсказываетъ въ своей автобіографіи, что онъ съ дѣтства привыкъ къ исторіямъ о разбойникахъ и привидѣньяхъ. Онѣ были во вкусѣ того романтическаго времени, ихъ разсказывали няньки, онѣ же разыгрывались въ народныхъ театрахъ. Квартира родителей Грильпарцера помѣщалась въ старомъ домѣ съ мрачными комнатами, и поэтому даже и тамъ разбойники и духи не покидали легко возбуждаемую фантазію молодого поэта. Вкусъ къ сказочнымъ драмамъ съ привидѣніями царилъ на вѣнской народной сценѣ до самаго начала тридцатыхъ годовъ. Сцены благородныхъ театровъ тоже отдали дань этой страсти къ чудесному: явилась мода на трагедіи рока, началась она съ 1809-го года когда Захаріасъ Вернеръ написалъ свою драму „24-е Февраля". Подъ гнетомъ грандіозныхъ событій, развернувшихся на трагической аренѣ наполеоновскихъ войнъ, въ Германіи распространился духъ фатализма.

Переживали въ великомъ и въ маломъ тѣ удивительныя превратности судьбы, которыя повидимому, нельзя было объяснить однимъ разумомъ. Это угнетенное и безпомощное настроеніе отразилось тогда въ драмахъ рока, которыя часто бывали скорѣе нелѣпы, чѣмъ поэтичны и трогательны. Такимъ-же моднымъ страшнымъ романомъ

безъ всякихъ литературныхъ достоинствъ былъ и „Кровавый призракъ съ кинжаломъ и съ лампой“, который Грильпарцеръ цѣнилъ не выше, чѣмъ онъ стоилъ; тѣмъ не менѣе романъ этотъ далъ ему не только пригодный для драмы мотивъ обманчиваго сходства возлюбленной съ призракомъ, но также и весь аппаратъ моментовъ и настроеній, нужный для появленія призраковъ. Было-бы безцѣльно передавать мудреное содержаніе книги, которое монотонно, несмотря на свою пестроту, мы удовольствуемся той частью, которая дѣйствительно запечатлѣлась въ фантазіи нашего поэта.

Кровавый призракъ съ кинжаломъ и съ лампой — это духъ Беатрисы фонъ Линденбергъ, уже триста лѣтъ безпокойно блуждающій въ Богеміи. Беатриса бѣжала со смертельнымъ врагомъ своего дома, Зигмундомъ фонъ Соденъ, который влюбился въ нее, явившись въ замокъ ея отца неузнанный, съ враждебными цѣлями. Старый рыцарь пошелъ войной на обольстителя своей дочери, но былъ жестоко убитъ Зигмундомъ. Тѣмъ временемъ Беатриса уже отдала свое сердце другому рыцарю, который обѣщалъ взять ее къ себѣ, если она поможетъ ему при ограбленьи Зигмунда. Убійство этимъ послѣднимъ ея отца окончательно склонило ее къ предательству, но когда она появилась ночью передъ воротами замка въ покрывалѣ и съ лампой, желая пройти къ своему новому милому, тотъ пронзилъ ее кинжаломъ, такъ какъ не могъ уже вѣрить той, которая обманула отца и любовника. Въ послѣднія минуты жизни Беатриса раскаялась въ своихъ грѣхахъ: „Такъ сжалился надо мной Предвѣчный, — разсказываетъ она, уже будучи призракомъ, — хотя двери спокойствія были передо мной закрыты, у меня еще осталась надежда вступить въ нихъ когда-нибудь послѣ долгихъ страданій. Проклятіе отца надо мной тяготѣетъ... Триста лѣтъ должна ты—не человѣкъ и не тѣнь—блуждать по Линденбергу, гдѣ ты нарушила всякую добродѣтель“.

Эти триста лѣтъ истекаютъ какъ разъ къ началу

исторіи, которая разыгрывается во времена тридцатилѣтней войны, когда Валленштейнъ находился въ Богеміи. Обѣднѣвшій дворянинъ Бернардъ Соденъ долженъ освободить блуждающій призракъ. Совершить, это дѣло можетъ мужчина, который уже любилъ, но никогда еще не соблазнялъ невинность. Таковъ и есть юный Бернардъ, и кровавый призракъ особенно старается удержать его отъ преступленія страсти. Бернардъ любитъ прекрасную невинную Берту, которая такъ похожа на свою призрачную прародительницу Беатрису, что ее принимаютъ за ту, когда она одѣвается привидѣніемъ. Они съ Бернардомъ уже составили планъ бѣгства, разсчитанный на это сходство, но въ экипажъ, гдѣ Бернардъ ожидаетъ Берту, садится подлинный призракъ, неузнанный юношей, Бернардъ обнимаетъ его и падаетъ въ обморокъ...

Кровавый призракъ не обладаетъ большой силой. Онъ можетъ дѣйствовать только посредствомъ предостереженій и страдаетъ отъ сознанія своей вины. Онъ обитаетъ въ большой комнатѣ замка, жители котораго его же знаютъ и боязливо уступаютъ ему дорогу. Онъ появляется каждые пять лѣтъ, когда часы бьютъ полночь. При его приближеніи гаснутъ свѣчи. Онъ говоритъ жестами: манитъ, отталкиваетъ, грозитъ, ломаетъ руки, испускаетъ вопли и жалобы. Голова его окутана длиннымъ покрываломъ, онъ имѣетъ видъ ожившаго трупа, говоритъ тихимъ, замогильнымъ голосомъ и медленно ступаетъ по комнатѣ, при видѣ его у всякаго кровь застываетъ въ жилахъ.

Мы видимъ передъ собой всю внѣшнюю сторону призрака грильпарцеровской трагедіи. Очевидно поэтъ взялъ изъ страшнаго романа не только одинъ мотивъ обманчиваго сходства призрака съ человѣкомъ. Но сколько-бы онъ ни черпалъ оттуда событій, и вымысловъ, „Праматеръ“ не перестанетъ быть его собственнымъ произведеніемъ такъ какъ это зависитъ отъ того, что̀ онъ сдѣлалъ, изъ сырого матеріала. Изъ блудливой измѣнницы Беатрисы онъ сдѣлалъ трагическую клятвопреступницу, которая въ

вѣчныхъ мукахъ должна пребывать духомъ до тѣхъ поръ, пока не изсякнетъ родъ, порожденный ея грѣхомъ.

Изъ хвастливаго разбойника Мандрэна вышелъ дикій и благородный Яроміръ, который страстно желаетъ, но не можетъ слѣдовать добрымъ истинктамъ своей души; изъ Изоры, которая ушла въ монастырь, вышла добрая въ самой смерти вѣрная Берта, а въ образѣ стараго отца, который живетъ въ уединеніи своего замка огорченный и безнадежный, съ тяжелымъ гнетомъ на сердцѣ въ сознаніи своей обреченности, — молодой поэтъ воплотилъ свое личное настроеніе или вѣрнѣе уныніе. Надъ домомъ графа Боротина тяготѣетъ такое-же проклятіе, какъ надъ домомъ Лобдахидовъ, къ которому принадлежалъ царь Эдипъ. Грильпарцеръ зналъ и любилъ эту трагедію Софокла еще со временъ гимназіи и придалъ своему Яроміру кое-что изъ горестно-гнѣвной манеры ѳиванскаго царя. „Поклоненіе кресту“ Кальдерона, почти десять лѣтъ тому назадъ переведенное Шлегелемъ, Грильпарецъ тоже очень любилъ. Въ этой пьесѣ вылились въ поэтической формѣ тѣ-же драматическіе мотивы и настроенія, какъ у Софокла: убійство брата, преступная любовь брата къ сестрѣ вслѣдствіе незнанія родства, герой, превратившійся въ разбойника, и т. д. Если прибавить къ этому угнетенное настроеніе молодого поэта вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ его жизни и горя въ семьѣ, къ которой онъ такъ былъ приверженъ, то не трудно будетъ понять, что онъ углубился въ этотъ вымыселъ, который изобиловалъ мрачными картинами, воплощая всю силу судьбы въ унаслѣдованіи могучихъ страстей. Позднѣе, когда онъ увидалъ свою пьесу на сценѣ, у него явилось „неописуемо непріятное ощущеніе“, которое заставило его навсегда воздержаться отъ присутствія на представленіяхъ „Праматери“. Видѣть, какъ выступаютъ и воплощаются передъ тобой тѣ образы, которые ты создалъ, пустивъ ихъ на воздухъ въ полуполетѣ, и слышать звукъ ихъ шаговъ, есть нѣчто въ высшей степени странное“. Но именно богатство личнаго

содержанія и дѣлаетъ эту трагедію, — какъ-бы ни была далека ея фабула отъ дѣйствительной жизни поэта—чѣмъ-то вродѣ его поэтическаго изліянія, оно-то и составляетъ ея преимущество. Скрытое признаніе въ этомъ ясно выражено поэтомъ въ защитѣ, написанной имъ въ 1817 г. „Вступи въ жизнь—говоритъ онъ,—дай страданью и горю бушевать въ твоей беззащитной груди и, когда волосы твои встанутъ дыбомъ, ты поймешь, что лежитъ въ основѣ „Праматери", а также и то, что это *ничто,* по крайней мѣрѣ взятое субъективно, не есть пустое ничто".

13-го августа 1816-го года „Праматерь" была готова послѣ трехнедѣльной работы. Грильпарцеръ отдалъ ее Шрейфогелю. Тотъ былъ сильно потрясенъ увлекательнымъ полетомъ языка и захватывающей силою сценъ, но потребовалъ отъ поэта нѣкоторыхъ дополненій. Грильпарцеръ удовольствовался тѣмъ, что представилъ „Праматерь" только Кассандрой дома Боротинъ, какъ рисуетъ ее Гюнтеръ въ третьей сценѣ перваго акта.

И тогда всѣ люди видятъ,
Какъ идетъ, скорбя, бродить,
Все грядущее провидитъ
И не можетъ отвратить.

Отсюда начинается въ первомъ изложеніи слѣдующее (по сличенію Генриха Лаубе):

БЕРТА. Вы блѣдны, отецъ мой; правда-ль
То, что намъ сказалъ старикъ?
ГРАФЪ. Правда или нѣтъ? Дитя,
Мы небеснаго совѣта
Терпѣливо будемъ ждать.
Пусть достойно, какъ мы жили,
Встрѣтимъ мы ударъ судьбы,
Не должна и смерть повѣдать,
Что Боротинъ знаетъ страхъ.

А теперь, пойдемъ, дитя,
Отведи меня въ покой мой.
Время сна не наступило,
Но усталымъ нуженъ отдыхъ,
Пережилъ я въ часъ единый
Больше, чѣмъ во много дней.
(*Берта уводитъ старика*).

ГЮНТЕРЪ (*убирая свѣчи*).
Отдыхать?—О, господинъ мой!
Отдыхать со страхомъ въ сердцѣ
И съ увѣренностью тяжкой,
Что твой часъ готовъ пробить!
Только въ грозный часъ Праматерь
Покидаетъ сводъ могильный.
Знаю то, что намъ грозитъ.
Лучше самъ бы я погибъ!
(*Сильные удары въ ворота*).
Что такое? Что за шумъ?
Кто такъ поздно ходитъ въ гости?
Самъ пойду узнать, въ чемъ дѣло.
(*Уходитъ*).

Затѣмъ слѣдовала сцена появленія Яроміра, а относительно прошлаго Праматери не было больше никакихъ разъясненій. По этому поводу Шрейфогель сдѣлалъ на поляхъ рукописи слѣдующую отмѣтку: „Вліяніе Праматери на судьбу ея семейства должно быть глубже обосновано. Оно происходитъ потому, что ея потомки (сами того не зная), суть *дѣти ея грѣха*, на проступки и страданья которыхъ, она обречена смотрѣть до тѣхъ поръ пока не изсякнетъ ея грѣшный родъ, неправедно полученное владѣніе будетъ покинуто, и тайное преступленье *открыто* и вполнѣ наказано. Эта основная идея, которая придаетъ фабулѣ общее и болѣе глубокое значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ характеръ Праматери и дѣлаетъ ея призракъ дѣйствительно трагическимъ лицомъ

Она предостерегаетъ отъ зла и принимаетъ участіе въ страданіяхъ, которыя она не можетъ предотвратить, но видитъ въ смерти своихъ потомковъ только очищеніе своего несчастнаго рода и освобожденіе отъ наклонности къ злу, которую онъ унаслѣдовалъ отъ нея. То-же самое должно опредѣлять и характеры ея потомковъ, никто изъ нихъ не можетъ быть вполнѣ чистымъ, но также никто не можетъ быть злымъ".

„Это примѣчаніе уважаемаго драматурга,—говоритъ Лаубе,—принудило молодого поэта написать тотъ догматическій выводъ, который онъ влагаетъ въ уста кастеляна Гюнтера, начиная со словъ:

Все сказалъ я,
Что посмѣю здѣсь повѣдать,
до словъ графа:
Намъ одно должно быть страшно:
Быть похожимъ на нее.

Шрейфогель явно не довольствуется тѣмъ, чтобы опредѣлять цѣнность Праматери въ трагедіи только поэтическимъ настроеніемъ, какъ то было по первому замыслу Грильпарцера, онъ требовалъ для нея болѣе сильнаго личнаго интереса, что вполнѣ оправдывалось исходной точкой этого знатока театра. Изъ полумрака задняго плана выступила виновность, являясь въ полномъ свѣтѣ наслѣдственности. Грильпарцеръ говорилъ Лаубе, что только эти мѣста „Праматери", вставленные по понужденію Шрейфогеля, и сообщили его пьесѣ фатальный характеръ, придавъ ей „запахъ трагедій рока", но мы можемъ не согласиться съ этимъ взглядомъ, хотя-бы Лаубе и раздѣлялъ его. „Праматерь" и въ первомъ изложеніи остается трагедіей рока, потому что уже и тамъ старый Боротинъ, твердя о своемъ „грѣшномъ родѣ" говоритъ:

„Что сама судьба рѣшила
По всему лицу земному
Родъ Боротинъ истребить"

—и далѣе:

„Видишь сынъ мой какъ живутъ
Здѣсь отмѣченные рокомъ".

Это взглядъ страдающаго пессимиста. Своей дочери Бертѣ говоритъ онъ въ четвертомъ актѣ:

Радость, бѣдное дитя,
Плачь, терпи, страдай, умри!
Нѣтъ тебѣ благословенья,
На землѣ—одно мученье,
Ты вѣдь дочь моя родная,
Ты изъ рода Боротинъ!

Пьеса просто насыщена этимъ фатальнымъ настроеніемъ, Яроміръ и Берта тоже его раздѣляютъ. Уже это одно составляетъ ея существенное отличіе отъ софокловскаго „Царя Эдипа" хотя тамъ и чувствуется судьба, дѣйствующая помимо человѣческой воли, всѣ лица трагедіи дѣйствуютъ безъ сознанія этого факта и, за исключеніемъ хора, не обнаруживаютъ личнаго фатализма. Если прибавить къ этому, что Грильпарцеръ не могъ воздержаться отъ игры съ фатальнымъ кинжаломъ, который угрожающе вонзитъ на стѣнѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ убилъ Праматерь, и въ концѣ концовъ рукою Яроміра наноситъ смертельный ударъ послѣднему Боротину—совсѣмъ во вкусѣ вернеровскихъ и мюльнеровскихъ драмъ рока,—то уже совершенно невидно, въ чемъ заключается неправда того, что „Праматерь" тоже трагедія рока. Но конечно „24-е Февраля" или мюльнеровскую драму отдѣляетъ отъ „Праматери" по меньшей мѣрѣ такое-же разстояніе, какъ эту трагедію отъ софокловскаго „Эдипа". Ульрихъ фонъ Вилламовицъ-Мэллендорфъ разумѣется правъ, говоря въ предисловіи своего перевода „Эдипа": „Можно назвать его трагедіей ничтожества человѣческаго счастья. Здѣсь ничего не говорится о судьбѣ, которая поднимаетъ человѣка, когда она его сокрушаетъ. И однако какая разница

съ трагедіей рока во вкусѣ „Праматери“. Тамъ изобиліе устрашающихъ средствъ: буря, ночь, привидѣнья, нераціональныя предчувствія и случайности, которыя конечно заставляютъ насъ пугаться. Здѣсь же все протекаетъ въ спокойномъ свѣтѣ дня, все совершается естественно и понятно. То немногое, что чуждо, объясняется условіями аѳинскаго театра“. Самъ Грильпарцеръ былъ тоже далекъ отъ того, чтобы приравнивать къ мастерской вещи греческаго классика свое юношеское произведеніе, возникшее подъ вліяніемъ современнаго вкуса. Но Вилламовицъ несправедливъ къ Грильпарцеру, когда онъ прибавляетъ: „Поэтъ (Грильпарцеръ) поступаетъ такъ, какъ будто онъ самъ въ это вѣритъ, но мы поступаемъ такъ, потому что любимъ, когда насъ пугаютъ“. Критикъ просмотрѣлъ, богатое поэтическое содержаніе „Праматери“ и полноту глубоко прочувствованнаго субъективнаго настроенія, изобразить которое для поэта было гораздо важнѣе, чѣмъ запугать зрителей. Эта поэзія и теперь еще чувствуется въ „Праматери“ вмѣстѣ съ бурной стремительностью діалога: очевидно это и было то самое, что способствовало побѣдному шествію этого произведенія черезъ всѣ нѣмецкія сцены того времени. Въ теченіи трехъ лѣтъ оно выдержало три изданія, уже въ 1823-омъ году оно было переведено на французскій языкъ, а потомъ на англійскій, шведскій, итальянскій, польскій, чешскій, венгерскій: согласно вкусамъ того времени, на него была написана также пародія и оно подверглось самому суровому приговору критики. Долгое время упорно держалось то мнѣніе, что Грильпарцеръ писатель того-же разряда, какъ Вернеры, Мюльнеры и Хаувальды, которые были очень презираемы въ качествѣ поэтовъ рока. Самую содержательную критику написалъ въ то время Людвигъ Берне [1]). Онъ одинъ изъ всѣхъ рецензентовъ призналъ поэтическую

[1]) Ср. L. Börnes gesammelte Schriften (Leipzig, Max. Hesse's Verlag) II, 288 ff.

силу новичка, свою полемику противъ фатализма на сценѣ заключилъ онъ слѣдующими словами:

„Вышеприведенныя замѣчанія, направленныя противъ трагедіи, должны указывать только на то, какая путаница царитъ во взглядахъ новѣйшихъ писателей на драматическое искусство, но они не должны задѣвать прекраснаго и вдохновеннаго поэта. Побольше-бы намъ такихъ драматическихъ поэмъ, чтобы мы избавились, наконецъ, отъ жалостныхъ фамильныхъ исторій, которыя пролѣзаютъ, какъ клопы, во всѣ щели подмостковъ, дѣлаются совершенно невыносимы и доводятъ насъ до отчаянія".

Берне говоритъ въ своей критикѣ: „фатумъ въ пониманіи древнихъ не можетъ быть примѣнимъ на нашей сценѣ. Если случается, какъ въ „Праматери", что безвкусная кукла составляетъ пружину всего произведенія, то при этомъ теряется не только настоящая цѣль трагедіи, но также и путь къ фальшиво избранной цѣли"... Ничего не зная о рѣшающемъ совѣтѣ Шрейфогеля, Берне направляетъ свои упреки главнымъ образомъ противъ фигуры Праматери въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась послѣ добавки. Поэтому можно сказать съ нѣкоторой вѣроятностью, что только это мнѣніе Берне, очень цѣнимое Грильпарцеромъ, и привело его къ тому заблужденію, что „Праматерь" сдѣлалась трагедіей рока только благодаря Шрейфогелю. На самомъ дѣлѣ она была таковою съ самаго начала, несмотря на всѣ свои поэтическіе красоты.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ „ПРАМАТЕРИ“ ЮСИФА ШРЕЙФОГЕЛЯ.

Праматерь появляется здѣсь такъ, какъ она написана, безъ тѣхъ сокращеній и измѣненій, которыя считались цѣлесообразными при ея постановкѣ на сценѣ. Эти измѣненія вызваны не только длиною пьесы, но также разнаго рода сценическими соображеніями, а послѣдствія ихъ оправдали. Поэтому авторъ желаетъ, чтобы его трагедія шла и на другихъ сценахъ въ томъ же видѣ, какъ она появилась въ здѣшнемъ театрѣ.

Если успѣхъ сопровождавшій постановку этой трагедіи, превзошелъ ожиданія автора, то не менѣе этого былъ онъ пораженъ тѣми странными недоразумѣніями, которыя возникли по поводу нравственной тенденціи его пьесы и съ неутомимой дѣятельностью распространялись литературными сплетниками. Авторъ надѣется, что эти недоразумѣнія исчезнутъ сами собой, когда публика возьметъ на себя трудъ прочесть его пьесу. Насколько ему извѣстно, въ ней нѣтъ ни слѣда того безвкуснаго заблужденія, которое ему хотятъ навязать. Ему и въ голову не приходило *искупать* преступленіе преступленьемъ и *строить новую систему фанатизма* посредствомъ сцѣпленія грѣха и несчастныхъ обстоятельствъ, которые составляютъ содержаніе его трагедіи. Шекспиръ и Кальдеронъ восполь-

зовались для поэтическихъ цѣлей суевѣрнымъ безумiемъ мрачныхъ временъ съ несравненно большею смѣлостью, чѣмъ это сдѣлано въ „Праматери“, при чемъ ихъ за это не обвиняли въ ереси. Въ „Поклоненіи Кресту“ и „Частилищѣ св. Патрика“ (обѣ пьесы принадлежатъ, такъ называемому, *христіанньйшему* изъ поэтовъ) судьба играетъ гораздо болѣе языческую роль, чѣмъ въ настоящей пьесѣ, гдѣ нѣкая грѣшница искупаетъ свое тайное преступленіе посредствомъ мучительнаго лицезрѣнія вины и страданій, которыя она сама принесла въ удѣлъ своимъ потомкамъ, способъ который не противорѣчитъ ни еврейскому, ни христіанскому пониманію. Усиленное влеченіе къ злу, которое должно корениться въ унаслѣдованной крови, не исключаетъ свободной воли и нравственной вмѣняемости. Софизмъ страстей, который авторъ влагаетъ въ уста лицамъ своей трагедіи, не есть его символъ вѣры; столь-же мало говоритъ противъ правовѣрности его взглядовъ на искусство и случайный выборъ сказочнаго матерьяла. Авторъ не знаетъ той *школы* къ которой его охотно причисляютъ, и не знаетъ, по какому праву ставятъ въ вину писателю, который въ первый разъ выступаетъ въ публикѣ, не считаясь и не имѣя связи ни съ какой партіей, тѣ нелѣпости, которыя могли быть сказаны другими даже и въ похвалу ему самому.

Авторъ охотно отдаетъ на судъ критиковъ поэтическіе достоинства или недостатки своего опыта. Онъ признаетъ, что во многихъ отношеніяхъ они могутъ сказать о немъ гораздо больше дурного, чѣмъ было до сихъ поръ сказано. Онъ знаетъ, что никому не далъ повода поощрять его къ *скромности*. Онъ слишкомъ высоко ставитъ искусство, чтобы быть высокаго мнѣнія о себѣ самомъ. Повидимому, по крайней мѣрѣ отчасти, образцы извѣстны ему лучше, чѣмъ тѣмъ, кто его къ нимъ отсылаетъ. Онъ не лишенъ свѣдущихъ и справедливыхъ друзей, всякаго рода благомыслящіе судьи искусства не отказываютъ ему въ гласныхъ совѣтахъ.

Если-же его будущія работы будутъ имѣть не больше достоинствъ, чѣмъ настоящая, вина въ этомъ лежитъ не въ его образцахъ и не въ критикѣ, а въ ограниченности его таланта, недостатокъ котораго какъ извѣстно, не можетъ быть возмѣщенъ ничѣмъ, даже и благомысліемъ критики.

ПРИМѢЧАНІЯ ГРИЛЬПАРЦЕРА КЪ „ПРАМАТЕРИ".

НАБРОСОКЪ ПРЕДИСЛОВІЯ.

Отдавая въ печать нижеслѣдующую трагедію, я подчиняюсь давно уже принятому въ нашихъ театрахъ обычаю и часто высказываемому желанію публики, которая любитъ, чтобы пьесы предназначенныя для постановки, появлялись также и въ печати; ей пріятно возстановить изгладившіяся впечатлѣнія, еще разъ насладиться тѣми мѣстами, которыя понравились, и во всякомъ случаѣ быть въ состояніи судить о недостаткахъ, вкравшихся въ постановку.

Въ настоящемъ случаѣ къ этому присоединилось, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно возникшее въ авторѣ сомнѣніе въ сценичности своего замысла, а также страхъ, что при возможной неудачѣ на сценѣ его будутъ судить *только* по послѣдствіямъ этого факта и наконецъ то обстоятельство, что ради экономіи постановки, придется пожертвовать многими мѣстами пьесы, которыя авторъ считалъ наиболѣе удачными и не хотѣлъ окончательно похерить, оставивъ ихъ ввидѣ противовѣса къ болѣе слабымъ. Все это принудило меня къ печатанію, которое сначала предполагалось отложить до болѣе поздняго времени.

Для безпристрастнаго критика будетъ теперь ясна та точка зрѣнія, съ которой нужно судить объ этихъ страницахъ. Я не думалъ пополнять новой книгой море нѣмецкой литературы или давать въ руки *читателю* нѣчто само по себѣ независимое и самостоятельное, эта книжка предназначена только для *зрителя*, она должна лишь по-

мочь постановкѣ, когда она состоится и въ свою очередь поможетъ книгѣ.

Я желалъ-бы только имѣть увѣренность въ томъ, что меня не примутъ за тщеславнаго дурака, который хочетъ видѣть себя въ печати и въ переплетѣ будь то въ совершенномъ или не совершенномъ видѣ. Мнѣ остается отвѣтить только одно, а именно: зачѣмъ я пытаюсь ставить на сцену произведеніе, недостатковъ котораго я не отрицаю и въ сценичности коего (вслѣдствіе факта введенія призрака) я и самъ принужденъ сомнѣваться? Вполнѣ оправдать себя въ этомъ я не могу, но уважительныя причины, быть можетъ, найдутся. Во-первыхъ, я знаю, какъ бѣдна въ настоящее время наша сцена по части новыхъ явленій, достойныхъ хоть какого-нибудь вниманія; во-вторыхъ, меня ободряетъ мысль, что исполненіе моей пьесы ввѣрено актерамъ, которые такъ часто умѣли сдѣлать нѣчто изъ ничего, что легко возникаетъ надежда на то, что изъ кое-чего они сумѣютъ сдѣлать и много; кромѣ того, мнѣ необходимо провѣрить мои идеи о сценичности и изобрѣтательности постановки посредствомъ личнаго опыта и сдѣлать столь замедленный сомнѣніемъ и нерѣшительностью первый шагъ на томъ поприщѣ, которое я себѣ намѣтилъ. и наконецъ я надѣюсь на снисхожденіе просвѣщенной публики, которая столь охотно поощряетъ стремленія новичка, когда они не вполнѣ безсильны

Кто приметъ это объясненіе, написанное изъ страха быть плохо понятымъ, за мольбу о милости и пощадѣ, тотъ сильно ошибется. Я чувствую смиреніе только тогда, когда сравниваю то, что я далъ, съ тѣмъ, что я хотѣлъ и еще надѣюсь дать, но есть и другія сравненія, которыя меня возвеличиваютъ.

А теперь довольно. Я умѣю уважать основательную критику, опровергать неосновательную и презирать неприличную.

Вѣна, 19 января 1817.

(1817).

Публика, вѣроятно, удивлялась вмѣстѣ со мной, что такое драматическое произведеніе, какъ моя трагедія „Праматерь", которая вмѣстѣ съ большимъ успѣхомъ пріобрѣла такъ много враговъ, не вызвало въ нашихъ обычно столь проворныхъ ежедневныхъ листахъ ничего, кромѣ анонимной, поверхностной болтовни и брани, и въ нихъ не появлялось до сихъ поръ ничего, хоть сколько-нибудь достойнаго вниманія и имѣющаго хоть подобіе основательности. Въ настоящее время этотъ пробѣлъ пополненъ. Въ 24-мъ номерѣ Вѣнской Модной Газеты, господинъ Алоизій Іейттелесъ поднялъ мечъ и сильнымъ ударомъ *экразировалъ* бѣдную „Праматерь" (я заимствую слово экразировалъ изъ французскаго бюллетеня, потому что тщетно искалъ въ немѣцкомъ языкѣ столь же сильнаго выраженія). Я знаю о существованіи только одного Алоизія Іейттелеса, а именно того, который напечаталъ въ Вѣнской Модной Газетѣ 1816-го года разсказъ „Капитанъ замка де-Кусси", заведя его въ тонѣ Фукэ (да проститъ ему Богъ!) причемъ онъ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказалъ, съ какимъ успѣхомъ можно изгнать изъ самаго лучшаго матерьяла весь его духъ посредствомъ обработки, лишенной духа. Предполагая, что новоявленный критикъ Алоизій Іейттелесъ и авторъ разсказа—одно и то же лицо, но не принимая его за противника, такъ какъ по правиламъ дуэли, дерутся люди, только равные по рожденію, я обращаю къ нему слѣдующія честныя слова: милый молодой человѣкъ, ты, конечно, хорошо сдѣлалъ, что столь усердно читалъ сочиненія Шлегеля о драматическомъ искусствѣ и литературѣ, но если въ этомъ писателѣ очень много прекраснаго и поучительнаго даже для тѣхъ, кто во многомъ съ нимъ не согласенъ, то для того, кто не можетъ положиться на свои собственныя ноги и все-таки хочетъ бѣжать за другими, нѣтъ иного средства, какъ пріискать себѣ хорошія помочи.

Но когда ты будешь предлагать публикѣ *плоды своего знанія*, остерегайся впредь двухъ вещей. Отучись писать: *Я говорю*, но пиши: *Шлегель* говоритъ, причемъ ты, кромѣ другихъ, пріобрѣтешь еще и то преимущество, что та часть публики, которая уважаетъ авторитеты, не рѣшится смѣяться надъ твоими сужденіями. А потомъ не примѣшивай своего собственнаго безсмыслія къ идеямъ человѣка, талантъ котораго, даже и тамъ, гдѣ онъ является одностороннимъ, все же достоинъ уваженія.

Что же касается до сказаннаго тобою самимъ, ты вѣроятно, не будешь требовать, чтобы я входилъ въ подробности; вѣдь важнѣйшее изъ того, что ты высказалъ, было давно уже сказано и испытано со многихъ сторонъ еще прежде, чѣмъ сказалъ это въ первый разъ Шлегель, а потому было бы жестоко задѣвать въ спорѣ объ мнѣніяхъ человѣка, столь невиннаго въ этомъ вопросѣ, какъ ты. Для закрѣпленія собственныхъ идей, совѣтую тебѣ, неизвѣстный мой другъ, кромѣ твоего или, вѣрнѣе, шлегелевскаго канона, т. е. Ахилла и Прометея, прочесть также и другихъ героевъ греческой трагедіи, а именно, великолѣпную трилогію о гибели рода Лабдахидовъ, причемъ—предположивъ, что ты хочешь и можешь не только молиться, но также и думать, твои мнѣнія о фатумѣ древнихъ и античной трагедіи будутъ провѣрены. Что же касается твоей второй шкатулки, въ которую ты желаешь втиснуть всѣ произведенія, содержащія романтическую трагедію *въ твоемъ духѣ*, то, по зрѣломъ размышленіи, тебѣ не трудно будетъ замѣтить, что это пустое помѣщеніе, которое въ лучшемъ случаѣ подходитъ къ „Стойкому принцу“ Кальдерона (далеко не лучшая изъ его вещей) и оставляетъ въ сторонѣ большую часть остальныхъ произведеній новыхъ писателей, а въ особенности гигантскія созданія Шекспира, которыя довольно-таки далеки отъ твоего хваленаго предчувствія, тоскованія и исчезновенія въ абсолютномъ.

Вообще, милый другъ, учись понимать, что твоя нахватанная книжная мудрость есть замаскированная глу-

пость, привыкни воспринимать искусство съ полною силою чувства, а не разсудочно и ты научишься понимать, что тѣ основы, которыя составляютъ суть драматическаго искусства не выдуманы посредствомъ теорій, а существуютъ на практикѣ, особенно въ такомъ искусствѣ, высшее пониманіе котораго, т. е. его красоты для насъ уже темны. Вступи въ жизнь, дай страданью и горю бушевать въ твоей беззащитной груди и, когда волосы твои встанутъ дыбомъ, ты поймешь, *что* лежитъ въ основѣ „Праматери“, а также и то, что это *ничто,* по крайней мѣрѣ, взятое субъективно, не есть пустое ничто. Вообще остерегайся впредь нескромныхъ манеръ и непрошенной болтовни, учись цѣнить въ другихъ непритязательныя и скромныя стремленія и подражай имъ лучше вмѣсто того, чтобы дерзко и безполезно (при твоей неумѣлости) мѣшать имъ въ ихъ тихой работѣ. Но, главное, берегись говорить рѣшающимъ тономъ, потому что то, что ты говоришь, ничего не рѣшаетъ. А затѣмъ, съ Богомъ! Я надѣюсь, что намъ не придется болѣе разговаривать. Твоя критика для меня безразлична, твои ругательства я презираю, а тебя самого жалѣю.

Я продолжаю... Какъ ни велико было мое удивленье по поводу пламенной болтовни господина Іейттелеса, оно еще болѣе возросло, когда я сталъ читать дальше и нашелъ, что господинъ Хебенштрейтъ раздѣляетъ его взгляды. Господинъ Хебенштрейтъ, который въ своихъ театральныхъ замѣткахъ (критики онъ до сихъ поръ не давалъ) всегда отличался большей дозой здраваго смысла, того здраваго смысла, который есть у лучшей части театральной публики, но еще довольно далекъ отъ сужденій объ искусствѣ,—этотъ господинъ Хебенштрейтъ,—говорю я,—подписывается безъ ограниченій подъ изліяніями мечтательнаго мальчика. Онъ уже давно показалъ мнѣ своими тайными нападеніями, что онъ недоброжелателенъ къ моей трагедіи или ко мнѣ самому, но я бы никогда не подумалъ, что свойственная ему доселѣ робость сужденій въ такой

мѣрѣ его покинетъ и онъ подвергнетъ себя насмѣшкамъ, слѣпо подписавшись подъ такимъ мнѣніемъ.

Впрочемъ, благодаренъ ему за все, что онъ говорилъ прежде для меня лестнаго, и сожалѣю только о томъ, что я не могу забыть лукавыхъ поддразниваній его прежнихъ замѣтокъ: забывъ ихъ, я-бы вѣроятно повѣрилъ въ искренность его тона.

А теперь еще одно слово къ публикѣ, въ немъ-то и есть истинная цѣль настоящаго объясненія. По тому, какъ меня задѣваютъ противники, всякій безпристрастный судья можетъ думать, что я тщеславный, надутый дуракъ, который считаетъ, что его трагедія—мастерское произведеніе и не принимаетъ никакой критики, а потому наказать его слѣдуетъ, только нужно имѣть для этого болѣе искусныхъ палачей, чтобы хорошенько его отхлестать. Я безконечно далекъ отъ всѣхъ подобныхъ представленій. Призываю въ свидѣтели всѣхъ, кто меня знаетъ: пусть скажутъ они, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ я увидѣлъ ошибки моего произведенія сейчасъ-же послѣ охлажденія, наступившаго вслѣдъ за жаромъ, неразрывно связаннымъ съ первымъ выступленіемъ въ свѣтъ, и какъ самъ я противился появленію моей пьесы на сценѣ до тѣхъ поръ, пока болѣе опытные друзья не заставили меня сдѣлать первый шагъ: ни одинъ новичекъ не писалъ еще ничего такого, въ чемъ-бы не было ошибокъ, а моя трагедія—такъ полагали они—при всѣхъ своихъ ошибкахъ содержитъ много такого, что заставляетъ прощать ихъ, и наконецъ публика не лишитъ автора того снисхожденія, которое столь часто принимается во вниманіе ея ветеранами. Я дерзнулъ и не жалѣю объ этомъ. Бороться съ завистью, бездарностью и безвкусіемъ это въ порядкѣ вещей. Эти крики не смогутъ меня обмануть, я буду идти своей дорогой, провѣрять вкравшіяся ошибки собственнымъ наблюденіемъ и вообще держаться вдали отъ теченій той вздорной, лицемѣрной и неодухотворенной школы, которая, если только она не распадется вскорѣ

сама собой, приведетъ нѣмецкую поэзію къ ея былому ничтожеству, такъ какъ безсиліе и безплодность этого направленія очевидны.

Такъ буду я держаться, а впослѣдствіи будетъ видно, какъ далеко это меня заведетъ.

Въ заключеніе я обѣщаю публикѣ, что избавилъ ее отъ всѣхъ дальнѣйшихъ докукъ, жалобъ, полемики и т. п. Я ненавижу всѣ писанія этого рода и, если поступилъ противно только что высказанному принципу, то это случилось лишь потому, что я хотѣлъ показать своимъ противникамъ, что молчу не изъ страха. Если-же кому-либо изъ нихъ удастся выискать partie honteuse моей пьесы, что было-бы вполнѣ возможно при постоянномъ ощупываньи, то это меня порадуетъ ради самого дѣла, но до сихъ поръ еще этого не случилось.

Откуда происходитъ то несказанное враждебное чувство, которое меня удерживаетъ или вѣрнѣе дѣлаетъ для меня невозможнымъ присутствовать еще разъ на представленіи моей „Праматери?“ Отчасти объяснить это можно, но вполнѣ мнѣ это не удается. Я никогда въ жизни не забуду того, какъ я чувствовалъ себя во время представленія. Я думаю, что если неожиданно поставить передъ моими глазами мое собственное изображеніе въ натуральную величину, сдѣланное изъ воска и раскрашенное съ натуры, но во всей своей мертвенной неподвижности, мое чувство было-бы очень сходно съ тѣмъ ощущеніемъ. Видѣть, какъ выступаютъ и воплощаются передъ тобой тѣ образы, которые ты создалъ, пустивъ ихъ на воздухъ въ полу-полетѣ, и слышать звукъ ихъ шаговъ есть нѣчто въ высшей степени странное. Представленіе моей пьесы очевидно оскорбляло также мою стыдливость. Что-то говоритъ во мнѣ, что обнажать душу также не хорошо, какъ и тѣло.

Если-бы письмо Мюльнера было обращено ко мнѣ, и я долженъ-бы былъ на него отвѣчать, я сказалъ бы приблизительно слѣдующее: вы неоспоримо доказали вашимъ

сужденіемъ о „Праматери“, что ни одна изъ общихъ идей, которыя могли бы лежать въ основѣ этой пьесы и, судя по выпискамъ изъ предисловія, дѣствительно составляютъ ея основу, не осуществлена и не представлена наглядньмъ образомъ. Это я охотно признаю, но долженъ однако замѣтить, что „Праматерь“ въ ея настоящемъ видѣ не *моя* „Праматерь“ и предисловіе, какъ оно ни хорошо, не *мое* предисловіе, а кромѣ того въ этой пьесѣ въ ея первоначальномъ изложеніи не было и рѣчи объ воплощеніи отвлеченной и общей идеи. Для того, чтобы все это было понятно, я долженъ разсказать о ходѣ всего этого дѣла. Я уже съ раннихъ лѣтъ со страстью предавался поэзіи. Мои опыты нравились мнѣ и моимъ друзьямъ, и мнѣ пришла въ голову мысль попытаться создать нѣчто болѣе крупное. Со всей живостью первой юности набросился я на критическій матерьялъ и вознамѣрился написать трагедію: Бланка Кастильская (супруга Педро Жестокаго). Очень скоро я замѣтилъ, что осуществленіе этого плана имѣетъ скрытые типы, о чемъ я и не подозрѣвалъ въ упоеніи первыхъ набросковъ, къ этому присоединилось еще необычайное отвращеніе, которое я съ дѣтства питалъ къ продолжительному сидѣнью на мѣстѣ, въ особенности къ *писанью,* словомъ, прежде, чѣмъ былъ оконченъ первый актъ, я оборвалъ и бросилъ работу; мнѣ было тогда не больше пятнадцати лѣтъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, я какъ будто совсѣмъ забылъ о поэзіи подъ напоромъ вновь проснувшейся жизни, но пришла счастливая минута, и я опять взялся за свою Бланку. Понятно, что при большей зрѣлости меня уже не удовлетворилъ первый планъ. Я разрушалъ, снова строилъ, переправлялъ характеры и факты, словомъ набросалъ совершенно новый планъ. Къ несчастью, я не могъ рѣшиться сдать въ архивъ почти уже конченный первый актъ, но по свойственной мнѣ лѣности оставилъ его какъ есть и строилъ дальше, обѣщавъ себѣ въ то же время, что я переработаю его, когда кончу пьесу. Работа шла медленно:

среди тысячи помѣхъ и перерывовъ пьеса была окончена только черезъ годъ и носила на себѣ всѣ слѣды промедленія и перерывовъ; она была страшно растянута, неравномѣрно отлита и страдала отсутствіемъ внутренней связи между частями. Но объ этомъ я тогда и не мечталъ. Переработку перваго акта я нашелъ обременительной, а потому и ненужной. Я удовольствовался тѣмъ, что кое-гдѣ поправилъ, при чемъ очень опасался того, чтобы что-нибудь выпустить, потому что все это мнѣ очень нравилось. Какъ разъ въ это время меня поразилъ жестокій ударъ. Умеръ отецъ и оставилъ семью, которая всегда пользовалась при немъ достаткомъ...

Ф. Грильпарцеръ.

ПРАМАТЕРЬ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ 5 ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГРАФЪ ЗДЕНКО фонъ-БОРОТИНЪ.
БЕРТА, его дочь.
ЯРОМІРЪ.
БОЛЕСЛАВЪ.
ГЮНТЕРЪ, кастелянъ.
КАПИТАНЪ.
СОЛДАТЪ.
Толпа: СОЛДАТЫ и СЛУГИ.
ПРАМАТЕРЬ дома Боротинъ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Готическій залъ. Въ глубинѣ двѣ двери. Въ боковыхъ стѣнахъ справа и слѣва тоже по двери. На одной изъ переднихъ кулисъ виситъ заржавленный кинжалъ въ ножнахъ. Поздній зимній вечеръ. На столѣ свѣчи.

ГРАФЪ БОРОТИНЪ, БЕРТА.

Графъ сидитъ у стола, устремивъ взоры на письмо, которое держитъ въ рукахъ.

ГРАФЪ. Ну, такъ съ Богомъ! Будь, что будетъ!
Вижу, вѣтвь летитъ за вѣтвью,
Догниваетъ шаткій стволъ;
Лишь ударъ—онъ также рухнетъ,
И очутится во прахѣ,
Осѣнявшій наши долы,
Широковѣтвистый дубъ.
Вѣкъ за вѣкомъ эти вѣтви
Зеленѣли, изсыхали,
Стволъ изсохнетъ, какъ они;
Отъ дѣяній нашихъ предковъ
Ихъ стремленій, ихъ борепій,
Не останется слѣда,
Не пройдетъ и полъ столѣтья,
Какъ забудутъ наши дѣти
Родъ Боротинъ навсегда.

БЕРТА (у окна).
Ночь ужасная, отецъ мой!
Мракъ и холодъ, какъ въ гробу.
Вѣтры вспугнутые воютъ
И снуютъ, какъ духи ночи;
Все, что видитъ глазъ,—въ снѣгу,
Всѣ холмы и всѣ вершины,
Всѣ деревья, всѣ равнины;
Какъ мертвецъ, земля недвижна
Въ нѣжномъ саванѣ зимы:
И глазницами пустыми
Небосводъ глядитъ беззвѣздный
Въ необъятную могилу!

ГРАФЪ. Какъ часы идутъ лѣниво!
Слышишь колоколъ ты, Берта?

БЕРТА (отходя отъ окна и садясь за работу противъ отца).
Только семь часовъ онъ пробилъ.

ГРАФЪ. Семь часовъ? А мракъ ужъ полный! —
Ахъ, дряхлѣютъ силы года,
Дни становятся короче,
Жилы медленнѣе бьются,
Годъ склонился въ темный гробъ.

БЕРТА. О, настанетъ май веселый,
Вновь одѣнутся поля,
Вѣтерокъ нѣжнѣй повѣетъ,
Лугъ цвѣтами запестрѣетъ.

ГРАФЪ. Новый годъ придетъ, конечно,
Этотъ лугъ зазеленѣетъ,
Забурлятъ ручьи повсюду,
И цвѣтокъ, теперь увядшій,

Долгій зимній сонъ оставитъ,
Вскинетъ дѣтскую головку
На подушкѣ бѣлоснѣжной,
Прежней, ласковой улыбкой
Улыбнется свѣтлый взоръ.
Каждый кустъ, простершій къ небу
Обезсиленныя бурей
И безпомощныя руки,
Будетъ зеленъ, какъ бывало.
Все что дышетъ и живетъ
Въ домѣ радостной природы, —
Всѣ лѣса, долины, воды —
Новой жизнью зацвѣтетъ,
Вновь съ весною оживетъ;
Только родъ мой — не воскреснетъ!

БЕРТА. Грустно вамъ, отецъ мой милый!

ГРАФЪ. Счастливъ, дважды счастливъ тотъ,
Кто послѣдній часъ встрѣчаетъ
Посреди своихъ дѣтей.
То не смерть, а лишь разлука,
Онъ живетъ въ воспоминаньяхъ,
Живъ трудами онъ своими,
Живъ своихъ дѣтей дѣлами,
Живъ у внуковъ на устахъ.
Какъ прекрасно предъ разлукой
Сѣмена своихъ дѣяній
Въ руки милыя отдать,
Чтобъ онѣ, лелѣя всходы,
Плодъ заботъ своихъ вкушали,
Въ наслажденьи видя вмѣстѣ

Наслажденіе и даръ.
О, какъ сладко, какъ отрадно
То, что намъ отцы вручили,
Передать любимымъ дѣтямъ,
Пережить себя на свѣтѣ.

БЕРТА. Ненавистное письмо!
Принесло оно, казалось,
Вамъ, отецъ мой, свѣтъ и радость,
А теперь когда прочли вы,
Мысли черныя пришли.

ГРАФЪ. Не письмо тому причиной —
Все, что въ немъ, я зналъ заранѣ,
Нѣтъ увѣренность слѣпая,
Все растущая во мнѣ:
Что сама судьба рѣшила
По всему лицу земному
Родъ Боротинъ истребить.
Пишутъ мнѣ, что дальній родичъ,
(Только разъ его я видѣлъ,
Но наслѣдники остались
Въ родѣ — только онъ, да я),
Онъ бездѣтнымъ старикомъ
Умеръ въ ночь, — и я послѣдній
Въ знаменитомъ древнемъ родѣ,
Этотъ родъ умретъ со мной.
Ахъ, не сынъ пойдетъ печальный
За моею колесницей,
Не глашатай погребальный
Щитъ старинный, родовой,
Что въ бояхъ сіялъ со мной,

Шпагу ту, что мнѣ служила,
Скорбно сложитъ на могилу! —
Есть старинное преданье,
Что идетъ изъ устъ въ уста:
Рода нашего Праматерь
За былыя злодѣянья
Здѣсь блуждать обречена
До поры, пока послѣдній
Отпрыскъ проклятаго рода
Не уйдетъ съ лица земного.
Вотъ теперь ей будетъ радость,
Цѣль ея недалека!
Я почти повѣрилъ сказкѣ,
Перстъ по-истинѣ могучій
Намъ паденье указалъ.
Я стоялъ цвѣтущій, сильный
Межъ троихъ могучихъ братьевъ,
Всѣхъ скосила злая смерть.
Я супругу ввелъ въ мой замокъ
Дивно-нѣжную, какъ ты.
Счастливъ былъ союзъ нашъ вѣрный,
И плодомъ его любовнымъ
Были вскорѣ сынъ и дочь.
Но, когда она угасла,
Дѣти были мнѣ единой
Въ мірѣ радостью живой.
И берегъ я пуще глазу
Драгоцѣннѣйшій залогъ.
Но — напрасная надежда!
Нашей мудрости не въ мочь.

Бой неравный съ мрачной силой,
Если жертвъ она просила, —
Унесетъ въ глухую ночь.
Сыну минуло три года
Въ день, когда, въ саду играя,
Онъ отъ няньки убѣжалъ.
Дверь открытая изъ сада
Привела его къ пруду.
Дверь всегда была закрыта,
Лишь тогда былъ входъ свободенъ, —

(пауза)

Лучше бъ громъ сразилъ его!
Ахъ, твои я вижу слезы,
Вмѣстѣ плачемъ мы съ тобой.
Вѣрно знаешь ты развязку?
Я, несчастный, малодушный,
Повѣрялъ тебѣ нерѣдко
Эти скорбные разсказы.
Что-же? — Сынъ мой утонулъ;
Правда, многіе погибли,
Но тому, что мой онъ отпрыскъ
И послѣдняя надежда
Хилой старости моей, —
Что поможетъ? — Онъ погибъ!
И бездѣтнымъ я умру!

БЕРТА. Нѣтъ, отецъ мой!

ГРАФЪ. Понимаю
Я упрекъ любимыхъ устъ.
Я зову себя бездѣтнымъ,
Ты же, вѣрная, со мной.

Ты прости мое богатство:
Я растратилъ половину
Въ лютой бурѣ тяжкихъ бѣдъ,
Но, избыткомъ не владѣя,
Я и съ цѣлой половиной
Нищимъ чувствую себя.
Ахъ, прости, когда утрата
Слишкомъ ярко мнѣ горитъ!
Вѣдь утрата, точно молнья,
Что отниметъ — озаритъ.
Да, по-истинѣ неправъ я!
Развѣ нѣтъ именъ дороже?
Развѣ родъ мой — всѣхъ древнѣй?
Какъ же мнѣ съ холоднымъ сердцемъ
Отъ тебя всей жизни юность,
Жертвы радость принимать?
Дней моихъ остатокъ будетъ
Отданъ счастью твоему!
Только съ любящимъ супругомъ,
Лишь съ достойнѣйшимъ тебя
Обрѣтешь иное имя
И иное счастье съ нимъ!
Выбирай себѣ свободно
Межъ сыновъ страны любого.
Вѣрю въ выборъ благородный!
Ты вздохнула? — Или сдѣланъ
Выборъ? Такъ ли? Яромiръ?
Яромiръ фонъ Эшенъ юный?
Правда?

БЕРТА. Смѣю ли отецъ?

ГРАФЪ. Даже самый малый облакъ
На твоемъ дѣвичьемъ небѣ
Не укрыть отъ глазъ отца.
Но корить тебя не стану
Я за то, что угадалъ
То, что знать давно обязанъ;
Развѣ я — отецъ суровый
Милой дочери своей?
Благороденъ родомъ онъ,
Также — подвигомъ своимъ;
Пусть придетъ — хочу я только
Испытать его — тогда
Новый день взойдетъ надъ нами:
Отойдутъ немедля къ трону
Лены дальніе, но все жъ
Хватитъ вамъ для скромной доли
Достоянья Боротинъ.

БЕРТА. О, спасибо!

ГРАФЪ. Нѣтъ, не надо!
Только старый долгъ плачу я!
Развѣ есть бѣднѣй награда?
Ты не больше-ль заслужила?
Онъ — достойный человѣкъ?
Онъ — тотъ самый, что однажды
Отъ опасности великой
Жизнь твою спасалъ въ лѣсу?
Это онъ, дитя родное?

БЕРТА. О, съ опасностью ужасной!
Я, отецъ вамъ говорила,
Какъ ушла я въ ближній лѣсъ,

И совсѣмъ одна гуляла,
Лѣтней ночью упиваясь,
Въ тихой ласкѣ вѣтерка.
И цвѣтовъ благоуханьемъ
Погруженная въ забвенье,
Далеко я отошла...
Вдругъ, сквозь ночь и мглу звеня,
Лютни звонъ настигъ меня,
Полный жалобы и стона,
Силой музыки плѣня,
То голубки воркованьемъ
Въ темной зелени вѣтвей,
То протяжнымъ замираньемъ,
Какъ влюбленный соловей...
Самый воздухъ слушалъ молча,
И листва осинъ дрожащихъ
Неподвижно замерла.
Я стояла, вся — вниманье,
Вся печалью исходя...
Вдругъ хватаютъ чьи то руки,
Вижу странныхъ предъ собой
Двухъ злодѣевъ, облеченныхъ
Въ цвѣтъ кроваваго убійства,
И кинжалъ сверкнулъ въ глаза.
Ужъ взнесенъ кинжалъ разящій,
Мнится мнѣ, что сражена я
Прямо въ грудь смертельной раной...
Чу! — кусты зашевелились,
Стройный юноша занесъ
Шпагу — правою рукою,

А рукою лѣвой—лютню
На блѣднѣющихъ убійцъ.
Какъ повергъ онъ ихъ на землю,
Какъ одинъ ихъ побѣдилъ,
Какъ онъ подвигъ совершилъ,—
Я не помню. Въ мертвомъ страхѣ
Потеряла я сознанье,
И, когда вернулась къ жизни,
Ужъ была въ его объятьяхъ
Вся безсильная, больная;
Какъ дитя къ родимой груди,
Я къ устамъ его горячимъ
Льнула жаркими устами...
Но, отецъ мой, что могла я?..
За поступокъ благородный
Малый даръ — любовь моя.

ГРАФЪ. Вы встрѣчались часто?

БЕРТА. Случай
Подарилъ насъ новой встрѣчей
И еще — не только случай...

ГРАФЪ. Для чего-жъ онъ избѣгаетъ
Дружбы нѣжнаго отца?

БЕРТА. Онъ — потомокъ знатныхъ предковъ.
Но отъ предковъ получилъ
Только знатность — не богатство.
И такой, какъ онъ, бѣднякъ
Долженъ, думалъ онъ, бояться,
Что богатый Боротинъ
Одаритъ его богато,
Но не дочь отдастъ въ награду.

ГРАФЪ. Чтить умѣю благородство,
Если чтитъ оно другихъ.
Пусть придетъ онъ и узнаетъ,
Что богатый Боротинъ
Всѣмъ добромъ ему обязанъ,
Пусть онъ знаетъ, что отецъ твой
Всѣ сочтетъ богатства міра
Малой платой за тебя.—
А теперь—за арфу Берта,
Хотъ на краткій часъ попробуй
Усладить мои печали.
Поиграй немного, Берта.

(Берта беретъ арфу. Скоро, послѣ первыхъ аккордовъ, старикъ поникаетъ головой и впадаетъ въ дремоту. Какъ только онъ засыпаетъ, Берта оставляетъ арфу).

БЕРТА. Сладко спи, отецъ мой добрый!
Пусть взрощенные тобою
На пути моемъ цвѣты—
Лягутъ пышными вѣнками
На челѣ твоемъ усталомъ:—
Буду я его супругой,
Звать своимъ могу его?
То, что было лишь мечтаньемъ,
Высшимъ счастіемъ маня,
Какъ изъ рога всѣхъ обилій
Сыплетъ цвѣтомъ на меня.
Мнѣ все непонятно
Я сама—непонятна;
Все твердитъ и поетъ лишь о немъ.
Разскажу я и тучамъ,

И вѣтрамъ могучимъ,
Чтобы вѣсть разнесли о миломъ моемъ.
И въ домѣ тѣсномъ
Мнѣ мало мѣста,
Скорѣй на вышку! Домъ сталъ тюрьмой!
На темной ступени
Въ томной лѣни
Будить молчанье тьмы ночной!
Приди, мой милый,
Тебѣ вручила
Я жизнь и радость, тебѣ отдамъ.
Въ часъ блаженный,
Сокровенный
Прильни устами къ моимъ устамъ.

(Уходитъ. Пауза).

(Часы бьютъ восемь ударовъ. Съ послѣднимъ ударомъ гаснутъ свѣчи; порывъ вѣтра проносится по комнатѣ; буря воетъ за окнами, и въ страшномъ шелестѣ — Праматерь, совершенно сходная съ Бертой лицомъ и одеждой, отличаясь отъ нея лишь волнующимся покрываломъ, появляется около кресла спящаго графа и скорбно склоняется надъ нимъ).

ГРАФЪ (въ тревожномъ снѣ).
Прочь отъ меня!—Прочь!—Прочь!
(просыпается).
А, ты здѣсь, со мною, Берта?
Это былъ тяжелый сонъ.
На душѣ еще тревожно.
Вновь возьмись за арфу, Берта,
Слушать музыку мнѣ надо.

Призракъ выпрямился и неподвижно смотритъ на графа, широко раскрытыми, мертвыми глазами).

ГРАФЪ (въ ужасѣ).
Что ты смотришь на меня
Такъ ужасно, что мужское
Сердце въ страхѣ пошатнулось,—
До костей проникнулъ страхъ!
Прочь глаза! Зачѣмъ ты смотришь?
Такъ во снѣ тебя я видѣлъ,
И душа еще кипитъ.
Иль отца убить ты хочешь?

(Призракъ поворачивается и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ двери).

ГРАФЪ. Такъ!—Теперь очнулся я,—
Ты куда, дитя?

ПРАМАТЕРЬ (отворачивается отъ двери. Беззвучнымъ шепотомъ).
Домой! (уходитъ).

ГРАФЪ (какъ громомъ пораженный, откидывается на спинку кресла. Небольшая пауза).
Что со мною?—Иль я грезилъ?
Но она стояла здѣсь,
Слышалъ я могильный голосъ,
Кровь моя оцѣпенѣла
Подъ лучами мертвыхъ глазъ!—
Но вѣдь это—дочь родная!
Берта! Берта!

БЕРТА (вбѣгаетъ).
Ахъ, отецъ, что сталось съ вами?

ГРАФЪ. Здѣсь ты, Берта! Что съ тобой?
Злач дѣвочка, скажи мнѣ,
Для чего, какъ духъ ночной,
По моимъ пустыннымъ заламъ

Бродишь ты чужой походкой
И тревожишь старый сонъ?
БЕРТА. Я, отецъ мой?
ГРАФЪ. Ты, конечно!
Ты не знаешь? И однако
Ты недвижнымъ, мертвымъ взоромъ
Мнѣ кинжалъ вонзила въ грудь!
БЕРТА. Мертвымъ взоромъ?
ГРАФЪ. Мертвымъ взоромъ
Что-жъ ты смотришь удивленно?
Такъ... О, нѣтъ! Еще недвижнѣй!..
Разсказать—не сыщешь словъ...
Мягче, ласковѣй взгляни,
Чтобъ разсѣять мрачный ужасъ
Той минуты роковой!
Все напрасно! До могилы
Страшный образъ гробовой
Будетъ вѣчно предо мной!
Взоръ твой—лунное сіянье
Надъ вечерними полями,—
Но и смерть узналъ я въ немъ!
БЕРТА. Что я сдѣлала такого,
Что волнуетъ васъ отецъ,
Что бранить васъ заставляетъ
Эти полные слезами
И испуганные очи?
Я покинула васъ спящимъ,
Необдуманно ушла...
ГРАФЪ. Ты ушла?... Но здѣсь была ты?..
БЕРТА. Я—была здѣсь?..

ГРАФЪ. Развѣ нѣтъ?
Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ
Ты вонзала стрѣлы смерти
Въ сердце стараго отца!
БЕРТА. Вамъ приснилось...
ГРАФЪ. Здѣсь! Я знаю!
БЕРТА. Я сейчасъ была на вышкѣ.
Тихій сонъ васъ убаюкалъ.
И пошла я, вся—томленье,
На любимаго взглянуть.
ГРАФЪ. Стыдно, дѣвочка! Не смѣйся!
БЕРТА. Я смѣюсь? Отецъ мой,—я?..
(Съ глазами полными слезъ обращается къ Гюнтеру).
Не могу... Скажи... не знаю!..
ГЮНТЕРЪ. Въ самомъ дѣлѣ, господинъ,
Ваша дочь была на вышкѣ.
Съ нею былъ я,—мы смотрѣли
На окрестный снѣгъ и ждали,
Не придетъ ли путникъ къ намъ.
Лишь заслышавъ рѣзкій зовъ,
Мы придти къ вамъ поспѣшили.
ГРАФЪ (быстро).
Но я видѣлъ...
ГЮНТЕРЪ. Что?
ГРАФЪ. О, нѣтъ!
ГЮНТЕРЪ. Господинъ мой, что такое?
ГРАФЪ. Нѣтъ!.. Не видѣлъ ничего я!
(Про себя).
Слишкомъ ясно,—то былъ сонъ.
Если даже разумъ споритъ,

Если память такъ ясна,
Это такъ,—я видѣлъ сонъ!
Значитъ яркій сонъ бываетъ
На дѣйствительность похожъ!
Вотъ рука—ее я вижу
Не яснѣй, чѣмъ видѣлъ это!
О, моя святая Берта,
Вижу ясно,—то былъ сонъ.
Подойди поближе, Берта!
Не кори отца сѣдого
За невольную суровость,
Оскорбившую тебя.
Ты была еще ребенкомъ,
Но всегда такъ терпѣливо
Ты сносила всѣ обиды
И обидчика прощала.
И казалась ты виновной
Нѣжной кротостью своей.

БЕРТА (на его груди).
Развѣ я не виновата?
Хоть не я—причина гнѣва,
Гнѣвъ обрушенъ на меня.

ГРАФЪ. Ты простишь теперь мнѣ, Берта?

БЕРТА. Что, отецъ мой, вамъ приснилось?
Сны бываютъ съ жизнью схожи!
Или этотъ озаренный
Тусклымъ блескомъ темный залъ
Обманулъ видѣньемъ лживымъ
Ваши слабые глаза?
Я нерѣдко замѣчала,

Какъ взволнованный нашъ разумъ,
Безтолковый рабъ души,
Принимаетъ лишь видѣнье,
Духа праздное творенье,
За живое существо.
Лишь вчера, отецъ мой, шла я
Въ старомъ залѣ нашихъ предковъ
Въ предвечерній, сѣрый часъ;
Передъ зеркаломъ стариннымъ,
Я на мигъ остановилась,
Мнѣ понравился нарядъ мой
И осталась я глядѣться
Въ потускнѣвшее стекло.
И когда я такъ стояла,
Опустивъ свободно руки,—
Вы, отецъ мой, улыбнетесь,
Мнѣ самой смѣяться надо,
Страху дѣтскому тому;
Но, когда я тамъ стояла,
Страшенъ былъ душѣ смятенной
Образъ дикій, искаженный.
Въ мигъ, когда я опускала
Руки—поясъ завязать,
Образъ въ зеркалѣ—высоко
Поднялъ руки къ головѣ,—
И, отъ страха цѣпенѣя,
Вижу въ зеркалѣ туманномъ
Искаженныя черты.
То мои черты—я вижу—
Но они чужія вмѣстѣ,

Страшно сходныя съ моими,
Какъ живой похожъ на трупъ свой.
Широко открывъ глаза,
Страшный духъ грозитъ мнѣ пальцемъ,
Строго смотритъ на меня.

ГЮНТЕРЪ. Горе намъ! Праматерь!

ГРАФЪ (съ кресла, какъ бы внезапно охваченный мыслью).
Праматерь!

БЕРТА (удивленно).
Праматерь?

ГЮНТЕРЪ. Развѣ вы не замѣчали
Въ залѣ стараго портрета,
Такъ какъ будто съ васъ художникъ
Рисовалъ тотъ образъ нѣжный?

БЕРТА. Часто видѣла его я,
Съ удивленіемъ смотрѣла
И живымъ со мною сходствомъ
Былъ онъ дорогъ мнѣ всегда.

ГЮНТЕРЪ. А извѣстно вамъ преданье,
Что идетъ изъ устъ въ уста?

БЕРТА. Съ дѣтства слышала его я,
Но отецъ не вѣрилъ сказкамъ.

ГЮНТЕРЪ. Ахъ, теперь онъ самъ узналъ,
Что не сказку вѣковую,
Больше—правду роковую
Предъ самимъ собой скрывалъ!
Рода вашего Праматерь,

Въ цвѣтѣ юности и счастья,
Также — прелесть, также — диво,
Также Берта, какъ и вы,
Принужденная родными
Къ нежеланному союзу,
Не забыла съ новымъ бракомъ
Прежнихъ радостей любви.
И въ объятіяхъ съ любимымъ
Разъ супругъ ее засталъ,
И пылая жаждой мщенья
За позоръ и преступленье,
Въ сердце ей вонзилъ кинжалъ.
И кинжалъ навѣкъ прикованъ
Здѣсь, на дѣдовской стѣнѣ,
Въ память древняго злодѣйства,
Въ память древняго грѣха.
Нѣтъ Праматери покоя,
И блуждать осуждена
До поры, пока не вымретъ
Весь вашъ родъ, зачатый ею,
И покуда ни одинъ
Отпрыскъ свѣжій, сильный, ярый
Не останется на старомъ
Древѣ рода Боротинъ.
И когда грозятъ невзгоды,
Бури носятся во мглѣ, —
То она, покинувъ своды,
Бродитъ, бродитъ по землѣ.
И тогда всѣ люди видятъ,
Какъ идетъ, скорбя, бродить,

Все грядущее провидитъ
И не можетъ отвратить.

БЕРТА. Въ чемъ же дѣло?..

ГЮНТЕРЪ. Все сказалъ я,
Что посмѣю здѣсь повѣдать,
Но не все, что знаю я,
И одно еще осталось,
То, что слуги въ этомъ домѣ,
То, что старцы втихомолку
Шепчутъ на ухо другъ другу,
Что святыню древней сказки
Отъ людей былыхъ вѣковъ
Принесло въ уста сыновъ...—
Есть одно, что къ столькимъ тайнамъ,
Тяготѣющимъ надъ мрачнымъ
Замкомъ — вѣрный ключъ даетъ.
Но посмѣю ли сказать я
Здѣсь, на мѣстѣ, гдѣ сейчасъ
Только тѣнь ея бродила...

(съ робкимъ взглядомъ прерываетъ рѣчь: Берта жмется къ нему и слѣдитъ за его взглядомъ глазами).

Господинъ мой, сурово
Брови хмурите! Могу ли?
Рвется грудь моя на части,
Самому мнѣ станетъ страшно,
Но не въ силахъ я молчать.—
Госпожа, идите ближе,
Содрагайтесь, мнѣ внемля:
Вмѣстѣ съ тѣломъ опустили

Въ гробъ кровавый только сѣмя,
Но не самый плодъ грѣха.
Преступленье, что кровавой
Сталью ей отомщено,
Говоритъ преданье, было
Свершено въ послѣдній ею,
Но, увы! не въ первый разъ.
Сынъ единственный ея,
Тотъ, кто въ вашемъ древнемъ роде
Вашимъ праотцемъ считался,
Кто въ наслѣдство получилъ
Имя, лены и богатства,—
Онъ...

ГРАФЪ. Молчи!

ГЮНТЕРЪ Ужъ все сказалъ я!
Онъ, невѣдомый отцу,
Былъ онъ грѣшнымъ сыномъ счастья,
Былъ плодомъ преступной страсти!
Грѣхъ единой страстной ночи
Не даетъ сомкнуть ей очи,
И бродить средь мрачныхъ залъ
Темный рокъ ей указалъ,
Въ каждомъ внукѣ — плодъ свой видѣть,
Ликъ свой каждому явить,
Тяжкій грѣхъ въ немъ ненавидѣть,
Жаръ страстей былыхъ любить.
Такъ она томится годы,

И, томясь, упорно ждетъ,
Чтобы сгинулъ древній родъ,
Но, пока открыты вѣжды,
Каждый вашъ ударъ — она
Съ тайнымъ страхомъ и надеждой
Сторожить осуждена.
Оттого — протяжно воетъ
Вѣтеръ въ мрачныхъ переходахъ,
Полонъ стуковъ мракъ ночной...
(отдаленный шумъ).

БЕРТА. Небо!

ГЮНТЕРЪ. Горе!..

ГРАФЪ. Что случилось!
(шумъ повторяется).
Ты опасенъ для здоровыхъ, —
Заразить безумьемъ можешь.
Тамъ въ ворота постучали,
Пропускъ требуютъ. Иди же
И спроси чего хотятъ.
(Гюнтеръ уходитъ).

БЕРТА. Вы блѣдны, отецъ мой; правда-ль
То, что намъ сказалъ старикъ?

ГРАФЪ. Что звать правдой? Что звать ложью?
Мы своимъ должны гордиться
И своихъ грѣховъ страшиться.
Въ родѣ нашемъ — пусть одна
Въ тяжкій грѣхъ вовлечена,
Намъ одно должно быть страшно
Быть похожимъ на нее.

Подойди, ко мнѣ дитя,
Проводи въ опочивальню,
Время сна не наступило,
Но усталымъ нуженъ отдыхъ,
Пережилъ я въ часъ единый
Больше, чѣмъ во много дней.

(Уходитъ съ Бертой. Пауза. —Потомъ вбѣгаетъ, шатаясь, съ растрепанными волосами, въ разорванной куртке, со сломаннымъ кинжаломъ въ правой рукѣ—Яромиръ).

ЯРОМІРЪ (задыхаясь).

Не могу! Ни шагу дальше!
Дрожь въ ногахъ! Всему—конецъ!
Не могу!—ни шагу дальше!

(разбитый опускается въ кресло).

ГЮНТЕРЪ (входя).

Господинъ, кто далъ вамъ право,
Такъ врываться въ этотъ домъ,
Не внимая увѣщаньямъ?
Что угодно вамъ—скажите?

ЯРОМІРЪ. Лишь покоя!—Часъ покоя,
Только краткій часъ покоя.

ГЮНТЕРЪ. Что случилось, господинъ?
И откуда вы?

ЯРОМІРЪ Изъ лѣсу—
Тамъ напали—тамъ—напали...

ГЮНТЕРЪ. Ахъ, давно ужъ ходятъ слухи
О разбойникахъ въ лѣсу!
Господинъ, я сожалѣю
Васъ; но вы меня простите,
Если счелъ я за другое

Ваше быстрое вторженье,
И не должное сказалъ.
Если добры ваши мысли,
То послѣдуйте за мной,
Въ верхнихъ залахъ ждетъ васъ ложе,—
Также пища и питье.

ЯРОМІРЪ. Не хочу!.. Уснуть нѣтъ силы!
Здѣсь, прошу, оставь меня,
Чтобы стать самимъ собою,
Надо мысли мнѣ собрать.

(Кладетъ оружіе на столъ и склоняетъ на него голову).

ГЮНТЕРЪ. Что мнѣ дѣлать съ нимъ, — не знаю?
Страхъ совсѣмъ его опуталъ,
Оставаться, иль уйти?
Передать я долженъ графу,
Чтобы могъ онъ самъ, какъ знаетъ,
Гостя страннаго принять. (Уходитъ).

ЯРОМІРЪ. Онъ ушелъ! Ушелъ! Что дѣлать!
Духъ мой! Твердо стой на стражѣ!

(Графъ и Гюнтеръ входятъ).

ГЮНТЕРЪ. Господинъ, вотъ гость вашъ новый.

(Яроміръ встаетъ).

ГРАФЪ. Не тревожьтесь, милый гость,
И покой вкушайте нужный.
Вѣрьте, вы желанны мнѣ:
Сами вы и ваши бѣды
Говорятъ за васъ вдвойнѣ.

ЯРОМІРЪ. Пусть бѣда моя, не самъ я,
Оправданьемъ служитъ мнѣ.
Тамъ, сейчасъ въ лѣсу ближайшемъ
Я подвергся нападенью.
Долго рыцарски сражались
Я и двое слугъ моихъ;
Но враги все прибывали
И, сраженные, лежали
Слуги въ собственной крови.
Тутъ нашелъ я тайный выходъ
И прыгнувъ въ глухую чащу,
Отъ разбойниковъ, бѣгущихъ
По пятамъ за мной, пытаюсь
На свободу ускользнуть.
Быстроту даетъ надежда,
Темный страхъ даетъ мнѣ крылья:
Я враговъ опережаю,
И свободы близость чуя
Вижу—брежжитъ мнѣ за лѣсомъ
Замокъ вашъ гостепріимный.
Я пошелъ,—и вотъ—я здѣсь.

ГРАФЪ. И владѣлецъ не обманетъ
Вашихъ радужныхъ надеждъ.
Все, что есть лишь въ этомъ домѣ,—
Все къ услугамъ вашимъ здѣсь...

БЕРТА (входитъ).
Чу! Я слышу милый голосъ?
Это онъ!—Мой Яроміръ!

ЯРОМІРЪ. Берта! (Онъ спѣшитъ къ ней; вдругъ останавливается и отступаетъ съ поклономъ).

ГРАФЪ. Этотъ самый, Берта?
БЕРТА. Онъ, отецъ мой! Онъ, отецъ мой!
Это онъ, отецъ тотъ самый,
Мой спаситель дорогой!
ГРАФЪ. Такъ приблизьтесь-же другъ къ другу, —
Мы отнынѣ не чужіе —
Обнимите дочь мою!
Вы спасли ее,—по праву
Жизнь ея вамъ вручена!
Небеса благія дали
Мнѣ увидѣть и обнять
Васъ, который мнѣ украсилъ
День послѣдній, ложе смерти,
И со счастьемъ примирилъ.
Свѣтлый ангелъ! Мой спаситель!
Дай прижать тебя къ груди!
Если-бъ могъ я въ благодарность
Жизнь отдать тебѣ безцѣнный,
Какъ свою ты отдалъ ей!
ЯРОМІРЪ. Изумленъ, не заслужилъ я...
ГРАФЪ. Мы тобой изумлены —
Такъ ничтожна благодарность,
Такъ прекрасенъ подвигъ твой!
ЯРОМІРЪ. Онъ прекрасенъ? Если-бъ могъ я
Вамъ сказать, что былъ онъ труденъ!
Что онъ стоилъ самой малой,
Малой раны—только въ память
Вѣчно памятнаго дня!
За дѣла ничтожныя

Больно брать безцѣнный даръ!

ГРАФЪ. Скромность юныхъ украшаетъ,
Ты не зналъ себѣ цѣны!

БЕРТА. О, не вѣрьте же, отецъ мой!
Унижать себя онъ любитъ,
Знаю это я давно!
Знаю, онъ безмѣрно выше,
Но у ногъ моихъ такъ часто
Онъ, колѣни обнимая
И терзаясь лютой скорбью,
Восклицалъ въ слезахъ жестокихъ:
„Я тебя не стою, Берта“!
Онъ меня не стоитъ!

ЯРОМІРЪ. Берта!

ГРАФЪ. Вы хотите ли, чтобъ меньше
Подвигъ вашъ она цѣнила?
Вѣдь на подвигъ васъ влекло
Только сердца благородство, —
Такъ прекрасно поступать.
Дайте-жъ намъ горѣть надеждой,
Что и въ нашъ глубокій мракъ
Мимолетный лучъ упалъ,
Вы несли не просто счастье,
Намъ вы счастье принесли.
Кто отвергнетъ благодарность,
Тотъ дарящаго унизитъ,
Другъ мой! гордостью своей.

ЯРОМІРЪ. Что отвѣтить мнѣ,—не знаю!
Утомленъ борьбой жестокой,
Страхомъ этой мрачной ночи,

Устоять едва могу я
Въ поединкѣ благородномъ.

ГРАФЪ. Вамъ пора напомнить было,
Что давно покой вамъ нуженъ!

БЕРТА. Ахъ, отецъ, что было съ нимъ?

ГРАФЪ. Завтра все, дитя, узнаешь.
Ну, пойдемъ на отдыхъ, Берта.
Отведетъ его нашъ Гюнтеръ
Въ драгоцѣннѣйшій покой.
Сонъ глубокій и спокойный
Осѣнитъ его рукой
Вплоть до поздняго утра.
О, мягка его подушка,
Совѣсть юная чиста
Свѣтлымъ подвига сознаньемъ! —
Такъ—еще рукопожатье,
Такъ—еще одно лобзанье,
Такъ мой сынъ, иди на отдыхъ!
Ангелъ сонъ твой сторожитъ!

БЕРТА (уводя старика).
Спи спокойно!

ЯРОМІРЪ. До свиданья!

БЕРТА (обернувшись въ дверяхъ).
Доброй ночи!

ЯРОМІРЪ. Доброй ночи!
(Графъ и Берта уходятъ).

ГЮНТЕРЪ. Такъ! Пойдемте, господинъ мой,
Я въ покой васъ отведу.

ЯРОМІРЪ (выходя на авансцену).
О, примите, боги замка,

Домъ святой, прими меня,
Здѣсь не вѣдаютъ порока,
Здѣсь—невинности чертогъ.
Домъ святой и непорочный,
Ты, священная обитель,
Будь убѣжищемъ моимъ!
Ты, дыханье мрака, прочь!
Только эту—эту ночь
Подари мнѣ рокъ ночной,
Завтра стану предъ тобой!

(Уходитъ съ Гюнтеромъ).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

(Залъ, какъ въ предыдущемъ дѣйствіи. Густая тьма. Яроміръ вбѣгаетъ).

ЯРОМІРЪ. Или самый адъ кромѣшный
По пятамъ за мной стремится?
Пляска страшныхъ привидѣній
Предо мной, за мной, во мнѣ!
Ужасъ съ жадностью вампира
Кровь сосетъ изъ жилъ горячихъ,
Мозгъ изъ бѣдной головы!
Вотъ зачѣмъ сюда пришелъ я!
Думалъ — ангела обитель, —
Силу ада
Встрѣтилъ здѣсь! —
Но куда, куда пришелъ я,
Тайнымъ ужасомъ влекомый?
Иль не здѣсь покой высокій,
Гдѣ пріютъ обрѣлъ пришлецъ?
Старика здѣсь спальня... Тише!..
Сердце! Спящихъ не буди.
Тише! Пусть они не знаютъ
Сердца страннаго смятенья!
(прислушиваясь около спальни графа).

Тихо!

(У лѣвой двери задняго плана).

О! какіе звуки!
Знаю сладость этихъ звуковъ,
Жажду прелесть ихъ впивать.
Чу!.. Слова!.. Ея молитва!..
О, молись, молись еще!
Ты, невинная душою!

(прислушиваясь).

„Свѣтлый ангелъ, съ нами будь!“
Будь со мною, свѣтлый ангелъ!
„Защити насъ... О, спаси насъ!..
Отъ меня спаси меня!
О, нѣжнѣйшее созданье!
Нѣтъ, не въ силахъ я сдержаться.
Долженъ, долженъ съ нею быть!
Я у ногъ ея прекрасныхъ,
Въ свѣтлой близости къ любимой,
Обрѣту покой и міръ!
Ты могла бы надо мною,
Какъ надъ мертвымъ, помолиться,
И въ твоемъ дыханьи чистомъ
Я возстать хочу святымъ!

(Онъ подходитъ къ двери; она отворяется, и Праматерь выходитъ оттуда, строго отстраняя его руками).

ЯРОМІРЪ. Ахъ, ты здѣсь, мой ангелъ свѣтлый,
Это я, — не упрекай!
Такъ меня не отстраняй,
Дай душѣ моей стѣсненной,
Не знававшей утѣшенья,

На груди твоей прекрасной,
Глазъ твоихъ въ сіяньи ясномъ - -
Дай вкусить успокоенья.

(Призракъ выходитъ изъ двери, которая закрывается за нимъ, и еще разъ отстраняетъ его отъ себя — обѣими руками).

ЯРОМІРЪ. Я не смѣю! Я не смѣю!
Но когда твою я прелесть
Упоеннымъ вижу взоромъ,
Быть къ тебѣ хочу я ближе!
Да, я чую, дни идутъ,
Знаю тайными мечтами:
Чувства, скованныя снами,
Вновь проснутся и вздохнутъ.
Предъ страданьемъ ты молчишь?
Иль погибнуть мнѣ велишь?
Тронься ты моей тоскою,
Дай войти мнѣ за тобою!
Всѣ должны преграды пасть:
Страсть—отвѣтомъ будь на страсть!
(бросается къ ней).
Берта!.. Берта!..

(Въ то время какъ онъ приближается, призракъ поднимаетъ правую руку съ протянутымъ ему навстрѣчу указательнымъ пальцемъ).

ЯРОМІРЪ (съ крикомъ отступаетъ).
А!..

БЕРТА (изнутри).
Ты ли это, Яроміръ?

(При первомъ звукѣ голоса Берты призракъ со вздохомъ начинаетъ медленно двигаться по сценѣ. Прежде, чѣмъ

онъ ушелъ, изъ двери выходитъ Берта, не замѣчая Призрака: она смотритъ на Яроміра стоящаго въ противоположномъ углу).

БЕРТА (со свѣчой).
Яроміръ, ты здѣсь?

ЯРОМІРЪ (слѣдуя за удаляющимся призракомъ глазами и растопыривъ пальцы).
Тамъ! Тамъ! Тамъ! Тамъ!

БЕРТА. Что съ тобой случилось, милый?
Что такъ смотришь ты туда,
Дикимъ взоромъ—въ темный уголъ?

ЯРОМІРЪ. Здѣсь и тамъ, и тамъ, и здѣсь!
Здѣсь она! Она — нигдѣ!

БЕРТА. Небо! Что съ тобой случилось?

ЯРОМІРЪ. Богъ свидѣтель, я не трусъ!
Все снести готовъ, клянусь!
Чорта выведи изъ ада
И считай удары сердца, —
Развѣ страхъ стѣснитъ мнѣ грудь?
Но лицомъ къ лицу онъ долженъ
Стать со мной, какъ смѣлый врагъ!
Не въ моемъ воображеньи,
Не въ горячечномъ мозгу,
Не въ груди моей — пусть ищетъ
Онъ помощника себѣ!
Пусть предстанетъ великаномъ,
Съ головы до ногъ — въ желѣзѣ,
Пусть во мглѣ предстанетъ,
Въ адскомъ пламенномъ огнѣ, —
Я могу надъ нимъ глумиться

И могу я съ нимъ сразиться.
Пусть обрушитъ весь свой гнѣвъ,
Буду я предъ нимъ, какъ левъ,
Взоръ во взоры погружая,
Зубы — зубомъ отражая,
Равный съравнымъ! Но не въ силахъ
Я бороться съ тонкимъ ядомъ,
Льстивымъ вкрадчивымъ обманомъ,
Отравляющимъ меня!

БЕРТА (устремляясь къ нему).

Яроміръ! Мой Яроміръ!

ЯРОМІРЪ (отступая).

О, я знаю ликъ прекрасный!
Но исчезнешь ты, какъ дымъ,
Подъ дыханіемъ моимъ!

БЕРТА (обнимая его).

Такъ цѣлуетъ привидѣнье?
Можетъ призракъ такъ смотрѣть?
Чувствуй, здѣсь, въ твоихъ объятьяхъ,
Чувствуй, чувствуй, я сама!

ЯРОМІРЪ.

Это ты? Какое счастье,
Слышать жаркій трепетъ сердца,
Пить дыханіе твое!
Это — свѣтъ очей прекрасныхъ,
Это — милыя уста,
Это — сладостный твой голосъ,
Хорошо знакомый звукъ,
Міръ въ мою сводящій душу.
Ты, любимая, со мною!

БЕРТА. Я съ тобою!..—Будь со мною!
Какъ дрожишь ты!
ЯРОМІРЪ. Я—дрожу?..
Кто увидитъ и не вздрогнетъ?
Я вѣдь—только кровь и плоть,
Не медвѣдица въ дремучемъ
Родила меня лѣсу,
Я не дикимъ звѣремъ вскормленъ,
На челѣ моемъ начертанъ
Свѣтлый лозунгъ: Человѣкъ!
Есть предѣлъ для человѣка,
Тайный есть предѣлъ—за нимъ
Доблесть прахомъ разлетится,
Взоръ духовный помутится,
Сила, какъ тростникъ рѣчной,
Слышенъ шопотъ роковой:
Стой! Ни шагу дальше! Стой!
БЕРТА. Ахъ, мой милый, духъ твой боленъ
Возвратись въ свои покои.
ЯРОМІРЪ. Нѣтъ, скорѣе въ адъ кромѣшный,
Чѣмъ опять на то же мѣсто!
Я съ довѣрчивой душою
Въ отдаленные покои
Шелъ съ вожатаемъ моимъ.
Очи сномъ смежить желая,
На высокомъ ложѣ легъ,
Свѣтъ погасъ, и въ краткій срокъ
Слышу, сонъ меня овѣялъ,
Нѣжно, будто бѣлый голубь

Съ мирной вѣткою маслины,
Надъ мною тихо рѣя,
И съужая кругъ за кругомъ
Надъ моимъ богатымъ ложемъ.
Вотъ — все ниже, ниже онъ,
И нисходитъ сладкій сонъ. —
Вдругъ всѣ члены сводитъ ужасъ,
Содрагаюсь, внемлю, слышу:
Шумъ возникъ въ пустомъ покоѣ,
Будто воздуха душа
Вдругъ волнуется, шурша,
Звуки странные взываютъ,
Свѣты тусклые мерцаютъ,
Ночь исполнена движеньемъ,
Въ страшный образъ прахъ свился.
Шелестятъ, влачась, одежды
Тамъ и сямъ, во мракѣ зала,
Слышно—плачутъ, слышно—воютъ,
И вблизи, изъ темной ниши,
Троекратный стонъ я слышу.
Тутъ съ поспѣшностью безумной
Пологъ ложа я сорвалъ!
Ночь стоокими огнями
Дико смотритъ на меня.
Вижу свѣтлое мерцанье,
Быстролетное смыканье
Тусклыхъ тысячи круговъ,
Сотни рукъ ко мнѣ простерлись.
Сотни ногъ ползутъ на ложе,
Зубы скалятъ чьи то рожи;

У подножья моего
Словно лунный свѣтъ мерцаетъ.
Ликъ знакомый выплываетъ,
Съ помертвѣвшими очами,
Съ дивно милыми чертами!
О, съ твоими другъ, чертами!
Онъ глядитъ, открывши очи,
Прямо въ душу, — дикій ужасъ
Мой пронизываетъ мозгъ,
Я соскакиваю съ ложа,
Устремляюсь чрезъ покой, —
Призракъ гонится за мной!
Словно бичъ жестокихъ фурій
Въ этотъ залъ загналъ меня!
Слышу милую молитву
И хочу къ тебѣ приникнуть,
И тогда... Ты видишь?.. Видишь?..

БЕРТА. Что мой милый?

ЯРОМІРЪ. Ты не видишь?
Тамъ, въ углу, не видишь ты
Словно призракъ шевельнулся!

БЕРТА. Ничего не вижу милый,
Это — дикія мечты
Твоего больного мозга.
Ты усталъ, измученъ милый.
Сядь вотъ здѣсь, на этомъ креслѣ,
Буду я оберегать,
Сладкій отдыхъ навѣвать.

ЯРОМІРЪ (садится, кладетъ ей голову на грудь).
Благодарствуй, другъ мой вѣрный!

Благодарствуй, нѣжный другъ!
Обними меня руками,
Чтобъ видѣнья адской ночи,
Устрашенныя священнымъ
Кругомъ,—близко не пришли.
Такъ—теперь, въ твоихъ объ-
ятьяхъ,
Подъ твоимъ дыханьемъ нѣжнымъ,
Подъ лучами глазъ любимыхъ,—
Снится мнѣ—на ложѣ розъ
Убаюканъ я весною,
Сводъ небесный надо мной.

(входитъ Графъ).

ГРАФЪ. Кто здѣсь шепчетъ въ темномъ
залѣ?
Берта ты? И вы?

БЕРТА. Отецъ мой...

ЯРОМІРЪ. Что отвѣтить вамъ,—не знаю,
И сказать едва могу.
Вы глупцомъ меня зовите.
Самъ бы звалъ себя я такъ,
Еслибъ только я не видѣлъ
И не чуялъ въ самыхъ нѣдрахъ
Каждый нервъ души дрожащимъ.
Да, дрожащимъ; и повѣрьте
Въ свѣтѣ есть людей не мало
Потрусливѣе меня.

ГРАФЪ. Какъ понять мнѣ?

БЕРТА. Ахъ, внимайте;
Чуть въ покой богатый верхній

Былъ сведенъ онъ, чуть дремотой
Затуманились глаза,—
Возникаетъ подлѣ...

ГРАФЪ. А!...
Ужъ тебя моимъ считаютъ?
Или въ этомъ страшномъ мѣстѣ
Стало дьяволамъ извѣстно,
Какъ ты дорогъ мнѣ, мой сынъ?
О, зачѣмъ сюда ты прибылъ?
Думалъ ты, мой другъ невинный,
Что царитъ здѣсь свѣтлый праздникъ?
Посмотрѣлъ бы ты на насъ
Здѣсь, въ ночныхъ, пустынныхъ залахъ,
За безрадостнымъ столомъ;
Какъ тогда часы влекутся,
Какъ замедленъ разговоръ,
Каждый шорохъ заставляетъ
Сердце каждое дрожать,
И отецъ въ лицо родное
Милой дочери своей
Съ тайнымъ страхомъ и тоскою
Лишь рѣшается взглянуть:
То дитя его родное,
Иль видѣнье гробовое?
Видишь, сынъ мой, какъ живутъ
Здѣсь отмѣченные рокомъ!
Ты же—мужественный духъ,
Радость жизни быстролетной

И покой своей души,—
Всѣ богатства хочешь бросить
Въ дома нашего пожаръ?
О, мой сынъ, ты не погасишь,
Только съ нами ты сгоришь,
Прочь, мой сынъ, пока есть время,
Лишь глупецъ свой домъ возводитъ,
Тамъ, гдѣ изстари нисходитъ
Злая молнія небесъ!

ЯРОМІРЪ. Будь, что будетъ! Такъ хочу я,
Съ вами буду за одно,—
Пусть погибнуть суждено!

ГРАФЪ. Если сынъ мой такъ помыслилъ,
Пусть придетъ на грудь мою!
Пусть отцовскій поцѣлуй
Пріобщитъ тебя къ страданьямъ,
Пріобщитъ и къ упованьямъ,
Къ нашимъ радостямъ, мой сынъ.
И на самомъ колкомъ стеблѣ
Розы пышныя цвѣтутъ.

(Старикъ садится въ кресло, поддерживаемый Яроміромъ и Бертой; они стоятъ передъ нимъ рука объ руку).

О, спасибо вамъ, родные!
Вижу васъ передъ собой
Съ полнымъ радостію взоромъ,
Съ упоеніемъ въ очахъ,—
И опять цвѣтетъ надежда,
И въ груди моей чуть брежжатъ
Полустертыя картины
Пролетѣвшихъ милыхъ дней:

О, привѣтъ вамъ, дни былые,
Горькій, радостный привѣтъ!..

ЯРОМІРЪ. На отца взгляни ты, Берта...

БЕРТА (немного отступаетъ съ нимъ назадъ).

Онъ не любитъ, чтобъ глядѣли,
Такъ бываетъ часто съ нимъ;
Будь же радостенъ, мой милый!
Вѣдь отецъ мой знаетъ все.

ЯРОМІРЪ (быстро).

Все?

БЕРТА. И, кажется, доволенъ!
Какъ онъ добръ сегодня былъ,
Ахъ, такъ ласковъ, добръ и кротокъ,
Мягче, ласковѣй тебя,
Ты такъ холоденъ и сухъ,
Мнѣ-жъ для чувствъ моихъ, для счастья
Словъ прекрасныхъ не найти.

ЯРОМІРЪ. Вѣрь мнѣ...

БЕРТА. Вѣрить, вѣрить, вѣрить!
Лучше вовсе словъ не надо,
Если словъ любви не знать,
Если нѣтъ огня у взгляда,
То устамъ не разсказать.
Говорили мнѣ когда-то,
Люди легкіе бываютъ,
И любовь ихъ не горитъ,
Но сжигаетъ—и погаснетъ;
Не предметъ любви имъ дорогъ,—

Только самая любовь.
Мотыльки легко цѣлуютъ
Цѣломудренную розу,
Въ ней любя цвѣтокъ прекрасный,
Но не розу въ ней любя.
Или ты такой жестокій?

(снимая съ пяльцевъ шарфъ).

Я свяжу тебѣ, упрямый,
Крылья легкія свяжу я,
Чтобъ самъ Богъ не развязалъ.

ЯРОМІРЪ. Нѣжный другъ мой!

(она связываетъ его шарфомъ).

ГРАФЪ (смотря на нее.)

Какъ томна!
Какъ она увлечена!
И безъ силъ къ сопротивленью
Предаетъ себя теченью.
Но да будетъ такъ! И мнится,
Небо путь и мнѣ откроетъ,
Заблуждаться я могу.
Не на все еще готовъ я,
И на днѣ моей души
Догораютъ, дотлѣваютъ
Искры прежняго огня.
Но довольно! Жаръ напрасный!
Гордый замокъ мой разрушенъ,
Не взнесется никогда,
Лишь развалины остались

Кровомъ дочери моей.
Будь, что будетъ! Ахъ, какъ тяжко
Оторваться отъ надежды
Ранней юностью вспоенной,
Изъ груди оцѣпенѣлой
Вырвать знаки милыхъ дней!
Дочь родная родилась,
И прекрасною улыбкой
Улыбалась въ колыбели,
Какъ, тогда перебиралъ я
Всѣ старинные рода,
Ахъ, съ какой заботой нѣжной
Ей супруга выбиралъ!
Самыхъ знатныхъ вспоминалъ я,
Но не могъ найти достойныхъ,
И теперь—конецъ всему!
Съ милой радостью разстаться,
Вижу ясно, также трудно,
Какъ проститься съ милымъ сномъ!

БЕРТА (осматривая шарфъ).
Смирно стой, нетерпѣливый!

ГРАФЪ.
Какъ разборчивымъ мнѣ быть?
Если правду говорятъ намъ,
То, что въ тьмѣ воспоминаній,
Въ отдаленьи юныхъ дней,
Лишь расплывчатою мыслью,
Я въ мозгу своемъ ношу,—
Если правда есть въ сказаньи,
Будто имя родовое,
Гордость высшая моя,

Только тайными грѣхами...
Прочь сомнѣнья!.. И однако!..

БЕРТА (смотря на свою работу).

Вотъ теперь ты сталъ прекрасенъ,
Стань привѣтливѣй еще,
Чтобъ трудилась я не даромъ.

ГРАФЪ. Яромiръ!

ЯРОМIРЪ (испуганно).

Что?

ГРАФЪ. Долженъ ты
Разсказать намъ наконецъ
О твоемъ далекомъ прошломъ.
Яромiръ фонъ Эшенъ славный,
Ты рожденъ на дальнемъ Рейнѣ,
Въ нашемъ войскѣ хочешь быть,
Такъ мнѣ дочь моя сказала!
Что же дальше? Я не знаю.

ЯРОМIРЪ. Больше не о чемъ сказать мнѣ.
Родъ мой знатный и богатый,
И могучiй. Я—бѣднякъ;
Такъ я бѣденъ, что коль сердце,
И мой твердый, сильный разумъ,
Закаленный въ испытаньяхъ,
И моей упорство воли,
За ничто считаться могутъ,
То и самъ я—лишь ничто.

ГРАФЪ. Кратко ты сказалъ о многомъ,—
Славно сказано! Ты—нашъ!
Видишь, сынъ мой, я старикъ;
Въ гробъ ведетъ меня природа,

А глухой и темный разумъ,—
Шепчетъ мнѣ, что цѣль близка,
Вѣкъ я смерти не страшился
И теперь не страшно мнѣ.
Но ты видишь—эту дѣву,
Видишь ты дитя мое?
Если-бъ могъ ты въ старомъ
сердцѣ,
И въ слезахъ моихъ прочесть,
Кѣмъ была она мнѣ въ жизни,
Ты постигъ бы скорбь мою.
Вѣдь одну ее покинуть
Долженъ въ страшномъ мірѣ я.
Сердце можетъ ли не стынуть,
Не болѣть—душа моя?
На тебя упали взоры
Пробудившейся отъ сна;
Ты цѣнить ее съумѣешь,
Драгоцѣнность сохранить!
Разъ одинъ ты жизнь ей отдалъ,
И, когда судьба укажетъ,
Снова радостно отдашь.
Я тебѣ ее ввѣряю
Любишь ты ее?

ЯРОМІРЪ. Какъ жизнь!

ГРАФЪ. Любишь ты его?

БЕРТА. Себя я
Не умѣю такъ любить!

ГРАФЪ. Будь надъ вами Божья милость!

Такъ бери—она твоя!

(Стукъ въ ворота).

Что случилось?—Кто такъ поздно
Въ двери замка постучалъ?

БЕРТА. Боже, если...

ГРАФЪ. Не дитя ты,
И не думай—не посмѣетъ
Шайка дерзкая вломиться
Въ защищенный замокъ нашъ.

(Входитъ Гюнтеръ).

ГЮНТЕРЪ. Господинъ мой, королевскій
Капитанъ прищелъ съ отрядомъ
И пустить его къ вамъ проситъ.

ГРАФЪ. Какъ? Солдаты?

ГЮНТЕРЪ. Да, солдаты.

ГРАФЪ. Я не знаю, что имъ нужно,
Отвори скорѣй ворота.
Это—гость желанный мнѣ.

(Гюнтеръ уходитъ).

Что приводитъ къ намъ его
Въ поздній часъ? Но—все равно:
Пусть разсказами своими
Окрылитъ онъ долгой ночи
Безпощадные часы.

БЕРТА. Яромiръ, иди же въ спальню,
Ты совсѣмъ еще больной!
Ты разстроенъ и встревоженъ,
Сердце бьется безудержно,
Ты больной, совсѣмъ больной!

ЯРОМІРЪ. Я—больной? Тебѣ приснилось!
Сердце бьется быстро, бурно,
Только въ бурѣ сладко мнѣ!

(Гюнтеръ открываетъ дверь. Входитъ Капитанъ).

КАПИТАНЪ. Вы меня простите, графъ,
Что нарушить я дерзнулъ
Вашъ покой глубокой ночью.
ГРАФЪ. Замокъ мой открытъ носящимъ
Королевскіе цвѣта:
А для васъ—открытъ всегда.
КАПИТАНЪ. Вашу дочь я счастливъ видѣть?
ГРАФЪ. Да, единственную дочь.
КАПИТАНЪ. Извинить меня прошу я;
Строгъ, прекрасная графиня,
Нашей службы грубый долгъ:
Онъ велитъ достигнуть цѣли,
Какъ достигнуть—все равно.
Если только страхъ принесъ я,
Долженъ я разсѣять страхъ.
Та разбойниковъ ватага—
Этихъ мѣстъ давнишній бичъ...
ГРАФЪ. Да, суровый бичъ, я знаю!
Самой жизнію своею
Дочь обязана моя
Только доблести его:
Онъ—женихъ, ея достойный!
Яроміръ фонъ Эшенъ—вотъ онъ.
Самъ онъ эту ночь въ лѣсу
Подвергался нападенью,

Слуги пали, самъ едва онъ
Страшной участи избѣгъ.

КАПИТАНЪ. Въ эту ночь?

ЯРОМІРЪ. Да, въ эту ночь.

КАПИТАНЪ. И когда случилось это?

ЯРОМІРЪ. Три часа тому назадъ.

КАПИТАНЪ (посмотрѣвъ ему въ глаза, обращается къ графу).

Это зять вашъ?

ГРАФЪ. Да, мой зять.

КАПИТАНЪ. Еслибъ только часомъ позже,—
Миновала бъ васъ бѣда.
(къ остальнымъ).
Но теперь спокойны будьте,
Ничего не бойтесь больше,
Тѣхъ разбойниковъ, тревогу
Наводящихъ,—больше нѣтъ!
Мы давно ихъ прослѣдили
И сейчасъ на нихъ напали.
Послѣ яростнаго боя
Мы побѣду одержали,
И толпа убійцъ сдалась.
Удалось бѣжать немногимъ,
Часть убита, часть въ плѣну:
Мы идемъ по ихъ слѣдамъ.
Такъ пришелъ я въ это мѣсто,
Въ этотъ замокъ я попалъ.

ГРАФЪ. О, примите благодарность,
Благородные бойцы!

КАПИТАНЪ. Долгъ еще не весь исполненъ.

Сокрушенъ ужъ стволъ могучій,
Но еще остались корни,
И, когда меня избрали,
Самъ себѣ давалъ я клятву
Ихъ отродье извести.
Здѣсь крестьяне говорятъ,
Будто есть вблизи отъ замка
Въ камышахъ прудовъ ближай-
шихъ.
И въ разрушенныхъ окопахъ—
Подозрительный народъ.
Потому, позвольте, графъ,
Изъ твердыни вашей древней
Мнѣ развѣдчиковъ направить,
Вѣрныхъ слугъ моихъ, готовыхъ
Всюду ловко проникать.
Мы, надѣюсь, кончимъ скоро,—
Вкругъ разставилъ я посты:
Если кто еще на волѣ
Бродитъ тамъ, въ кустахъ и въ
полѣ,
Мы схватить его должны,
Дни его разочтены;—
Цѣпь иль смерть грозитъ ему.

ГРАФЪ. Этотъ замокъ ужъ не мой;
И, пока вы здѣсь, да будетъ
Онъ—владѣньемъ королевскимъ.
Драгоцѣнна ваша ревность,
Что даетъ вамъ правду знать
И въ рукахъ ее держать.

КАПИТАНЪ. Похвалы не заслужилъ я.
Не объ общемъ только дѣлѣ
Я забочусь—о своемъ.
Шайка этихъ же убійцъ
Въ дни, когда я былъ придвор-
нымъ,
Родовой взяла мой замокъ,
Жгла, громила, убивала—
При одномъ воспоминаньи
Сердце старое дрожитъ.
О, вѣдь только долгъ кровавый
Отплатить я имъ хочу!
Буду я жестокъ, щадя ихъ,—
Пусть не смерть въ честномъ бою
Будетъ ихъ удѣлъ отрадный,
Нѣтъ, да будутъ безпощадны—
Колесо, топоръ, палачъ!
БЕРТА. Нѣтъ! Людей судить хотите,—
Лейте кровь, какъ человѣкъ!
КАПИТАНЪ. Еслибъ видѣла графиня,
Ужасъ тотъ, что видѣлъ я,
Навсегда бъ закрылось сердце:
Лучше суетную жалость,
Какъ безстыднаго бродягу
Отъ дверей закрытыхъ гнать.
Остовъ тлѣющихъ развалинъ
Жаркимъ пламенемъ объятъ,
Старыхъ ужасъ,
Женщинъ крики,
Плачъ дѣтей, упрямо льнущихъ

Къ мертвой материнской груди,
И пустыня, и безлюдье,
И надъ этимъ—мысль одна,
Что за жаждою наживы
Это—гость убійцъ трусливыхъ...

(Яромірь выступая впередъ и рѣзко обрывая его).

ЯРОМІРЪ. Вы хотите затемнять
Зеркало души чистѣйшей,
Отразившей въ свѣтлой глуби
Міровданья чистоту
Чистотой одной своею,—
Ядовитымъ вздохомъ мести
Вы хотите затемнять?
Дайте сладко сострадать,
Дайте ей и въ падшемъ даже
Брата падшаго любить.
Тростнику легко смѣяться
Надъ разбитымъ мощнымъ дубомъ.

КАПИТАНЪ. Онъ разбитъ,—въ огонь его!

ЯРОМІРЪ. Слишкомъ мѣтокъ вашъ языкъ,
То, что скоро онъ свершаетъ,
Руки медлятъ совершить.

КАПИТАНЪ. А, что значатъ эти рѣчи?

ЯРОМІРЪ. Значатъ то, что я сказалъ.

КАПИТАНЪ. Еслибъ вы не здѣсь сказали...

ЯРОМІРЪ. Вы забыли бы досаду!

КАПИТАНЪ. Вы разбойниковъ защитникъ!

ЯРОМІРЪ. Кто въ бѣдѣ—всегда со мной!

КАПИТАНЪ. Пусть придетъ сюда сильнѣйшій...

ЯРОМІРЪ. Онъ придетъ, быть можетъ, къ вамъ!

ГРАФЪ. Яроміръ, что слышу я!
Или ревность побудила
Оскорблять моихъ гостей?
Или встанешь на защиту
Тѣхъ, кто самъ себя обрекъ?
Нѣтъ! Сквозь пламень увлеченья
Сынъ мой, вижу я тебя,
Лишь немного словъ еще,—
Ты раскаешься въ ошибкѣ,
Съ нами самъ пойдешъ туда
По слѣдамъ злодѣевъ.

ЯРОМІРЪ. Я...

ГРАФЪ. Ты пойдешь!

ЯРОМІРЪ. О, никогда
Какъ? Я долженъ ненавидѣть
Бѣдныхъ пасынковъ судьбы,
Тѣхъ кто матерью жестокой,
Злою мачехой—отброшенъ
Вонъ, изъ рода своего,
На полночную охоту,
Тѣхъ, кто съ хищными звѣрями
Самъ жестокимъ звѣремъ сталъ?
Тѣмъ, кто все отдать готовъ,
Кто раскаянья желалъ,
Кто идетъ ко мнѣ на встрѣчу,
Протяну ли я кинжалъ?
Не рукой—рукѣ отвѣчу?
Кто такъ низокъ,—тотъ не воинъ!

Врагъ мнѣ—тотъ, кто можетъ биться,
Я для сыска не гожусь!

ГРАФЪ. Если жъ самъ пойду вассаломъ
Королевскимъ—и за мною
Этихъ сыщиковъ отрядъ,
Ты пойдешь ли?

ЯРОМІРЪ. Вы?

ГРАФЪ. Да, я...
Жизнь людей щадить умѣю,
И достоинство цѣнить:
Но жестокимъ не могу я
Къ лучшимъ братьямъ нашимъ быть
И щадить, такъ низко павшихъ.
Долгъ велитъ намъ справедливо
Трепетъ сердца позабыть,
Чтобы добрый жилъ счастливо,—
Надъ злодѣемъ судъ свершить!

ЯРОМІРЪ. Справедливо! Справедливо!
Чтобы дѣти спали сладко
Вмѣстѣ съ псами у дверей!
Дайте мечъ мой! Я иду!
Жизнь на кровь зоветъ меня!
О, кровавой будетъ битва!
Жизнь прекрасна и вольна,
Нѣтъ иного блага въ мірѣ,
Тотъ, кто все ей подарилъ,
Тотъ достойно поступилъ:
Мечъ мнѣ дайте! Мечъ мой! Мечъ мой!
Прочь отсюда! На охоту!

Пусть готовятся ловцы,
Пусть готовятся къ погонѣ
Вплоть до поздняго утра, —
Мечъ мнѣ! Мечъ мой! Мнѣ пора!

БЕРТА. Я, отецъ мой, говорила,
Что опасно боленъ онъ!

ЯРОМІРЪ. Это — правое возмездье!
Какъ могли они рѣшиться
Нечестиво защититься
Подъ ударами судьбы!
Люди, люди! О безумье!
Кромѣ насъ самихъ, кто съ нами?
Прочь изъ нашего челна!
Споримъ мы одни съ волнами
Или помощь намъ нужна!
Если выплыть кто стремится, —
Весла тяжкія готовь!
Руки, руки — прочь съ бортовъ,
Чтобъ челну не накрениться
И на дно не погрузиться!

ГРАФЪ. Что съ тобою, Яромiръ?

ЯРОМІРЪ. О, простите! Самъ не знаю!
Страсть охотника проснулась
Отъ забавнаго разсказа,
Какъ разставите вы сѣть,
Чтобы звѣря одолѣть.

ГРАФЪ. (Капитану).
Извинить его прошу васъ!
Этой ночи приключенья,
Также многое другое, —

Привели его въ разстройство,
Не владѣетъ онъ собой.

КАПИТАНЪ. Онъ встревоженъ и взволнованъ,
Оскорбиться я не могъ,
Рѣчи нѣтъ объ извиненьи.
Господинъ фонъ Эшенъ долженъ
Отдохнуть. Вѣдь въ нашемъ дѣлѣ
Много есть сторонъ хорошихъ,
Но больнымъ оно вредитъ.

БЕРТА. Милый мой, иди за мной.

ЯРОМІРЪ. Нѣтъ, оставь! Оставь! Ты видишь,
Я здоровъ! Мнѣ хорошо!

КАПИТАНЪ. Долгъ велитъ мнѣ предложить вамъ,
Соглашаться — ваше дѣло.
Позволенія прошу я
Здѣшній долгъ мой завершить.

ГРАФЪ. Вамъ разбоійники извѣстны?
Не пришлось бы вамъ невинныхъ
Потревожить безъ нужды?

КАПИТАНЪ. Не извѣстны. Въ ночь пришлось намъ
Нападать на нихъ сегодня,
А въ кругу кровавой битвы
Мы мечей внимаемъ звону,
Не глядимъ въ лицо врагу.
Но вонъ тамъ, у входа въ замокъ
Ждетъ одинъ изъ вѣрныхъ мнѣ,
Онъ, когда то отдѣлившись
Отъ отряда, въ плѣнъ попалъ,
Былъ свидѣтелемъ ихъ дѣла,

И въ лицо ихъ всѣхъ узналъ.
Кто тамъ?

(Входитъ солдатъ).

КАПИТАНЪ. Вальтера позвать!

(Солдатъ уходитъ).

ГРАФЪ. Яроміръ, не медли больше
Отдохнуть иди въ покой.
Страшно блѣденъ ты лицомъ,
И въ глазахъ пылаетъ мрачный
Лихорадочный огонь.
Успокойся, милый сынъ.

(Указывая на боковую дверь направо).

Здѣсь, въ спокойной этой спальнѣ
Не смутитъ тебя ничто.

БЕРТА. Яроміръ, тебя прошу я.

ЯРОМІРЪ. Хорошо, исполню просьбу;
Самому мнѣ тяжело.

(прижимаетъ ко лбу платокъ).

(Вальтеръ входитъ).

КАПИТАНЪ. Подойди! Въ обходъ идемъ мы.
Ты идешь?

ВАЛЬТЕРЪ. Да, капитанъ.

КАПИТАНЪ. Хорошо ли ты запомнилъ,
Чтобъ любого изъ злодѣевъ,
Кто появится, узнать?

ВАЛЬТЕРЪ. Не тревожьтесь, помню всѣхъ!

БЕРТА (уводя Яроміра).
Ты шатаешься! Вотъ здѣсь!

(Яроміръ уходитъ въ боковую дверь направо).

ГРАФЪ. Такъ! Теперь идите съ Богомъ.
КАПИТАНЪ. Но сначала надо кончить
Съ самымъ легкимъ порученьемъ;
Всѣхъ труднѣй оно сегодня,
Но велитъ мнѣ долгъ. Вѣдь много
Человѣкъ считаетъ лишнимъ,
А солдатъ — считать не вправѣ.
Графъ, должны вы мнѣ позволить
Обыскать какъ можно лучше
Замка вашего покои.
ГРАФЪ. Какъ! И самый замокъ мой!
КАПИТАНЪ. Мнѣ поручено строжайше
Обыскать здѣсь все жилое,
Чье бы ни было, кто бъ ни былъ,
Чтобъ злодѣевъ прослѣдить.
Покажись вамъ наглецомъ я,
Все же долгъ исполню свой;
Предъ высокимъ повелѣньемъ
Мѣста воли нѣтъ иной.
Сверхъ того, за вашихъ слугъ
Поручиться вы не властны.
ГРАФЪ. За себя еще, не такъ-ли!
КАПИТАНЪ. Если васъ я оскорбилъ...
ГРАФЪ. О, не надо извиненій!..
Никогда мнѣ не измѣрить
Пропасть ту, что раздѣляетъ
То, что есть, и то, что было.
Надо это помнить мнѣ!
Вспомнилъ я о старинѣ,
Нашихъ предковъ повелѣнья

Здѣсь звучали, какъ законъ,
Мрачной силой подозрѣнья,
Не былъ здѣсь никто смущенъ;
Недовѣріе не смѣло
Въ этотъ залъ тогда вступить,
Я же—старый, я—послѣдній!
Вѣрьте вашимъ лишь глазамъ!

(отворяя двери по очереди).

Здѣсь вотъ мой покой—смотрите...
Спальня дочери моей...

(у двери въ покой Яроміра).

Здѣсь...

БЕРТА. Отецъ мой, не будите!
ГРАФЪ. Вы вѣдь видѣли недавно,
Какъ мой зять вошелъ туда.
КАПИТАНЪ. Вы стыдить меня хотите.
ГРАФЪ. Нѣтъ, хочу лишь убѣдить!
Ну, идемъ!
КАПИТАНЪ. Куда?
ГРАФЪ. На волю,
По разбойничьимъ слѣдамъ.
КАПИТАНЪ. Вы идете?
ГРАФЪ. Да, я долженъ!
Не вассалъ я королевскій?
Также твердо, какъ и вы,
Свой священный долгъ я знаю.
И теперь безъ промедленья,
Прочь отсюда!

БЕРТА. О, отецъ мой!
Погодите!

ГРАФЪ. Тише дочь!
Слышу здѣсь одинъ лишь голосъ,
Онъ сейчасъ мнѣ прозвучалъ!
Капитанъ, вы передайте
Королю, что Боротинъ
Не разбойниковъ пособникъ,
Что жилецъ пещеры львиной
Не цвѣтетъ здоровой силой,
Онъ—безпомощный и хилый,
Онъ—больной старикъ съ горбомъ,

(выпрямляясь).

Но когда-то—былъ онъ львомъ.

(уходитъ съ капитаномъ).

БЕРТА. Онъ уходитъ, онъ не внемлетъ,
Отдаетъ меня во власть
Безутѣшнаго томленья,
Въ пасть змѣиную заботъ.
Жизнь отца могу-ль цѣнить я
Больше жизни дорогой?

(у двери въ покой Яроміра).

Яромiръ... Мой Яромiръ...
Нѣтъ отвѣта, все безмолвно,
Гробовая тишина.
Какъ мнѣ страхъ мой укротить,
Укротить мой темный трепетъ?

Онъ, какъ туча грозовая,
На груди моей лежитъ.
Вижу въ даляхъ безотвѣтныхъ,
Звѣзды въ тучахъ безпросвѣтныхъ.
Вижу—гаснетъ свѣтъ дневной,
Слышу голосъ грозовой.
Слышу громъ въ совиномъ взмахѣ
Свой полетъ остановилъ,—
И душа трепещетъ въ страхѣ.
Знаю, мрачной силы дрожь,
Чую, что ты мнѣ несешь!
Въ сердце дрожь твою принять,—
Это значитъ—потерять!
Нѣтъ, я знаю, въ цѣломъ мірѣ
Страха равнаго тебѣ...
О! Имѣть и потерять!
Имѣть и потерять!..
Гдѣ вы дни, златого мая?
Гдѣ ты, чудная страна?
Тамъ жила я, не желая,
И себя самой не зная,
Такъ невинна и ясна.
Вешнимъ цвѣтомъ, птички пѣньемъ
Очарована была,
Ни съ однимъ глухимъ волненьемъ
Незнакомая жила.
Если небо облакъ полно,
Веселилась сердцемъ я,
На зеркально-свѣтлыхъ волнахъ
Колыхалась жизнь моя.

Въ свѣтѣ солнечномъ играя,
Кубка край меня манилъ,
И блаженнымъ ядомъ рая
Милый мой меня поилъ.
Устъ моихъ коснулся милый,
И обвилъ рукою станъ,—
И на терны я вступила,
Больше нѣтъ волшебныхъ странъ:
Въ розѣ—тьма шиповъ колючихъ,
Нѣтъ шипамъ ея числа,
И среди восторговъ жгучихъ
Я уколъ ихъ приняла.
Жениха я жду, тоскуя,
Онъ приходитъ—все цвѣтетъ!
Но когда въ глаза взгляну я,
Голосъ внутренній встаетъ,
Взоръ во взоръ, въ груди—томленье,
Слышу голосъ вновь и вновь:
Ваши страсти—преступленье,
Ваша проклята любовь!
Мыслью мрачной и глубокой
Полонъ взглядъ его очей,
Отстраняетъ онъ далеко,—
Я боюсь его лучей;
Но, едва я отдаляюсь,
Снова кротокъ милый взглядъ,
Надъ землей я поднимаюсь
И лечу къ нему назадъ;
Какъ потокъ Харибды черной,
Отъ себя корабль стремитъ

И опять влечетъ покорный,
Такъ онъ гонитъ и манитъ,
Кто рѣшитъ мои сомнѣнья?
Кто разсѣетъ темный страхъ?
Если путь мой — къ преступленью,
Что такъ свѣтелъ крыльевъ взмахъ?

(простираетъ руки).

Ты надъ этимъ замкомъ дышишь,
Сила тайны полуночной, —
Если зовъ ты мой услышишь,
Дай мнѣ только знакъ урочный,
Озари звѣздою ночь!
Если-жъ смерть...

(раздается выстрѣлъ).

А! Что было?.. Выстрѣлъ!..
Знакъ зловѣщій — не пойму?
Дерзкій зовъ услышанъ мой?
Горе!.. Горе!.. Я одна!
А одна!.. Одна!.. И холодъ
Дышитъ, вѣетъ на меня!..
Ты ли это, грѣшный духъ?
О, твою я чую близость!
Слышу тихіе шаги!

(у двери въ покой Яроміра).

Яромiръ, проснись!.. Проснись!
Будь защитой Бертѣ!.. Яромiръ!..
Только слово, только звукъ!
Спишь ли? Слышишь ли меня?
Не одна я?.. Я съ тобой?..

Ты молчишь?. Мнѣ надо видѣть,
Обнимать тебя руками,
Видѣть, чувствовать, ты живъ!

(Открываетъ дверь и врывается. Раздается еще выстрѣлъ. Берта выбѣгаетъ, шатаясь).

Погодите!.. Погодите!..
Никого!.. Окно открыто!..
Онъ ушелъ!.. Его убили!..

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Залъ, какъ въ предыдущихъ дѣйствіяхъ. Берта сидитъ за столомъ, склонивъ голову на руки).

БЕРТА. Ты, любовь, открыла двери,
Это — счастье мое?
Какова же боль потери
И разлуки остріе?

(принимаетъ прежнюю позу).

ЯРОМІРЪ (открываетъ боковую дверь направо и дѣлаетъ быстрое движеніе назадъ, замѣтивъ, что въ залѣ кто-то есть).

БЕРТА. Яроміръ! Уходишь прочь?
Ты уходишь?.. О, останься!
Какъ я милый, трепетала,
Какъ боялась за тебя!
Какъ теперь ты?

ЯРОМІРЪ (тревожно и мрачно).
О, прекрасно!

БЕРТА. Если-бъ, я могла повѣрить!
Какъ ты блѣденъ, Яроміръ!
Боже мой!.. Повязка...

ЯРОМІРЪ. Что?

БЕРТА. Здѣсь!

ЯРОМІРЪ. О, только шутка!

БЕРТА. Шутка?
Посмотри, рукавъ въ крови.
ЯРОМІРЪ. Кровь? О, нѣтъ, о, нѣтъ! Пустое!
БЕРТА. О, развѣй мой темный страхъ!
Гдѣ ты былъ и какъ ты раненъ?

(ихъ глаза встрѣчаются, онъ быстро отворачивается).

БЕРТА. Отвернулся? Вздрогнулъ ты?
ЯРОМІРЪ (отступая на нѣсколько шаговъ).
Нѣтъ, не въ силахъ я, не въ силахъ!
Лишь черты ея завижу,
Взоръ мой хочетъ ускользнуть,
И стремится демонъ лживый
Вновь назадъ — въ больную грудь.
Измѣнись, душа моя!
Если путь сужденъ мнѣ грѣшный,
Если адъ сужденъ кромѣшный,
Пусть же чортомъ стану я!
БЕРТА. Яроміръ! Ты скажешь мнѣ!
Дай отвѣтъ, открой мнѣ душу!
Гдѣ ты былъ и какъ ты раненъ?
ЯРОМІРЪ (опустивъ глаза).
Я во снѣ поранилъ руку.
БЕРТА. Не во снѣ! Ты лжешь! Не спалъ ты!
Было пусто въ темной спальнѣ.
И окно открыто было!
ЯРОМІРЪ (испуганно).
А!
БЕРТА. Скажи мнѣ только милый!
Ты не знаешь, сколько черныхъ

Мыслей мнѣ запало въ душу.
О, смягчи ихъ, прогони!
Гдѣ ты былъ и какъ ты раненъ?

ЯРОМІРЪ (рѣшительно).

Хочешь знать,—да будетъ такъ.

(съ остановками).

Чуть войдя въ опочивальню,
Слышу выстрѣлы и крики...
Твой отецъ тамъ, помню твердо...
Я хотѣлъ спасти... помочь...

(увѣреннѣе).

Такъ стоялъ я, размышляя,
И внезапно вижу липу,
Что протягиваетъ прямо
Вѣтви зябкія въ окно.
Я за мощный стволъ цѣпляюсь,
И на помощь порываюсь,
Я спускаюсь въ мракъ ночной
Съ необдуманной мечтой.
Сто шаговъ едва прошелъ я...
Слышу выстрѣлъ... Другъ иль
врагъ...
Я не знаю... раненъ я.
Пробудился мой разсудокъ,
Сердце трепетъ обуялъ;
Дальше путь еще опаснѣй,
И назадъ спѣшу я къ липѣ,
И она мнѣ указала
Вновь возвратный путь сюда.

БЕРТА. И ни разу, ты при этомъ,
Не подумалъ и не вспомнилъ
Обо мнѣ, мой Яромiръ?
Подвергаясь нападенью,
Не цѣнилъ своей ты жизни,
Но она вѣдь—и моя.
Любишь ты не такъ, какъ я!
Еслибъ ты былъ также страстенъ,
Зналъ бы ты: любовь должна
Дорожить своею жизнью:
Эта жизнь—въ рукахъ любимоiй.

ЯРОМІРЪ (терзая раненую руку).
Боль, вонзай въ меня мечи!
Только сердце замолчи!

БЕРТА. Не терзаiй больную руку!
Рана...

ЯРОМІРЪ. Связана она!

БЕРТА. Этотъ шарфъ повязанъ грубо!
Боль мою пойми, жестокiй,
Если самъ страдать не можешь!
Есть бальзамъ и полотно...
Руку! вылѣчу тебя...
Протяни мнѣ только руку,
Можетъ быть, удастся мнѣ
Хоть одинъ изъ милыхъ взглядовъ—
Даръ прекрасный дней протекшихъ,
Какъ награду, получить.
Яромiръ, узнать хочу я,
Не получитъ ли рука
Больше, чѣмъ сердечный трепетъ,

И да будетъ благодарность
Жарче, чѣмъ твоя любовь.
(развязываетъ шарфъ).

Посмотри, мой шарфъ прекрасный,—
Онъ прилежно вышитъ мной,
На него не пышный жемчугъ,
Но любви смиренной слезы
Благодатныя упали,—
Посмотри, какъ онъ разорванъ,
Ахъ, какъ сердце у меня!

(Она перевязываетъ его. Шарфъ падаетъ на полъ передъ ней).

БЕРТА. Все безмолвенъ, все ты мраченъ!
Ахъ, мой милый страненъ ты,
Жаръ смѣняется въ лицѣ
Блѣднымъ тусклымъ цвѣтомъ смерти,
Стянутъ судорогой ротъ,
Взоръ опущенъ боязливо.
Ты мнѣ страшенъ!

ЯРОМІРЪ (дико). Страшенъ—я?

БЕРТА. Боже, что съ тобой случилось?

ЯРОМІРЪ. Чу... шаги... у входа... слышишь?
Прочь!

БЕРТА. Останься!

ЯРОМІРЪ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Чу, идутъ! Скорѣе прочь!

(Быстро уходитъ въ свой покой).

БЕРТА. Онъ ли это? Тотъ ли самый?
Какъ дрожалъ онъ, какъ блѣднѣлъ,

Глазъ своихъ поднять не смѣлъ онъ?
Небо, пусть скрываетъ онъ!
Тяжело онъ боленъ тѣломъ,
Иль душою онъ смущенъ.

(Входитъ солдатъ съ оторваннымъ кускомъ шарфа въ рукѣ).

СОЛДАТЪ. Капитанъ мой здѣсь, простите?
БЕРТА. Нѣтъ, мой другъ.
СОЛДАТЪ. Но гдѣ же онъ?
Былъ онъ съ нами на посту,
А теперь—найти не можемъ.
Думалъ я, что онъ вернулся
Успокоить васъ, сюда.
БЕРТА. А отецъ мой?
СОЛДАТЪ. Вмѣстѣ съ нимъ.
Успокойтесь же графиня,
За разбойниковъ намъ страшно,
Мы открыли ихъ слѣды.
Если бъ Куртъ нашъ цѣлилъ мѣтче,
Если-бъ я счастливѣй былъ,
Атаманъ ихъ былъ бы нашимъ.
Атаманъ! Вы удивитесь!
Былъ я близко отъ него,
Я опять узналъ его.
Онъ сюда къ стѣнѣ ближайшей,
Пробирался сквозь кусты,
Куртъ прицѣлился,—и ладно!
Честью вамъ клянусъ, попалъ онъ
Прямо въ руку.
БЕРТА. Боже... Въ руку?

СОЛДАТЪ. Да, и кровь текла съ руки!
Тяжело онъ пошатнулся,
И надѣялись мы, было,
Что на землю упадетъ.
Чуть завидѣвъ, что онъ раненъ,
Я — впередъ и на него!
За кушакъ схватилъ я крѣпко,
Придавилъ ему я горло,
Хоть противился онъ сильно,
Одолѣть его я думалъ:
Но, въ притокѣ страшныхъ силъ,
Крѣпко онъ меня схватилъ,
И среди сопротивленья
Не избѣгнулъ я паденья,
Чортовъ сынъ исчезъ въ кустахъ.
Скоро я за нимъ погнался,
Но напрасно, — и остался
Лишь лоскутъ въ моихъ рукахъ.
(Протягиваетъ кусокъ шарфа).

БЕРТА (узнаетъ его).
А!..

(Она роняетъ на полъ свой платокъ, такъ что онъ покрываетъ шарфъ, лежащій на полу, и стоитъ, вся трепеща).

СОЛДАТЪ. Прекрасная графиня,
Вѣрьте мнѣ, не шутка это,
И не каждый день бываетъ.
Долго былъ въ его когтяхъ я,
И теперь, лишь стоитъ вспомнить,—
Страхъ пронзаетъ до костей,

Какъ бывало, этотъ дьяволъ,
Въ кругъ друзей своихъ вступалъ
Съ мрачнымъ взоромъ и горящимъ,
Самый смѣлый трепеталъ,
И молчанье воцарялось —
Самый дерзкій умолкалъ.
И тогда, какъ крикнетъ онъ:
Эй, впередъ, друзья, на бой!
Все къ оружью поспѣшало,
Разносился дикій вой,
И до неба долеталъ онъ,
И окрестность пробуждалъ онъ.
И впередъ бросалась стая,
Черный конь — его — подъ нимъ,
Словно выходецъ изъ ада,
Мчится, яростью пылая,
Мечетъ молніи изъ глазъ.
Гдѣ-бъ ихъ месть не пронеслась,
Всюду гибнетъ юность, старость,
Губитъ все разбоя ярость,
Все долой! И кровь и прахъ
На мѣстахъ опустошенныхъ,
Въ развалившихся домахъ!
Вы дрожите? Время близко,
За позоръ дѣяній низкихъ
Ихъ награда скоро ждетъ, —
На помостъ палачъ идетъ.

БЕРТА. Горе!

СОЛДАТЪ (бросая лоскутъ на столъ).

Прочь, лоскутъ ненужный,

Поплясать еще хочу!
Цѣликомъ его схвачу!
Да хранитъ васъ Богъ графиня.

(уходитъ).

БЕРТА. Горе! Горе! Совершилось!

(бросается въ кресло и закрываетъ лицо руками).

ЯРОМІРЪ (отворяя дверь).

Онъ ушелъ?.. Но что ты, Берта?

(Берта устремляетъ блуждающій взоръ на платокъ, лежащій на полу).

ЯРОМІРЪ (поднимая его).

Шарфъ мой!

БЕРТА (протягиваетъ ему оторванный лоскутъ, — дрожащимъ голосомъ).

Ты — разбойникъ!

ЯРОМІРЪ (отшатнувшись).

А!
Хорошо-же! Пусть свершилось!
Туча молніей грозила,
Тучу молнія пронзила,
И дышу свободно я;
Пусть надежды стволъ разбило,
Но ужъ это — было, было,
И теперь — свободенъ я!
Такъ, пора повязкѣ рваться,
Цѣпь должна пропасть давно?
Побоюсь ли я назваться
Тѣмъ, чѣмъ жить мнѣ суждено?
Такъ, теперь душа открыта,

Ложь мнѣ больше не защита,
Ложь трусливая ушла!
То, о чемъ глубоко зналъ я,
То, о чемъ всегда молчалъ я, —
Мука смертная была.
Яркой молніи стрѣлою
Разразилася гроза;
Ничего теперь не скрою,
Я свободенъ предъ тобою,
И смотрю тебѣ въ глаза.
Да, несчастная, таковъ я,
Какъ меня ты назвала;
Тотъ, за кѣмъ солдаты рыщутъ,
Тотъ, кого проклятья ищутъ,
Кто въ молитвахъ мирныхъ женъ
Вмѣстѣ съ чортомъ заклейменъ;
Тотъ, кого отецъ проклятымъ
Назоветъ въ кругу семейномъ,
Тихо шепчетъ: Берегитесь,
Дѣти, быть такимъ, какъ онъ!
Да, несчастная, таковъ я,
Какъ меня ты назвала;
Тотъ, кого убійцы знаютъ,
Нѣжнымъ братомъ называютъ,
Я — разбойникъ Яроміръ!

БЕРТА. Горе мнѣ!

ЯРОМІРЪ. Дитя дрожишь ты?
Лишь назвать мнѣ стоитъ имя,
Страхъ беретъ тебя, дитя?
Не смущайся ты душою:

То, что дѣвамъ страшно слушать,
Дѣва, дѣлалъ я, шутя!
Этотъ взглядъ—твое блаженство—
Былъ для путника ужасенъ;
Этотъ голосъ—твой любимый—
Былъ разбойнику защитой,
Хладный трепетъ наводилъ;
Эти руки,—такъ лукаво
Съ милой слитыя рукой,—
Пахнутъ кровью пролитой!
Не качай головкой нѣжной,
Да, несчастная, таковъ я!
Очи слезы проливаютъ,
Руки слабо поникаютъ,
Голосъ падаетъ, дрожитъ,—
Это я, дитя, прости.
И разбойникъ знаетъ, Берта,
Строгій часъ, когда отверзта
Грудь для слезъ—самой судьбой,
Счастье—плакать мнѣ даетъ!
Берта, вѣрь мнѣ, вѣрь мнѣ, Берта,
Тотъ, чьи очи предъ тобою
Отуманены слезою,—
То разбойникъ Яромiръ!

БЕРТА. Боже! Прочь!

ЯРОМІРЪ. О, да, права ты!
Кто я,—долженъ помнить я!
Прочь, трусливыхъ слезъ струя!
Иль разбойнику доступны
Человѣческія чувства?

Воспаленный взоръ злодѣя
Влага слезъ не освѣжитъ.
Прочь! Отринутъ я всѣмъ свѣ-
томъ,
И да будетъ мнѣ отвѣтомъ
Только ненависть и стыдъ!
Какъ съ самимъ собой я бился,
Какъ боролся, какъ стремился, -
У меня не спроситъ судъ.
Предъ рѣшеткою судейской
Не за помыселъ осудятъ,
Но за дѣло проклянутъ!
Пусть прольется чаша гнѣва,
Я иду на эшафотъ,
Но Тебя, Пресвѣтлый Боже,
Голосъ мой Тебя зоветъ!
Слышишь зовъ мой, Всемогущій,
Видишь Ты, что грудь хранитъ?
Милосердно судить, Боже,
Ты души не уничтожишь,
Что раскаяньемъ горитъ!
Средь разбойниковъ возросъ я,
Среди нихъ я возвышался,
Былъ свидѣтель дѣлъ кровавыхъ
И не зналъ иныхъ примѣровъ
Человѣческаго долга,
Духа свѣтлаго ученья
И обычаевъ святыхъ:
Проклянешь ли, Милосердный,
Ты меня, подобно людямъ?

Вѣдь разбойника я сынъ!
Я не проклятъ тѣмъ, что связанъ
Съ дѣломъ тѣхъ, кого любилъ;
Самъ отецъ своей рукою
Преступленье мнѣ открылъ.
Самъ ты знаешь, какъ стряхнувши
Золотыя грезы дѣтства,
Ужасъ онъ въ себѣ обрѣлъ;
Рокъ свой черный проклиналъ онъ,
Тщетно выхода искалъ онъ,
Онъ искалъ!—и не нашелъ.
Знаешь Самъ Ты, какъ всѣ ночи,
Этой дѣвы встрѣтивъ очи,
Отъ своихъ злодѣйскихъ дѣлъ
Отрѣшиться я хотѣлъ!
Знаешь Ты... но, словъ не надо!
Сердце сломлено,—но нѣтъ
Состраданья мнѣ отрады.
Все ты знаешь, вѣчный свѣтъ!
Отъ нея—пощады нѣтъ,
И меня она страшится...
И теперь всему конецъ!
Пусть же кровь моя прольется,
Развѣ ты ужъ не убилъ?
Что жъ ты можешь мой палачъ?

(быстро идетъ къ двери).

БЕРТА (вскакивая).

Яроміръ!.. Постой!

ЯРОМІРЪ. Что слышу?
Это—милой Берты взглядъ!
Вновь свое я слышу имя,
Жизнь съ крылами золотыми
Возвращается назадъ.

(спѣшитъ къ ней).

Берта! Только слово, Берта!

БЕРТА. Нѣтъ, оставь!

(Она стремительно идетъ на авансцену. Яроміръ настигаетъ ее и схватываетъ ея руку, которую она послѣ нѣкотораго сопротивленія оставляетъ въ его рукѣ. Она стоитъ отвернувшись).

ЯРОМІРЪ. О, не оставлю!
Какъ могу, пловецъ несчастный,
Чудомъ спасшійся отъ бури,
До конца лишенный силъ,
По пустынѣ водъ носиться
И на берегъ не стремиться,
Гдѣ маякъ мнѣ засвѣтилъ?
О, прими меня! Прими!
Все, что было въ прежней жизни,
Что въ душѣ моей осталось,
Все за твой единый взглядъ
Брошу въ бездну я назадъ;
Словно творческой рукою
Обновленъ теперь мой духъ!
Я у ногъ твоихъ, простерся
И раскаяньемъ горю!

(обнимаетъ ея колѣна).

О, прими меня! Прими!
О, какъ мать, веди молиться,
Какъ дитя, твой Яромiръ!
Только бъ мнѣ не оступиться
На пути въ безвѣстный міръ;
Научи туда стремиться,
Гдѣ блаженство и покой,
Научи меня молиться,
Быть святымъ, какъ ты, съ тобой.
Берта! Берта! Все не хочешь
Взоръ направить благосклонный
На молящаго меня?
О, не будь же, Берта, строже,
Чѣмъ судья суровый Тотъ,
Кто въ часы послѣдней казни
Солнца свѣтлыми лучами
Позлащаетъ эшафотъ...
О, я слышу... трепетъ сердца...
Ты вернулась... Ты моя...

(Заключаетъ ее въ объятья, она слабо сопротивляется).

Берта! Другъ мой! Дѣва! Ангелъ!

(вскакивая).

Разступись земля теперь,
Въ небеса открыта дверь!

БЕРТА. Яромiръ, ахъ, Яромiръ!

ЯРОМІРЪ. Сожалѣній, слезъ не знаю!
Вызовъ бросилъ я судьбѣ,
Цѣлый міръ я презираю,
Если есть любовь въ тебѣ!

Свѣтлой мыслью я ликую,—
Нѣтъ позора впереди,
Чувствъ бывалыхъ цвѣтъ увядшій,
Вновь цвѣтетъ въ моей груди!
Вновь съ людьми я связанъ, Берта;
Силой новыхъ свѣтлыхъ узъ,
И нисходятъ духи съ неба
Прославлять святой союзъ:
Цвѣтъ невинности лилейный
И любви—златистый плодъ,
Духъ Надежды легковѣйный
Въ неземномъ вѣнцѣ идетъ:
Высоко вздымайтесь волны,
Гребни, яростью полны,—
Въ пристань тихую мою
Я смѣясь, стремлю ладью.
А теперь, внимай мнѣ, Берта!
Прежде, чѣмъ тебя узналъ я,
Я о бѣгствѣ помышлялъ,
Далеко, на дальнемъ Рейнѣ,
Малый замокъ у меня,
По единому велѣнью,
Тамъ богатства ждутъ меня.
Тамъ никто меня не знаетъ,
Всѣ привыкли почитать,
Въ этотъ мирный, тихій замокъ
Мы должны съ тобой бѣжать.
Тамъ найду я путь свой новый,
Новой жизнью буду жить.
И немного лѣтъ умчится,—

Прежній путь намъ будетъ сниться,
Какъ сказанья старины,
Какъ предъутренніе сны.

БЕРТА. Мнѣ—бѣжать?

ЯРОМІРЪ. Могу ли медлить?

БЕРТА. А отецъ?

ЯРОМІРЪ. Дитя? А я?
Хорошо: мы будемъ вмѣстѣ,
Здѣсь найдутъ меня и свяжутъ,
Заковать, душить прикажутъ
На глазахъ твоихъ, дитя.
Дочь примѣрная, останься,
За сѣдымъ отцомъ ходи ты,
Забавляй, веди его
Вонъ туда, къ мѣстамъ проклятымъ,
Гдѣ на ложѣ, буреи смятомъ,
Черной кровью залитомъ
Спитъ твой милый вѣчнымъ сномъ.
Покажи на лобномъ мѣстѣ
Эти тлѣющія кости...

БЕРТА. Стой!

ЯРОМІРЪ. Ты хочешь?

БЕРТА (почти безъ сознанья).
Да, хочу!

ЯРОМІРЪ. Жизнь моя! Спасибо, Берта!
А теперь—скорѣй отсюда!
Здѣсь меня они настигнутъ,
Тайный слѣдъ уже открытъ.
Этотъ замокъ весь обрыщутъ,

Каждый здѣсь покой обыщутъ,
Подозрѣнье ихъ не спитъ.
Въ сторонѣ теперь шпіоны
Въ укрѣпленьяхъ старыхъ бродятъ,
Но давно разбойникъ знаетъ
Эти древніе хода;
Тамъ, пока, укроюсь, Берта.
Но придетъ завѣтный часъ
И навѣки свяжетъ насъ.
Въ часъ полночной все живое
Непробуднымъ сномъ уснетъ,
Вмѣстѣ съ полночью глухою
Тихо другъ твой подойдетъ.
Въ старыхъ сводахъ, гдѣ въ гробницахъ
Предки спятъ въ согласномъ снѣ,
Есть одно окно бойницы,
Ты придешь туда ко мнѣ.
Быстрый знакъ подашь мнѣ милой.
Легковѣйною рукой,
Полечу я отъ могилы,
Встрѣчу жизни молодой.
На старинныя гробницы
Подозрѣнье не падетъ,
Тамъ любовь должна укрыться,
Чтобъ летѣть потомъ впередъ.
Такъ придешь ты?

БЕРТА (тихо).

Да, приду я.

ЯРОМІРЪ. Такъ ты хочешь?

БЕРТА. Да, хочу.
ЯРОМІРЪ. Ну, прощай, идти я долженъ,
А не то врасплохъ застигнутъ:
Въ руки имъ живой не дамся.
Но, дитя, достань мнѣ мечъ!
БЕРТА. Мечъ? Не въ силахъ! Никогда!
Чтобъ опасностью тѣснимый,
Самъ ты собственную жизнь...
ЯРОМІРЪ. О, дитя, спокойна будь,
Съ той поры, какъ ты рѣшила,
Слово клятвой закрѣпила,
Вновь цѣню я эту грудь.
Развѣ острый мечъ мнѣ нуженъ,
Чтобъ свободу получить?
Этой стклянки мнѣ довольно.
БЕРТА. Стклянку прочь!
ЯРОМІРЪ. Дитя, къ чему?
БЕРТА. Какъ могу я быть спокойной?
Знать, что ядъ въ рукахъ твоихъ
И душою не терзаться?
ЯРОМІРЪ. Если такъ, дитя—возьми!

(бросаетъ стклянку на столъ).

Мечъ теперь, достань мнѣ мечъ!
БЕРТА. Мечъ! Зачѣмъ?
ЯРОМІРЪ. Что вижу я?
Не виситъ ли на стѣнѣ
Тамъ кинжалъ?
БЕРТА. Оставь! Оставь!
Не бери его изъ ноженъ,

Тяжкій грѣхъ на немъ коснѣетъ,
Въ часъ несчастный и зловѣщій
Этимъ ржавымъ остріемъ
Рода нашего Праматерь
Лютой смерти предана.
Здѣсь виситъ онъ на стѣнѣ —
Тайный знакъ ночного рока,
Что надъ родомъ тяготѣетъ.
Видѣлъ онъ однажды кровь,
Кровь вернуться можетъ вновь.

(Праматерь появляется за ними, какъ бы ограждая ихъ простертыми руками).

БЕРТА. Что ты смотришь такъ недвижно?
Сильный, ты дрожишь? И мнѣ
Страхъ могильный объялъ душу!
Трупомъ вѣетъ на меня!

(прижимаясь къ нему).

Гибну! Гибну! Цѣпенѣю!

ЯРОМІРЪ. Прочь! Кинжалъ кровавый знаю!

БЕРТА. Не касайся до него!

ЯРОМІРЪ. Мой привѣтъ, тебѣ, союзникъ!
Это ты, я знаю, ты!
Ты со мной—и вотъ всплываютъ
Дѣтства дальняго картины,
Глухо скрытыя за далью
Жизни, страстью и печалью,
Словно горы голубыя
Милой родины моей...
Вѣдь на утрѣ дней веселыхъ

Я знавалъ, знавалъ тебя;
Съ этихъ поръ за ночью жизни
Ты мерцалъ, пугая взоръ,
Какъ кровавый метеоръ.
Въ ту таинственную ночь,
Первый плодъ грѣха вкушая,
Черный долгъ свой исполняя,
Страхъ не могъ я превозмочь,
И увидѣлъ въ тайномъ страхѣ
Что не мой, не мой кинжалъ
Твой, о твой клинокъ торчалъ
Изъ горячей, первой раны!
Съ той минуты роковой
Живъ твой образъ предо мной!
Такъ—привѣтъ тебѣ, союзникъ.
Вижу свѣтъ манящій твой
И судьба зоветъ на бой!
Мой ты! Будь навѣкъ со мной!

(идетъ къ нему).

БЕРТА (у его ногъ).

Ахъ, помедли!

ЯРОМІРЪ (все еще неподвижно глядя на кинжалъ).

Прочь... Назадъ!

(Онъ беретъ кинжалъ. Праматерь исчезаетъ).

Что такое? Что случилось?
Ты мерцалъ на той стѣнѣ,
Но какъ будто свѣтъ слѣпящій
Исходилъ изъ острія...
Робкимъ, матовымъ лучомъ

Свѣтъ мерцалъ въ одѣтыхъ мракомъ
Долахъ темнаго былого,
И изъ раннихъ юныхъ лѣтъ
Тихо образы поплыли
И предчувствія смутили...
Этотъ залъ привѣтъ послалъ,
Эти стѣны улыбнулись,
И въ груди своей, какъ будто,
Самого себя обрѣлъ я!
И потомъ—погасъ, исчезъ,
Словно молнія съ небесъ.

БЕРТА. О, оставь кинжалъ кровавый!

ЯРОМІРЪ. Я—кинжалъ мой? Никогда!
Мой кинжалъ! Онъ мой! Онъ мой!
Право сталь его крѣпка!
Съ каждой пробой, съ каждымъ взмахомъ
Разстаюсь я съ тайнымъ страхомъ.
Съ нимъ судьба моя легка!
Онъ вполнѣ меня достоинъ:
Дорогое остріе!
Буду вѣренъ и спокоенъ,—
Ты разишь однимъ ударомъ,
Золотое лезвее!
Ну, прощай!... Прощай, дитя!
Будь свѣтла. Въ грядущемъ—свѣтъ!
Въ полночь: помни свой обѣтъ!

(уходитъ съ поднятымъ кинжаломъ въ боковой покой).

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Залъ какъ въ предыдущихъ дѣйствіяхъ. Свѣчи на столѣ. — Берта сидитъ, опустивъ лицо на ладони, руки на столѣ.

Входитъ Гюнтеръ.

ГЮНТЕРЪ. Здѣсь вы юная графиня?
Какъ не страшно вамъ одной
Проводить въ покояхъ мрачныхъ
Эту сумрачную ночь?
Вѣдь, по-истинѣ, страшнѣе
Не видалъ я никогда.
Тамъ визжитъ и воетъ буря,
Здѣсь прокрался въ замокъ ужасъ
И смущаетъ разумъ нашъ,
Въ мракѣ лѣстницъ слышенъ ропотъ,
Въ переходахъ темныхъ шопотъ,
А въ могильномъ склепѣ предковъ
Скрипы тлѣющихъ гробовъ;
Голова моя кружится,
Дыбомъ волосы встаютъ.
Кой о чемъ еще услышимъ,
Вѣдь опять Праматерь бродитъ,
Изстари объ этомъ знаютъ
И въ смертельномъ страхѣ ждутъ:

Это злое предвѣщаетъ
Преступленье, иль бѣду.

БЕРТА. Преступленье, иль бѣду.
Ахъ! Бѣду и преступленье!
Не сбиралось ли несчастье
Эту жизнь испепелить?
Такъ къ чему же преступленье?
Грудь и такъ поражена
О, къ чему же, Справедливый,
Проклинать еще и совѣсть
И удваивать проклятье,
Жечь насъ молніей двойной?
Развѣ мало намъ одной?

ГЮНТЕРЪ. Ахъ, отецъ вашъ престарѣлый
Бродитъ въ бурю на дворѣ,
Предоставленъ ярой вьюгѣ
И кинжалу злыхъ убійцъ.

БЕРТА. Ты сказалъ: кинжалъ? Какой?..
Я дала? Онъ взялъ?

ГЮНТЕРЪ. Графиня,
Не теряйте вы отваги.
Эти трепетные знаки —
Лишь неясные намеки
Близкой бури предвѣщанья:
Но не всякій громъ — разитъ,
И огонь небесный — въ длани
Самъ Отецъ всегда хранитъ.

БЕРТА. Да, ты правъ. Въ Господней длани.
Правъ ты. — Я хочу молиться!
Насъ онъ можетъ защитить, —

Погубить и заступиться,
Покарать и пощадить.

(становится на колѣни у кресла).

ГЮНТЕРЪ (подходя къ окну).
Озаряется окрестность,
Свѣтятъ факелы въ поляхъ,
То преслѣдуютъ злодѣевъ,
Укрывающихся здѣсь.

БЕРТА (на колѣняхъ).
Мать святая, Всеблагая,
Дай мнѣ, сердце облегчая,
Отъ печали отдохнуть;
Вырви скорбь рукой волшебной
И пролей бальзамъ цѣлебный
Въ эту раненую грудь.

ГЮНТЕРЪ. Наши стали тѣснымъ кругомъ,
Загражденъ вездѣ проходъ,
Убѣжать никто не можетъ, —
Пусть ихъ прячутся теперь!

БЕРТА (съ возрастающимъ страхомъ).
О, укрой своимъ покровомъ
Безконечно дорогого,
Онъ вернулся вновь къ Тебѣ!
Сохрани его, Святая,
Невредимымъ въ лютой стаѣ,
Подъ мечами и въ огнѣ.

ГЮНТЕРЪ. Былъ бы съ нами вашъ отецъ —
Нѣтъ онъ бродитъ въ темномъ полѣ!

Онъ теперь остался бъ съ нами,
Еслибъ... Страхъ меня беретъ!

БЕРТА. О, возстань отъ звѣздныхъ троновъ.
Сохрани его, молю,
Обездоленъ онъ судьбой!
Все, что милому грозило,
Пусть прольетъ святая сила
Надъ моею головой.

ГЮНТЕРЪ. Слѣдъ, какъ будто бы, нашли?
Всѣ бѣгутъ сюда, къ стѣнамъ,
Пусть дерется сколько хочетъ, —
Никогда онъ не уйдетъ.

БЕРТА (въ невыразимомъ страхѣ, почти кричитъ).
Отврати! Я умоляю!
Въ небо руки простираю!
Иль — кончай! кончай! кончай!

(Пауза).

(Оба вслушиваются съ напряженнымъ вниманіемъ. Берта медленно выпрямляется).

ГЮНТЕРЪ. Чу! Кричатъ.
БЕРТА. Кричатъ!
ГЮНТЕРЪ. Снова тихо.
БЕРТА. Снова тихо...
ГЮНТЕРЪ. Боже Правый! Это голосъ?
БЕРТА. Кто кричалъ?
ГЮНТЕРЪ. Не можетъ быть!
Смерть отраднѣй!
БЕРТА. Кто кричалъ?
ГЮНТЕРЪ. Нѣтъ, пустое. Всѣ столпились

Вкругъ чего то, что недвижно
Распростерто на землѣ.
БЕРТА. На землѣ? лежитъ?
ГЮНТЕРЪ. Не въ силахъ
Такъ далеко видѣть я,
Острый выступъ стѣнъ мѣшаетъ
Видѣть все, что происходитъ.
Но, сдается мнѣ, подъ липой,
Осѣнившей то окно...
БЕРТА. Какъ? подъ липой?
ГЮНТЕРЪ. Да, какъ будто.
БЕРТА. Тамъ подъ липой? На землѣ?
ГЮНТЕРЪ. Да. Такъ, кажется, сказалъ я. —
БЕРТА. Боже Правый! Яромiръ!
ГЮНТЕРЪ. Спитъ спокойно онъ графиня.
БЕРТА. Спитъ? Онъ спитъ—и не проснется?
ГЮНТЕРЪ. Чу. Идутъ.—Спросить должны мы,
Что внизу случилось съ ними.

(Входитъ капитанъ).

КАПИТАНЪ. Эй постель и перевязку!
ГЮНТЕРЪ. Ахъ, скажите, господинъ...

(Берта стоитъ безъ движенiя).

КАПИТАНЪ. Здѣсь вы, юная графиня?
Не былъ я къ тому готовъ;
Оказать хотѣлъ я помощь,—
А не злую вѣсть нести...
Вашъ отецъ...
БЕРТА (быстро).
А онъ?

КАПИТАНЪ. Кто онъ?
БЕРТА. А... разбойники?
КАПИТАНЪ. Не въ силахъ
Были мы настичь... Отецъ вашъ...
БЕРТА. Нѣтъ? За вѣсть благодарю васъ!
КАПИТАНЪ. За какую вѣсть?
БЕРТА. За то...
Жду, хотѣла вамъ сказать я,
Жду я вѣсти съ нетерпѣньемъ...
КАПИТАНЪ. Вотъ она въ словахъ немногихъ:
Тяжко раненъ вашъ отецъ.
БЕРТА. Раненъ? Какъ, отецъ мой раненъ?
О, ходить, за нимъ я буду,
О, лечить я буду раны!
На груди моей дѣвичьей
Исцѣлится мой отецъ!
КАПИТАНЪ. Какъ я радъ, что вѣсть дурную
Вы встрѣчаете такъ твердо,
Я готовился къ иному.
ГЮНТЕРЪ. Такъ его я слышу голосъ!
Я сейчасъ иду туда...
КАПИТАНЪ. Нѣтъ... Пусть будетъ все готово,
Ужъ несутъ его сюда.
Поразилъ его разбойникъ...
БЕРТА. А, разбойникъ!
КАПИТАНЪ. Да, разбойникъ,
Кто жъ еще? Ахъ, вы не знали...
Мы окрестность обыскали,
Былъ средь насъ и вашъ отецъ,

Всѣ старанья были тщетны, —
Онъ остался помогать намъ,
Глубоко тая обиду,
Что нанесъ невольно я.
Чу,—кусты зашевелились,
Слышу окликъ часовыхъ.
Нѣтъ отвѣта. Съ громкимъ кличемъ,
Близкой радуясь добычѣ,
Люди бросились туда.
И въ одномъ изъ переходовъ,
Средь развалинъ древнихъ сводовъ,
Гдѣ далеко мгла лежитъ,
Валъ у замка сторожитъ,
Видимъ, чья то тѣнь бѣжитъ.
Вашъ отецъ стоялъ всѣхъ ближе,
Съ высоко поднятой шпагой
Онъ бросается съ отвагой
За разбойникомъ въ проходъ.
Раздается крикъ глухой,
Мы бросаемся туда,
Вашъ отецъ упалъ на землю
Безъ дыханья, безъ движенья,
Самъ себя не помнилъ онъ, —
И во грудь кинжалъ вонзенъ.

БЕРТА. Что? Кинжалъ?

КАПИТАНЪ. Да, такъ, графиня.

БЕРТА. Что? Кинжалъ?

КАПИТАНЪ. О, да, кинжалъ.

БЕРТА. Прочь! Къ нему! Къ нему! Къ нему!

КАПИТАНЪ (удерживая ее).
Нѣтъ, останьтесь здѣсь, останьтесь.
Вотъ несутъ.

(Солдаты и слуги вносятъ Графа и ставятъ носилки посреди сцены).

БЕРТА. Отецъ мой! Боже!
О, пустите!
КАПИТАНЪ. Успокойтесь!
Такъ убьете вы его.
Тише.
БЕРТА. Тише?—О, пустите!

(вырывается и припадаетъ къ носилкамъ).

О, отецъ! Отецъ! Отецъ мой!
ГРАФЪ (съ перерывами).
Это ты, родная Берта?
Радость, бѣдное дитя!
О, несчастное дитя!
О, несчастное дитя!
БЕРТА. Я, отецъ, мой, вамъ не въ радость,
Не къ лицу мнѣ похвала,
Тяжела моя вина.
ГРАФЪ. Если въ мигъ тотъ роковой,
Въ дымномъ факеловъ мерцаньи
Взоръ меня не обманулъ,
Если тотъ, о комъ я думалъ,—
Тотъ тогда былъ предо мной,—
Плачь родная надъ собой! —
Гдѣ же Яромiръ?

БЕРТА (тихо, дрожа).
Не знаю.
ГРАФЪ. Дочь моя! Гдѣ Яромiръ?
БЕРТА (пряча лицо въ подушки).
О, отецъ, отецъ!
ГРАФЪ. Да будетъ!
И прости, прости тогда,
Ты, послѣдняя надежда!
Пусть же солнце закатилось,
Лучъ послѣдній, догораетъ,
Сумракъ ночи, наступаетъ!
Время спать,—да, время спать.
Радость, бѣдное дитя,
Плачь, терпи, страдай, умри!
Нѣтъ тебѣ благословенья,
На землѣ,—одно мученье,
Ты вѣдь—дочь моя родная,
Ты—изъ рода Боротинъ.
ГЮНТЕРЪ. О, молчите, господинъ!
Ваша раненая грудь
Отъ рѣчей страдаетъ хуже.
ГРАФЪ. О, позволь, слуга мой вѣрный,
Разъ еще, у края гроба,
Этой злой пустынной жизни,
Да пустынной, но прекрасной—
Разъ еще взглянуть въ глаза;
Эту радость, эти муки,
Здѣсь, въ послѣдній мигъ разлуки,
Затаить навѣкъ глубоко
Въ человѣческой груди.

Дай въ послѣдній разъ извѣдать
Сладость горькаго напитка,
А потомъ бери. Судьба!

БЕРТА. Нѣтъ, не смерть, отецъ мой нѣтъ!
Нѣтъ, не надо умирать вамъ!
Кто безъ васъ мнѣ тутъ, отецъ мой?
О, не надо умирать!

ГРАФЪ. Хочешь дѣтскими руками
Колесомъ судьбы ты править?
Не сдержать тебѣ земной
Колесницы громовой.

(входитъ Солдатъ).

СОЛДАТЪ (капитану).
Пойманъ только что разбойникъ;
У пруда лежалъ онъ, прячась
Въ камышахъ прибрежныхъ, мы же
Привели его сюда.

ГРАФЪ. А! Разбойникъ!

БЕРТА. Правый Боже!

ГРАФЪ. Юный? Стройный и высокій?

СОЛДАТЪ. Нѣтъ, почти уже старикъ.
Говорить онъ съ вами хочетъ;
Что-то важное сообщитъ онъ
И для васъ и для себя.

КАПИТАНЪ. Какъ осмѣлился убійца
Человѣка часъ послѣдній...

ГРАФЪ. Нѣтъ, мой милый, пустъ войдетъ.
Если грѣшенъ предо мной,
Я хочу его простить,

Если же я нанесъ ему
Оскорбленье, иль обиду,
Долженъ я очистить совѣсть
Отъ проклятья бѣдняка.

КАПИТАНЪ. Пусть войдетъ.

(Солдатъ уходитъ).

ГЮНТЕРЪ. Мой господинъ!
Неудобно это ложе;
Въ вашу спальню родовую
Дайте васъ перенести.

ГРАФЪ. Нѣтъ! Я здѣсь хочу остаться,
Въ этомъ залѣ, мнѣ священномъ!
Игръ веселыхъ онъ свидѣтель,
Видѣлъ онъ мечтанья юныхъ,
Видѣлъ онъ дѣянья мужа,
Пусть и старца видитъ смерть.
Здѣсь, гдѣ духи старыхъ предковъ
Вѣютъ тихими крылами,
Гдѣ съ высокихъ стѣнъ глядится,
Длинный рядъ достойныхъ ликовъ,
И о славѣ говоритъ,
На наслѣдника взирая,
Здѣсь, гдѣ предковъ духъ царитъ,
Я—послѣдній—умираю.

(входитъ Болеславъ, ведомый стражей).

БОЛЕСЛАВЪ (бросаясь на колѣни).
Господинъ мой, милосердья!

Я прошу, какъ милость,
милость,—
Слово сильное скажите!
И въ награду я могу
Вамъ повѣдать вѣсть такую,
Что недугъ тяжелый лѣчитъ,
Радость свѣтлую несетъ.

ГРАФЪ. Нѣтъ ужъ, нѣтъ цѣлящей вѣсти,
Какъ сказалъ ты, для меня,
Но клянусь на этомъ мѣстѣ
(Другъ свидѣтель будетъ мой),
Если честенъ голосъ твой,
Въ насъ найдешь ты состраданье
И за тяжкія дѣянья.

БОЛЕСЛАВЪ. Такъ внимайте и простите!
Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ
поръ,
И, тогда уже—преступный,
Я однажды въ лѣтній вечеръ
Мимо замка проходилъ;
Я стерегъ тогда добычу
И примѣтилъ подъ стѣнами,
Возлѣ ближняго пруда,
Что прекрасный, нѣжный
мальчикъ,—
Года три ему лишь было—
За кремнемъ кремень бросаетъ
Въ воды свѣтлыя пруда.

ГЮНТЕРЪ. Боже правый!

ГРАФЪ. Что я слышу!

БОЛЕСЛАВЪ. Былъ красивъ его нарядъ,
И на тонкой бѣлой шеѣ
Яркій камень былъ надѣтъ.
Я обрадованъ добычѣ,
Озираюсь,—съ нимъ одни мы,
Нѣтъ у пруда никого.
Заманить его хочу я,
Заманить хочу отъ замка.
Плодъ, цвѣтокъ ему дарю я,
И веселый, славный мальчикъ
Все послушнѣй и послушнѣй
Подъ вечернею зарей
Въ темный лѣсъ идетъ за мной.

ГРАФЪ. Ахъ, то сынъ мой, сынъ мой былъ!

ГЮНТЕРЪ. Мы подумали — погибъ онъ.
Утонулъ въ глухомъ затонѣ, —
Шляпа плавала въ пруду.

ГРАФЪ. Ты ликуешь, ты безуменъ, —
Иль въ разбойничьей груди
Мѣсто есть для состраданья?
Пощадилъ его онъ развѣ?

БОЛЕСЛАВЪ. Да, его я пощадилъ!
Умертвить хотѣли братья,
Чтобы мальчика уста
Тайный слѣдъ нашъ не открыли;
Я противился упорно,
И, когда друзья поклялись,
Что не долженъ онъ вернуться
Изъ глуши и мглы лѣсной

Въ отчій домъ родимый свой,—
Я сжился съ малюткой сирымъ,
И вашъ сынъ моимъ сталъ сыномъ,
Васъ забылъ и весь свой родъ
И меня отцомъ зоветъ.

ГРАФЪ. Боже! Сынъ мой! Живъ онъ! Живъ!
Но живетъ онъ? Средь злодѣевъ!
Развѣ онъ?..

БОЛЕСЛАВЪ (опуская глаза).
Таковъ, какъ я!

ГРАФЪ. Онъ разбойникъ? Нѣтъ! Неправда?
Ты молчишь! Окаменѣлъ!
Сынъ—разбойникъ! А! Разбойникъ!
Пусть бы нѣжный ротъ его
Залитъ былъ водой коварной,
Легче было бъ мнѣ тогда,
Легче имени не знать,
Чѣмъ злодѣю быть отцомъ.
Ахъ, за что я проклинаю?
Боже! Праведенъ твой лучъ!
Онъ—разбойникъ? Самъ онъ выбралъ?
Приведи его ко мнѣ,
И разбойникъ дорогъ мнѣ.

БОЛЕСЛАВЪ. Здѣсь онъ, въ этомъ самомъ замкѣ.

ГРАФЪ. Здѣсь?
БОЛЕСЛАВЪ. Но вамъ онъ не знакомъ.
Незнакомецъ тотъ, который
Здѣсь пристанища искалъ...
БЕРТА. Яромiръ?
БОЛЕСЛАВЪ. Онъ самый, да!
ГРАФЪ. Дьяволъ ты! Злорадный дьяволъ!
Слово ты возьми назадъ!
БОЛЕСЛАВЪ. Это онъ, мой господинъ!
ГРАФЪ. Отрекись!
БОЛЕСЛАВЪ. Я не могу!
ГРАФЪ (поднимаясь на ложѣ, со страшнымъ напряженiемъ всѣхъ силъ).
Отрекись!
КАПИТАНЪ (успокоительно графу).
Графъ!

(указывая на Болеслава).

Прочь его!
БОЛЕСЛАВЪ. Благородный рыцарь!
КАПИТАНЪ. Прочь!

(Болеслава уводятъ).

ГРАФЪ. Онъ ушелъ, не скажетъ: нѣтъ!
Такъ скорѣй крушитесь стѣны,
Черной гибели — привѣтъ!
Рушьтесь крѣпкiя колонны,
Что держали шаръ земной.
Отца зарѣзалъ сынъ родной!

(падаетъ навзничь).

БЕРТА (падая въ обморокъ).
Смерть, врата свои открой!

(Пауза. Всѣ стоятъ онѣмѣвъ отъ ужаса).

ГРАФЪ. Часто жаловался я,
Что одинъ, безъ сына я.
Былъ бы рыцарь, феодалъ,
Кто бы родъ нашъ продолжалъ;
Вотъ судьбы коварной месть!
Сынъ, наслѣдникъ, правда есть,
Жизнь дана ему судьбою,
Чтобъ покончить счетъ со мною!
Всѣ напрасны были пени,
Жалость душу не спасетъ.
Предки! Здѣсь я—не послѣдній!
Сынъ мой живъ! — На эшафотъ!
Что у ногъ моихъ кровавымъ
Свѣтомъ свѣтитъ на полу?

ГЮНТЕРЪ (поднимая и держа въ рукахъ кинжалъ).
Это тотъ кинжалъ, которымъ
Рана вамъ нанесена!

ГРАФЪ. Это? Это — тотъ кинжалъ?
Ты — кровавое желѣзо,
Ты — то самое, которымъ
Въ лютой ярости слѣпой
Кровь супруги пролилъ предокъ,
На тебя смотрю — и стало
Взору смертному — свѣтло!
Вы теперь дивитесь мнѣ?
Сынъ мой въ этомъ неповиненъ!

Силы тайныя и злыя
Шаткой правили рукой.

(хватается за Гюнтера).

Повтори, старикъ, сказанье
О Праматери несчастной,
О позорѣ родовомъ,
О семьѣ, въ грѣхѣ зачатой,
Погибающей въ грѣхѣ!
Видно ль вамъ какъ знакъ
кровавый
Изъ сѣдого міра предковъ
Свѣтлымъ пламенемъ горитъ?
Отъ отца, смотрите, къ сыну,
И отъ прадѣда—къ потомку,
Возрастая и крутясь,
Онъ стремитъ, клубясь потокомъ,
Опрокинулъ всѣ плотины,
Черезъ поля, лѣса и долы,
И легко смываетъ слѣдъ
Человѣческаго счастья,
Мчится дикая рѣка,
Размывая берега!
А! вздыбясь, кипитъ вода,
Пошатнулись стѣны зданій,
Сводъ старинный потрясенъ,
Мнится мнѣ,—я вознесенъ!
Ты, остерегающая,
Матерь злая, злыхъ дѣтей
Ты-ль грозить пришла ко мнѣ?

Торжествуй и радуйся!
Скоро, скоро сгинетъ родъ твой,
Осужденъ и проклятъ сынъ мой:
Такъ, и это сердце стынь,
Мертвъ послѣдній Боротинъ.

(умирая, опрокидывается навзничь).

ГЮНТЕРЪ. Боже! Лопнула повязка!
Горе, мертвъ!

(склоняется надъ нимъ, положивъ руку ему на грудь, послѣ нѣкотораго молчанія).

Его ужъ нѣтъ!
Блѣдны хладныя ланиты,
Не вздыхаетъ больше грудь.
Онъ ушелъ отъ насъ въ
мученьяхъ,
И въ мученьяхъ жизнь провелъ.
Такъ, прости, душа святая,
Ахъ, и добродѣтели
Словно ангельскія силы
Вознесутъ съ земли унылой
Духъ твой въ лоно свѣтлое!
Спи до утренней зари,
Господинъ! Что жизнь скупая
Не дала тебѣ для счастья,—
Смерть тебѣ да подаритъ!

(Онъ молитвенно преклоняетъ колѣна. Капитанъ и всѣ присутствующіе обнажаютъ головы. Торжественная тишина).

КАПИТАНЪ. Долгъ заплаченъ благочестью!
А теперь—впередъ друзья,

Месть за черныя дѣянья
На главу убійцъ падетъ!

ГЮНТЕРЪ. Какъ, хотите вы?

КАПИТАНЪ. За мной!

(уходитъ со своими людьми).

ГЮНТЕРЪ. Милосердый Боже! Стойте!
Это сынъ его! Внимайте!
Сынъ единый господина!
О, графиня Берта! Сжальтесь!

(уходитъ вслѣдъ за капитаномъ).

БЕРТА (поднимаясь).

Кто то звалъ: графиня Берта,
Это я зовусь такъ: Берта...
Нѣтъ, одна, совсѣмъ одна!

(вставъ съ полу).

Тише! Здѣсь лежитъ отецъ мой,
Такъ спокоенъ, недвижимъ,
Тише. Тише. Тише. Тише.
Ахъ, какъ тяжко головѣ,
Взоръ мой смутенъ, взоръ такъ
смутенъ....
Ахъ я знаю, сколько дѣлъ здѣсь,
Сколько дѣлъ совершено,
Размышляя, вспоминаю,
Ахъ, но свѣтлый, свѣтлый знакъ,
Что въ мозгу моемъ горитъ,
Спуталъ образы былые.
Стой! сказали вѣдь они,

Будто мой отецъ разбойникъ?
Не отецъ! О, не отецъ мой!
Яроміръ—злодѣя имя!
Сердце дѣвушки одной
Изъ груди ея укралъ онъ,
Вмѣсто любящаго сердца,
Положилъ онъ скорпіона
Въ холодѣющую грудь,
И теперь грызетъ онъ гнѣвно,
Мучитъ дѣвушку до смерти...
Сынъ убилъ отца родного...

(радостно).

А, мой братъ пришелъ сюда,
Мертвый братъ мой возвратился!
Братъ... постой! Иду туда!
Въ ваши черныя гробницы!

(Судорожно прижимая руку къ груди).

Лютый, сердце мнѣ точи,
Мучь, но только—замолчи!

(беря со стола свѣчу).

Ахъ, хочу я лишь уснуть,
Лишь уснуть, уснуть, уснуть,
Грезы сонныя такъ сладки,
Тяжки сны лишь на яву!

(бросая на столъ блуждающіе взоры.)

Что блеститъ тамъ на столѣ?
Знаю блескъ я стклянки милой!
Мнѣ дарилъ ее женихъ,

Какъ подарокъ для невѣсты!
И, даря шепнулъ онъ мнѣ
Будто въ этой колыбели
Залегла и дремлетъ дрема!
О, дремотной дремы сладость!
Ахъ, уста мои пылаютъ,
Дай мнѣ пить, прильнувъ у края,
Только—тихо—тихо—тихо.

(Она идетъ на цыпочкахъ, шатаясь все больше съ каждымъ шагомъ, къ столу. Не дойдя до него, она падаетъ на полъ).

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

(Замковый валъ. Всюду полуразрушенныя укрѣпленія. Слѣва, въ одной изъ стѣнъ перваго плана,—окно бойницы, на заднемъ планѣ—часть жилого помѣщенія съ замковой капеллой. Яромiръ идетъ сквозь ночь).

ЯРОМІРЪ. Такъ, вотъ мѣсто и окно!
Здѣсь въ окопахъ полусрытыхъ,
Буду ждать, глубоко скрытый,
Чтобы счастья пробилъ часъ.

(ходитъ взадъ и впередъ).

Прочь мучительныя мысли!
Черной тучей вы нависли
Надъ разслабленной душой!
Твердый духъ не знавшій страха,
Вы смутились горстью праха,
Праздныхъ призраковъ игрой!
А! Когда онъ былъ убитъ, —
Тотъ, кто самъ убить стремился,
Развѣ духъ мой устрашился?
Кто страшиться мнѣ велитъ?
Если въ равной, честной стычкѣ
Мой кинжалъ врага сразитъ,—
Жизнь за жизнь, гласитъ обычай,
Право строгое гласитъ!

Чья душа трепещетъ въ страхѣ,
Если врагъ лежитъ во прахѣ?
Прочь сомнѣнья! Что со мной?
Былъ суровѣй я душой!
Если правъ я въ дѣлѣ былъ,
Что за страхъ меня смутилъ?
Что мнѣ сердце жарко жжетъ,
Кровь зачѣмъ хладна какъ ледъ?
И зачѣмъ въ проклятый мигъ
Въ мигъ свершенья — тайно
мнилось,
Дьяволъ самъ меня настигъ,
Сила неба отвратилась?
Я бѣжалъ въ глухой проходъ,
Слышу — врагъ за мной идетъ,
Слышу — дышетъ надо мною,
Вотъ сейчасъ возьметъ рукою,—
И глубоко въ этотъ мигъ
Слышу тайный сердца крикъ:
„Прочь кинжалъ! Проси
прощенья!
Сладко смерти искупленье!“
Но, какъ пламенный языкъ,
Гнѣвъ разбойника возникъ,
Душу яростью проникъ,
Взору чудится мерцанье,
Слуху чудится жужжанье,
Духи, какъ луны сіянье,
Мчатся въ пляскѣ круговой,
И кинжалъ зажатъ рукой, —

Красенъ пламень роковой!
Слышу крикъ: спасай себя ты!
И взношу ударъ проклятый,
А, попалъ! Мгновенный взмахъ,
За спиною слышу: ахъ!
Слабый голосъ и знакомый,
Смертной скованный истомой.
Слышу голосъ я дрожащій
И тогда безмѣрный страхъ,
Ужасъ, душу леденящій,
И безумье въ головѣ;
Трепетъ! Дрожь! Хочу бѣжать!
Словно Каина печать
На пылающемъ челѣ!..
Всѣ старанья, всѣ стремленья
Заглушить не въ силахъ крикъ,—
Все кричитъ, звенитъ въ ушахъ
Страшный отзвукъ, тайный
страхъ;
И вопитъ, исполненъ яда,
Смѣхъ чудовищнаго ада,
И противиться нѣтъ силъ;
Не врага ты истребилъ!—
Кто идетъ среди развалинъ
И торопится сюда?
О, безумный, путь возвратный
Не найдешь ты никогда:
Если тигръ хоть разъ единый
Утолилъ свой дикій гнѣвъ,
Ярость стала господиномъ,

Алчетъ крови жадный зѣвъ.

(Отступаетъ назадъ. Входитъ Болеславъ).

БОЛЕСЛАВЪ. Слава Богу! Счастье съ нами!
Убѣжалъ отъ стражи я,
Но еще я сжатъ стѣнами,
И слабѣетъ мощь моя.
Только бъ мнѣ найти скорѣе,—
Сына нашего ищу я,—
Моего и твоего.
Пусть со мою Яромiръ
Припадетъ къ ногамъ отцовскимъ,
О, тогда пощада будетъ;
Подъ однимъ ударомъ долженъ
Сынъ погибнуть—и отецъ.

ЯРОМІРЪ (выступая).
Моего отца здѣсь голосъ!

БОЛЕСЛАВЪ. Яромiръ? Ты здѣсь?

ЯРОМІРЪ. Я здѣсь.

БОЛЕСЛАВЪ. Будь благословенъ!

ЯРОМІРЪ. Спасибо!
Не давай благословенья
Вѣдь разбойникъ—проклятъ онъ.
Ты отецъ, съ какой дороги,
Тайный ходъ, иль вѣрный ломъ
Велъ тебя въ объятья сына?

БОЛЕСЛАВЪ. Ахъ, я былъ въ рукахъ врага!
Ловко пойманный у пруда,
Былъ я въ замокъ приведенъ:

Но, воспользовавшись смутой,
Что средь графскихъ слугъ царила
Отъ болѣзни лютой графа,—
Я прорвался и бѣжалъ!

ЯРОМІРЪ. Ты бѣжалъ! Хвалю тебя!
Погляди я самъ такъ сдѣлалъ!
Нецвѣтетъ съ тобой намъ счастье
Средь людей, душой невинныхъ,
Въ страхѣ лишь, въ лѣсу ночномъ
Мы—разбойники—живемъ.
Правъ, отецъ ты! И достоинъ
Духа сына твоего.

БОЛЕСЛАВЪ. Сына? Онъ еще не знаетъ!
Ты зовешь меня отцомъ.

ЯРОМІРЪ. Развѣ нѣтъ? Ну, перемѣнимъ.
Ты отца возьми назадъ,
И назадъ возьму я сына!

БОЛЕСЛАВЪ. Такъ, къ чему жъ ведетъ молчанье?
Часъ рѣшенья настаетъ,
Пусть завѣса упадетъ!
Хорошо—узнай же, другъ мой,
Съ кѣмъ ты жизнью крѣпко связанъ,
Кто сей даръ тебѣ вручилъ.
Но храни ты благодарность;
Сохранилъ его тебѣ я,
Хоть не я тебѣ вручилъ.

ЯРОМІРЪ. Не вручилъ? Не ты вручилъ?
Не вручилъ? Что говоришь ты?
БОЛЕСЛАВЪ. Нѣтъ, мой сынъ — уже не мой.
ЯРОМІРЪ. Я—не сынъ твой? Не отецъ мнѣ
Тотъ разбойникъ Болеславъ?
Я—не сынъ твой, нѣтъ, старикъ?
Дай подумать, дай повѣрить,
О, какъ сладко вѣрить мнѣ!
Значитъ, былъ же, былъ тогда то
Съ тѣми я, кого искалъ,
Значитъ, въ первый часъ рожденья
Богъ меня не проклиналъ?
И въ отверженную книгу
Богомъ я не занесенъ?
Могъ стремиться, могъ любить я,
Жизнь моя—не страшный сонъ?

(сильно схватываетъ Болеслава).

О, чудовище порока!
Отъ меня ты укрываясь,
Видѣлъ ты, какъ я терзался,
Слышалъ бой и сердца крикъ,—
И нѣмѣлъ твой злой языкъ!
Святотатственно проникъ ты
Въ грудь невиннаго ребенка,
Въ незапятнанный мой храмъ;
Ликъ отца укралъ ты тамъ,
И поставилъ свой—предъ Богомъ
У священнаго порога!

О, чудовище порока!
Въ часъ, когда, склонивъ колѣна,
Я молился,—и горѣлъ
Въ сердцѣ пламенномъ тотъ образъ,
Неизвѣстный и святой. —
И отцомъ его назвалъ я,
И его благословлялъ я, —
Ты въ могилу проникалъ,
Устъ моихъ благословенье
Ты убійца, принималъ!
Повтори же, скажи,
Что отца родного имя
Ты укралъ, какъ воръ трусливый,
Что не твой я сынъ, злодѣй.

БОЛЕСЛАВЪ. Ахъ, мой сынъ!

ЯРОМІРЪ. Не говори!
Повторяй слова убійства,
Не священныя слова!
Я не сынъ твой! Я не сынъ твой!
За такую вѣсть—спасибо!
Ненавидѣлъ я тебя,
Чуть добро и зло узналъ я,
Чуть узналъ я имя Бога;
Оттого смертельнымъ взоромъ,
Какъ убійственнымъ кинжаломъ,
Грудь ребенка ты пронзалъ;
Оттого, рукой кровавой
Щеки полныя лаская,

Блѣдный страхъ ты насылалъ,
Нѣжно ты ко мнѣ склонялся,
Надъ убитыми смѣялся,
Ротъ кривился смѣхомъ злымъ:
„Будь мужчиной, будь моимъ!“
Я жъ, глупецъ, глупецъ слѣпой,
Въ глубинѣ души не слышалъ
Потаенныхъ голосовъ,
Съ кроткимъ сердцемъ я боролся,
Изнемогъ въ борьбѣ безплодной,
Чтобъ любовь свою пролить
На кровавыя сѣдины
Палача души невинной.
Негодяй верни назадъ,
Что рожденье мнѣ сулило,
Сердца радостный покой,
Счастье жизни, сердцу милой,
Духъ невинности младой.

БОЛЕСЛАВЪ. Боже! Выслушай меня!

ЯРОМІРЪ. Кто ты, гдѣ отецъ мой милый?
Отведи меня къ нему!
Пусть онъ будетъ земледѣломъ,
Утучнившимъ землю предковъ
Потомъ хмураго чела, —
Этой жизни многотрудной
Съ нимъ отдаться мнѣ вели,
Бороздить пласты земли
Неподатливой и скудной,
И слезами орошать
Всѣ посѣянныя зерна,

И съ надеждой робкой ждать
Зеленей на пашнѣ черной.
Пусть онъ будетъ бѣднякомъ,
Буду я за нимъ влачиться,
Въ жалкой хижинѣ ютиться,
Въ нищетѣ и страхѣ жить,
Хлѣбъ и рубище дѣлить?
Звѣзды позднія заблещутъ,—
Будетъ ложемъ мнѣ земля,
Буду я тогда блаженнѣй
И богаче короля,
Очи сномъ угомоня.
Отведи къ нему меня!

БОЛЕСЛАВЪ. Хорошо иди за мной!
Онъ не бѣдный земледѣлецъ,
И не знаетъ нищеты,
Нѣтъ, онъ мощный господинъ,
Здѣсь, въ странѣ, его всѣ знаютъ,
Братомъ княжескимъ считаютъ,
Передъ нимъ трепещетъ міръ,
Онъ—отецъ твой, Яромiръ.
Такъ воспрянь же духомъ, сынъ,
Не обиженъ ты судьбою,
Здѣсь ты полный властелинъ,
Стань же твердою стопою,
Гордый графъ фонъ Боротинъ!

ЯРОМІРЪ (испуганно вздрагивая).
А!..

БОЛЕСЛАВЪ. Твой дѣтскій лепетъ первый
Слышалъ этотъ замокъ древній,

Здѣсь ты свѣтъ дневной узналъ,
И въ горячихъ поцѣлуяхъ
Ты, не вѣдая, не чуя,
Грудь отцовскую сжималъ...

ЯРОМІРЪ (вскрикивая).

Нѣтъ!

БОЛЕСЛАВЪ. Повѣрь, сказалъ я правду!
Такъ пойдемъ съ тобой къ нему.
Голосъ строгаго закона,
Для разбойника ужасный,
Будетъ мягче и нѣжнѣй
Для владѣтельныхъ дѣтей.
Такъ пойдемъ, пока не поздно,
Тяжко раненый лежитъ онъ,
Съ ложа встанетъ ли,—какъ знать?
Въ эту ночь, стремясь упорно
Въ замка мрачныхъ переходахъ
По слѣдамъ бѣгущихъ братьевъ,
Онъ кинжаломъ пораженъ.

ЯРОМІРЪ. Дьяволъ ты! Злорадный дьяволъ!
Хочешь словомъ ты убить?
Если я и безоруженъ,
То сама природа мнѣ
Подарила когти, зубы,
Вмѣстѣ съ яростью гіены
Мнѣ оружіе дала!
Дай терзать тебя, ехидна!
Уходи въ свой черный адъ!
Эти руки посильнѣе,

Чѣмъ слова твои и взглядъ!

(Наступаетъ на него).

БОЛЕСЛАВЪ. Онъ безуменъ! Помогите!

(Убѣгаетъ).

ЯРОМІРЪ. Это правда? Это правда?
Что сказалъ мнѣ негодяй?
То, о чемъ одинъ лишь помыслъ,
Лишь предчувствіе одно, —
Кровь задерживаетъ въ жилахъ,
Заставляетъ трепетать.
Неужели правда? — Да!
Да! О, да! Сомнѣній нѣтъ!
Да, кричитъ ослѣпшій разумъ,
Да, звучитъ во мракѣ сердца
И зловѣщія видѣнья,
Проносясь передъ глазами,
Головой тряся кровавой,
Мнѣ киваютъ: да, да, да!
А! И этотъ скорбный звукъ,
Что звучалъ мнѣ въ часъ кровавый
Изъ груди его сраженной,
Близокъ слуху моему,
Замеръ онъ, шепнувъ мнѣ: да!
Онъ отецъ мой, онъ отецъ мой!
Сынъ ему я, сынъ я! А!
Кто здѣсь шепчетъ? Кто сказалъ?
Это слово и убійца

Въ тайникахъ глубокихъ сердца
Отъ себя скрываетъ въ страхѣ,
Кто сказалъ? Отцеубійца!
Сынъ — убійца. Сынъ — убійца.

(Закрываетъ лицо руками).

Что земля святого знаетъ,
Что прекраснымъ называетъ,
Что зоветъ она благимъ,
Не сравнится съ нимъ однимъ.
Съ милыхъ устъ бальзамъ струится;
Тотъ, на комъ его рука,
Лютой бури не боится,
Видя свѣтъ отъ маяка:
Тотъ, чей разумъ въ изступленьи,
Тотъ кто руку на отца
Святотатственно заноситъ, —
Тотъ отверженъ до конца.
Слышу, слышу въ изступленьи
Голосъ вѣчнаго Суда:
Всѣмъ преступникамъ прощенье,
Мнѣ — убійцѣ — никогда!
Разрывай свои оковы,
Проступай, порока ядъ,
Отворилъ ворота адъ,
Размыкаются затворы,
Выходите, ада своры:
Ты, коварство въ злыхъ сѣтяхъ,
Ложь съ лукавыми словами,

Зависть съ пропастью въ очахъ,
Смерть съ кровавыми мечами!
Лживой клятвы тонкій ядъ,
Богохульства дикій песъ,
Что оскаливаетъ зубы
На того, кто ласковъ съ ними;
Выходите всѣ на свѣтъ,
Вамъ преграды больше нѣтъ!
За проклятыя блужденья
Не грозятъ вамъ наказанья;
Не сравнимы всѣ дѣянья
Съ тѣмъ, что я одинъ свершилъ?
А, свершилъ! И я-ль свершилъ?
И убійца ли — свершитель.
Грѣхъ въ дѣяньи развѣ есть?
Если есть кинжалъ кровавый,
Преступленье развѣ есть?
Это я свершилъ, я знаю,
Но межъ раной и ударомъ,
Межъ убійствомъ и кинжаломъ,
Межъ дѣяньемъ и причиной —
Роковая пропасть есть,
Не могли ее заполнить
Всѣ святыя мысли мудрыхъ,
Всѣ порывы мощной воли,
Всѣ науки человѣка,
Вся живая сила духа,
Всѣ кичливыя открытья,
Что живутъ не дольше дня;
Въ нѣдрахъ пропасти играютъ

Силы мрачныя съ судьбой,
Кости черныя бросаютъ
За грядущій родъ людской.
Да, моя была то воля,
Но судьбѣ дано свершить,
Какъ ни плакать мнѣ отъ боли,—
Рукъ ея не отклонить.
Кто сказать открыто можетъ:
Какъ хочу, — и такъ свершится!
Всѣ поступки — лишь метанья
Въ ночь случайности слѣпой —
Одаритъ, иль уничтожитъ
Кто узнаетъ въ вѣчномъ снѣ?
Я могу метанья множить,
Но достичь — дано не мнѣ!
Сила мрака, ты-ль посмѣешь
Крикнуть мнѣ: убійца — ты!
Я ударъ ударомъ встрѣтилъ,
Но отца убила — ты!
Кто стоитъ передо мной?
Что мнѣ шепчетъ мракъ ночной!
Дай понять мнѣ знакъ туманный.
Говоришь ты: лѣчатъ раны,
Исцѣлить велишь больного.
Благодарствуй, вѣстникъ добрый,
Богъ тебя благослови!
Упоительной надеждой
На его златую жизнь
Возвращаешь жизнь и мнѣ ты.
Да, онъ долженъ исцѣлиться,

Пусть утихнетъ боль отъ ранъ,
Ихъ обманы злого ада,
А не сынъ отцу нанесъ,—
Я хочу, къ ногамъ приникнуть,
Эти знаки цѣловать,
Лютый пламень жгучей боли
Слезъ потокомъ освѣжать.
Нѣтъ, надъ этой мрачной далью
Темной силѣ власти нѣтъ,
Но надъ солнцемъ и звѣздами —
Беззакатный отчій свѣтъ.
Силы мрачныя не властны
Надъ дѣяніемъ ужаснымъ,
И не случай здѣсь царитъ;
Это Богъ рукою властной,
Къ неизвѣстной, но прекрасной,
Свѣтлой цѣли насъ стремитъ.
Онъ и мною руководитъ,
Лишь руки я знать не могъ;
Тотъ кто къ скорби насъ
приводитъ,
Намъ въ блаженствѣ недалекъ.

(Въ это время окна замковой капеллы освѣщаются и начинаютъ звучать нѣжные, но строгіе звуки).

Что я слышу?—О, спасибо!
О, шепчите, звуки рая,
Сладко пойте, пойте мнѣ,
Словно лебедь на волнѣ.
Дрожью трогайте прелестной.

Лейте свѣтлую струю,
Вашей пѣснею небесной
Усыпляйте скорбь мою.
Знаю, въ сладостномъ напѣвѣ
Миръ душа моя найдетъ;
Тотъ, кто звалъ въ громовомъ
гнѣвѣ,
Вашимъ голосомъ зоветъ.
Есть надежда на прощенье?
Вы не шепчете мнѣ: нѣтъ,
И врата уже открыты,
Мира вѣстникамъ привѣтъ!

(Звуки становятся все строже, и, наконецъ, имъ сопутствуютъ слѣдующія слова):

ХОРЪ ИЗНУТРИ. Встаньте братья!
Поднимайте
Гробъ на траурный порогъ,
Въ тьмѣ гробницы
Мирно спится
Тѣмъ, чья жизнь полна тревогъ.

ЯРОМІРЪ. Какъ мѣняетесь вы быстро,
Голоса незримыхъ духовъ!
Были сладостью единой
Пѣли вы, какъ рой пчелиный,
А теперь, опять, казня,
Тайно жалите меня!
То не звуки жизни мирной,
Такъ звучитъ напѣвъ
могильный.

Только бъ видѣть, видѣть,
видѣть!
Пусть мнѣ гибель суждена!

(Онъ взбирается по грудамъ развалившихся камней къ окну капеллы).

Пѣніе продолжается:

Если мира
Въ этомъ мірѣ
Сынъ лишилъ тебя родной,
Тамъ въ награду,
Вмѣсто сына,
Твой отецъ навѣкъ съ тобой.
И слѣпого
Онъ обрящетъ,
Какъ Онъ Каина нашелъ,
Преступленью
Есть отмщенье,
Справедливый судъ тяжелъ.

ЯРОМІРЪ (блѣдный, шатаясь, возвращается назадъ).

Что тамъ было? Что я видѣлъ?
Это правда, правда, правда?
Или очи отражаютъ.
Тайный сонъ души туманной,
Вмѣсто міра свѣтлаго?
Въ мѣстѣ мрачномъ и глухомъ
Былъ недвиженъ Божій Домъ.
Смертно блѣдныя ланиты
Флеромъ траурнымъ повиты;
Въ алтарѣ—Пресвѣтлый Ликъ

Отвернулся и поникъ,
Будто знали эти очи
Тайный ужасъ долгой ночи.
И внезапно прозвучалъ
Мрачный хоръ изъ алтаря,
Властно требуя отмщенья
За ночныя преступленья.
На помостъ пустой взнесенъ,
Слугъ толпою окруженъ,
Свѣтомъ блѣднымъ свѣчъ облитый
Съ красной раной и открытой,
Блѣдный тамъ лежалъ мертвецъ,
Мертвый мой лежалъ отецъ.

(Тѣмъ временемъ свѣчи гаснутъ въ церкви).

Какъ? Отецъ? Сказать нѣтъ силъ!
Нѣтъ, лежалъ, кого убилъ я:
Чтобы адъ не говорилъ,
Не отцомъ моимъ онъ былъ.
Я вѣдь только человѣкъ,
Будь черны дѣла мои,
Все же-то дѣла людскія,
А надъ жизнію отца—
Дьяволъ самъ бы содрогнулся...
Я о голосѣ природы
Прежде слышалъ и читалъ;
Если онъ—отецъ былъ милый,
Отчего же онъ молчалъ?
Долженъ былъ кричать взывая,
Въ мигъ, когда кинжалъ взнесенъ:

Стой! Кого ты поражаешь?
Ты отца разишь, отца!
Если-жъ та, кого люблю я.
Я люблю? О, нѣтъ,—желаю!
Страстнымъ пламенемъ сгораю!
Если бъ мнѣ была сестрою,
То откуда—жаръ страстей,
Что влечетъ меня за ней?
О, сестра! Безумный зной!
Такъ ли любитъ братъ родной?
Нѣтъ! Пусть факелъ Гименея
Озаритъ мою любовь,
Лишь въ объятьяхъ пламенѣя,
Вскрикну я: Моя въ ней кровь!
Вижу свѣтъ, туманъ рѣдѣетъ. .
Всколыхнулась мгла, плыветъ:
То, чего искалъ, найду я,
Часъ свершенья настаетъ.
Иль спасти желанья могутъ?
Слово дѣла не спасетъ,
Нѣтъ, нельзя свернуть съ дороги,
Разъ вступивъ, иди впередъ,
Не на счастье я родился,
Цвѣтъ не цвѣлъ невинный мнѣ:
Тотъ, кто дьяволу молился,—
Преданъ будь ему вполнѣ.
Обладать мнѣ ею надо,
Пусть грозитъ ей пламя ада,
Пусть небесная гроза
Мечетъ молньи мнѣ въ глаза.

Адъ кромѣшный, дай любое
Имя ей!—въ честномъ бою
Назову ее женою,
Вырву милую мою.
Вотъ оно—окно бойницы,
Часъ рѣшенья настаетъ,
Время къ полночи стремится,
Страшный часъ къ дѣламъ зоветъ

(взбираясь наверхъ).

Страшно, милая? Не бойся
Ждать недолго, успокойся,
Сладко грезить, сладко спать,
Сладко друга цѣловать.

(влѣзаетъ въ окно).

(входитъ капитанъ съ солдатами, которые ведутъ Болеслава).

КАПИТАНЪ. Научилъ ты насъ не спать,
Не пытайся убѣжать!
Стой спокойно, и ни съ мѣста!
Гдѣ же твой товарищъ вѣрный?
Здѣсь покинулъ ты его?

БОЛЕСЛАВЪ. Здѣсь.

КАПИТАНЪ. Не видно никого.

СОЛДАТЪ. Капитанъ, въ окнѣ бойницы
Видѣлъ я, мелькнуло что-то,
И представилось мнѣ ясно,
Что поспѣшно проскользнулъ
Человѣкъ въ отверстьи узкомъ,
И, клянусь, то былъ онъ самъ;

Въ переходахъ тайныхъ замка
Вѣрно скрыться хочетъ онъ.

КАПИТАНЪ. Насъ онъ больше не обманетъ,
Гдѣ бы ни былъ онъ — всегда
Мщенья мечъ его застанетъ.
А теперь — за мной! Тула!

(уходитъ съ солдатами).

(Могильный склепъ. На заднемъ планѣ — высокій памятникъ Праматери съ подобающими эмблемами. Справа на первомъ планѣ, помостъ, покрытый черной тканью).

ЯРОМІРЪ (входитъ).

Такъ! Я здѣсь! — Душа мужайся! —
Здѣсь отъ стѣнъ исходитъ ужасъ,
И едва замѣтный шопотъ,
Какъ изъ устъ мнѣ незнакомыхъ,
Вновь до слуха долетѣлъ,
И, куда бы ни пошелъ я,
Предо мною, на полу
Лента темная влечется,
Черно-красная, какъ кровь.
И, хотя душа трепещетъ,
И природа возстаетъ,
Я иду за ней — впередъ.

(Его руки встрѣчаются).

А! Кто здѣсь, такой холодный?
Чья рука? — Моя рука.
Какъ теперь ты холодна,

Прежде кровью зажжена,
Холодна рука убійцы.
Да, рука, рука убійцы.

(задумывается).

Нѣтъ.. Пустое! На покой.
Пробилъ брачный часъ ночной.
Жду невѣсты дорогой.
Берта, Берта...

(Праматерь выходитъ изъ глубины).

ПРАМАТЕРЬ. Кто зоветъ?

ЯРОМІРЪ. Это ты! Теперь — все благо,
Возвращается отвага.
Дѣва, дай тебя обнять,
Дай ланитъ коснуться блѣдныхъ,—
Отступаешь ты назадъ?
Устремляешь мрачный взглядъ?
Веселѣй, моя невѣста!
День ли свадебный печаленъ?
Я доволенъ, веселъ я.
Будь такой и ты, и ты.
Знаю я, дитя, разсказы,
Нѣтъ смѣшнѣе въ цѣломъ мірѣ,
Злой и грубой ложью полны,
Но смѣшные, странные!
Веселѣй! Мнѣ говорили,
Что сестра моя ты, Берта!
Ты сестра. — Невѣста, смѣйся!
Смѣйся, смѣйся, безъ конца.

ПРАМАТЕРЬ (глухимъ голосомъ).

Мнѣ не быть твой сестрою.

ЯРОМІРЪ. Говоришь ты жалобно.
Смѣйся, смѣйся, говорю я.
Ты — сестра. А ты — отецъ!..
Нѣтъ! Для бѣгства все готово!

ПРАМАТЕРЬ. Гдѣ отецъ твой?

ЯРОМІРЪ. О, молчи!
Замолчи же.

ПРАМАТЕРЬ (возвышая голосъ).
Гдѣ отецъ твой?

ЯРОМІРЪ. Не буди ты въ сердцѣ гнѣва.
Кротокъ я съ тобою, дѣва,
Но когда и мракъ и адъ
Изъ глубинъ души звучатъ
Въ возрастающемъ напѣвѣ, —
Ярый левъ въ пустынномъ гнѣвѣ —
Песъ — въ сравненіи со мной;
Кровь поетъ въ глубокихъ нѣдрахъ!
И тому, кто близокъ сердцу,
Также близокъ мной кинжалъ.
Замолчи же.

ПРАМАТЕРЬ (сильнымъ голосомъ).
Гдѣ отецъ твой?

ЯРОМІРЪ. А! Ты требуешь отвѣта
Гдѣ отецъ? Да знаю ль я?
Говоришь о блѣдномъ старцѣ
Въ сѣдинахъ святыхъ кудрей?
Убаюкалъ я его,
И теперь — онъ спитъ, онъ спитъ.
(прижимая руки къ груди).

Часто хочетъ онъ проснуться,
Но опять, опять ложится,
И смыкаются зѣницы
Засыпаетъ онъ, ропща, —
Что жъ? Ты хочешь издѣваться?
Прочь, со мной, отсюда, дѣва!
Головой качаешь блѣдной?
Клятвы жаркія забыла.
Тамъ любовь мою ты цѣнишь?
Смѣлый подвигъ цѣнишь ты?
Все, что было драгоцѣнно,
Весь покой души безцѣнной
Міръ и небо предалъ я,
Чтобы вскрикнуть: „Ты моя!“
Если бъ знала ты страданья,
Если бъ вѣдала терзанья,
Ярость злого острія,
Ты бы, чистая, узнала
Рану совѣсти моей!
Ты бъ нѣжнѣй со мной была.
Ты бъ меня не предала.

ПРАМАТЕРЬ. Воротись!

ЯРОМІРЪ. Какъ, мнѣ? Вернуться?
Нѣтъ! Ни шагу безъ тебя!
Я пойду—и ты—за мной!
Самъ отецъ твой пусть приходитъ,
Пусть возьметъ тебя въ объятья,
Пусть зіяющая рана

Мнѣ кровавыми устами
Говоритъ: „Злодѣй! Убійца!“
Отъ меня ты не уйдешь!

ПРАМАТЕРЬ. Воротись!

ЯРОМІРЪ. Нѣтъ, не могу!

(слышно, какъ выламываютъ дверь).

ПРАМАТЕРЬ. Чу, идутъ!

ЯРОМІРЪ. О, пусть идутъ!
Только—жить съ тобою, Берта,
Иль съ тобою умереть!

ПРАМАТЕРЬ. Прочь, бѣги! Еще не поздно!

(Выламываютъ вторую дверь).

ЯРОМІРЪ. Такъ бѣжимъ! За мною, Берта!

ПРАМАТЕРЬ. Мнѣ не быть твоею Бертой!
Я—покойная Праматерь,
Сынъ грѣха! Я—мать твоя!

ЯРОМІРЪ. То—ланиты Берты милой,
То—любимой Берты грудь!
О, приди! Проснулись силы,
Страсть и радость—съ нами будь!

ПРАМАТЕРЬ. Даръ мой свадебный прими!

(она срываетъ ткань съ закрытаго помоста. Мертвая Берта лежитъ въ гробу).

ЯРОМІРЪ (отпрянувъ).
Горе! Призракъ тьмы кромѣшной!
Все напрасно! Твой, я твой!

Берта! Берта! Я съ тобой
Обрученъ душою грѣшной!

(спѣшитъ къ ней).

ПРАМАТЕРЬ. Такъ приди, погибшій!

(открываетъ руки, онъ падаетъ въ ея объятія).

ЯРОМІРЪ. А!

(онъ отпрядываетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, влача дрожащія колѣни, и потомъ падаетъ на гробъ Берты. Дверь срывается съ петель. Врываются Гюнтеръ, Болеславъ, Капитанъ и солдаты).

КАПИТАНЪ (врываясь).
Сдайся! Ты умрешь, убійца!

(Праматерь простираетъ къ нимъ руку. Всѣ останавливаются у двери въ оцѣпенѣніи).

ПРАМАТЕРЬ (наклоняясь надъ Яроміромъ).
Выйди съ миромъ духъ мятежный.

(Она склоняется надъ Яроміромъ и цѣлуетъ его въ лобъ, потомъ поднимаетъ гробовой покровъ и скорбно покрываетъ оба тѣла. Потомъ произноситъ съ поднятыми руками).

Такъ! Свершилось! На покой!
Въ часъ свершенья роковой
Вамъ хвала, благія силы!
Вскройся, ящикъ гробовой!
То Праматерь въ сонъ могилы
Возвращается домой.

(Она возвращается торжественной стопою въ гробницу).

(Когда она исчезаетъ, вошедшіе выступаютъ на первый планъ).

КАПИТАНЪ. А, теперь ты нашъ!

ГЮНТЕРЪ. (Идетъ поспѣшно къ гробу, поднимаетъ покровъ и говоритъ со слезами).

Мертвецъ!

Занавѣсъ падаетъ.

МОНОЛОГЪ БЕРТЫ [1]).

(Залъ, какъ въ предыдущихъ дѣйствіяхъ. Свѣчи на столѣ Берта входитъ).

БЕРТА. Боже, помощи прошу!
Видишь, руки я сложила
И уста твердятъ молитву;
Ахъ! Твердить слова святыя—
Это значитъ ли молиться!
Нѣтъ не съ праздными словами,
Но съ боязнью робкой рѣешь
Ты, душа, вокругъ любимыхъ,
А безъ помысловъ молитва
Смерть, не помощь принесетъ!
Съ чистымъ помысломъ, бывало,
Лику Богочеловѣка
Я молитвы возносила,
Онъ—мой Братъ и мой Господь,
Я испрашивала помощь

[1]) Этотъ монологъ въ первой четырехъ актной обработкѣ трагедіи долженъ былъ открывать третье дѣйствіе, но потомъ былъ замѣненъ монологомъ Берты въ концѣ второго дѣйствія.

Черезъ братскую любовь.
Ахъ, какой надеждой робкой
Грудь исполнена была!
Сердце прядало, волнуясь,
Злое горе отходило,
Такъ весна освобождаетъ
Отъ шершавой оболочки
Нѣжной дланью—первый листъ;
Зеленѣетъ онъ надеждой,
Покидая зимній сонъ,
Вешнимъ духомъ опьяненъ;
Далека, казалась помощь,
Я же вѣрила—придетъ!
Если даже невозможно,
Невозможное вздохнетъ!
Какъ теперь все измѣнилось!
Или Богъ уже не Тотъ?
Или Онъ не внемлетъ зову?—
Ахъ, все Тотъ же, Тотъ же Богъ,
Силъ довольно у Него,
И ничто не измѣнилось,
Кромѣ сердца моего.
Страху темному здѣсь мѣсто,
Мракъ и тучи впереди;
Золотая вѣра дѣтства
Отлетѣла изъ груди.
Всѣмъ сомнѣньямъ грудь открыта,
Я колеблюсь, какъ во снѣ;
И страстей крыло разбито,
И надежды нѣтъ во мнѣ.

Факелъ вѣры дотлѣваетъ,
Слышу страха голоса!
Кто чудесъ не пожелаетъ,
Тѣмъ закрыты чудеса!

(Садится въ кресло, роняя голову на руки).

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Нѣсколько мыслей о значеніи „Праматери“ для нашего времени и краткія свѣдѣнія о Грильпарцерѣ — *Александра Блока* 1
2. Введеніе нѣмецкаго издателя 19
3. Предисловіе къ первому изданію — *Іосифа Шрейфогеля* 33
4. Примѣчанія къ „Праматери“ — *Грильпарцера* . . 37
5. *Праматерь*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ:
   Дѣйствіе первое 49
   Дѣйствіе второе 79
   Дѣйствіе третье 113
   Дѣйствіе четвертое 135
   Дѣйствіе пятое 157
6. Монологъ Берты 185

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СПБ., Итальянская, 15.

«ПАНТЕОНЪ»

«МІРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Книгоиздательство „Пантеонъ" стремится собрать шедевры міровой литературы и сдѣлать ихъ достояніемъ русскаго читателя.

Въ серію „Міровая Литература" „Пантеонъ" включаетъ произведенія выдающихся писателей всѣхъ временъ и всѣхъ націй.

„Пантеонъ" стремится представить въ образцахъ и характеристикахъ исторію міровой литературы, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ словесности, черезъ литературу античную, средневѣковую и эпохи возрожденія до произведеній послѣднихъ столѣтій и нашихъ дней.

„Міровая Литература" выходитъ отдѣльными книгами. Каждая посвящена или одному писателю, или группѣ писателей (Сборники Антологіи). Въ каждой помѣщено одно или нѣсколько законченныхъ произведеній избраннаго автора, его портретъ, біографія, характеристика его творчества и библіографія его произведеній.

Такимъ образомъ „Міровая Литература" даетъ не только образцы творчества и характеристику великихъ писателей, но и указываетъ пути для болѣе подробнаго ознакомленія съ ними.

Въ цѣломъ „Пантеонъ" составитъ библіотеку Міровой Литературы въ ея самыхъ характерныхъ проявленіяхъ.

o o o

„Міровая Литература" издается при ближайшемъ участіи: Леонида Андреева. К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса, Александра Бенуа, Александра Блока, Валерія Брюсова, Ив. Бунина. З. Венгеровой, С. Городецкаго. Бор. Зайцева, Ѳедора Сологуба и др.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СПБ., Итальянская, 15. **«ПАНТЕОНЪ»**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ГЮИ де МОПАССАНА

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ СЪ ПОСЛѢДНЯГО (ЮБИЛЕЙНАГО) ИЗДАНІЯ: АЛ. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ, БОР. ЗАЙЦЕВА, З. ВЕНГЕРОВОЙ, АН. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ, СЕРГѢЯ ГОРОДЕЦКАГО, ѲЕДОРА СОЛОГУБА и др.

ВЪ ЭТОМЪ ИЗДАНІИ МНОГІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ ГЮИ де МОПАССАНА ПОЯВЛЯЮТСЯ ВПЕРВЫЕ.

ТОМЫ СОБРАНІЯ СОЧ. ГЮИ де МОПАССАНА ВЪ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВѢ „ПАНТЕОНЪ“ ВЫХОДЯТЪ ВЪ СВѢТЪ ОДНОВРЕМЕННО СЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ ИЗДАНІЕМЪ.

ВЪ ТОМѢ 400.000—500.000 БУКВЪ.

ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА **20** КОП.

2-ое РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ УВЕЛИЧЕННАГО ФОРМАТА. ОБЛОЖКА ПО РИСУНКУ Л. БАКСТА. ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА 1 р.

Вышли въ свѣтъ слѣдующіе томы:

Т. I. ПЫШКА И ДР. РАЗСКАЗЫ.
Переводъ Сергѣя Городецкаго.
Вступительныя статьи Нэве и Ѳедора Сологуба.

Т. II. ДОМЪ ТЕЛЬЕ И ДР. РАЗСКАЗЫ.
Переводъ Сергѣя Городецкаго.

Т. III. ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.
Романъ. Переводъ Ал. Чеботаревской.

Т. IV. МИЛЫЙ ДРУГЪ.
Романъ. Переводъ Ан. Чеботаревской.

Т. V. СИЛЬНѢЕ СМЕРТИ.
Романъ. Переводъ Ѳедора Сологуба.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СПБ., Итальянская, 15.

((ПАНТЕОНЪ))

ВОЛЬТЕРЪ. Кандидъ. (Романъ). Пер. Ѳедора Сологуба. Ц. 70 к.

ГРИЛЬПАРЦЕРЪ. — Праматерь. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ Александра Блока. Ц. 1 р.

БАРБЭ д'ОРЕВИЛЬИ. — Лики Дьявола. (Разсказы). Переводъ Александры Чеботаревской. Статьи Максимиліана Волошина. Рисунки Фелисіена Ропса. Ц. 1 р.

ОСКАРЪ УАЙЛЬДЪ. — Саломея. Перев. К. Бальмонта и Ек. Андреевой. Вступ. статьи К. Бальмонта. Рисунки Бердслея съ примѣчаніями къ нимъ С. Маковскаго. Ц. 1 р.

ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ АДАНЪ.—Жестокіе разсказы. Переводъ подъ редакціей и со статьей Валерія Брюсова. (Изданіе разошлось).

БАЛЬМОНТЪ.—Гимны, пѣсни и замыслы древнихъ. „Зовы древности". Ц. 1 р. 50 к.

ГАБРІЭЛЕ д'АННУНЦІО. Франческа да Римини. Пер. Валерія Брюсова и Вячеслава Иванова. Ц. 1 р. 50 к.

УЭЛЛСЪ. Пятьдесятъ тысячъ лѣтъ назадъ. Разсказъ изъ каменнаго вѣка. Пер. Николая Морозова. Ц. 60 к.

КИПЛИНГЪ. Разсказы и сказки. Перев. К. Чуковскаго Статья о Киплингѣ В. Тана. Ц. 1 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Французскіе Лирики XIX Вѣка въ переводѣ Валерія Брюсова.

С. МАКОВСКІЙ. Современные русскіе художники.

ТИП. ГЕРОЛЬДЪ, 7 РОТА, Л. 26.

Ц. 1 р.

тип. Герольдъ, 7 рота д., 26

PT
2259
A54

Grillparzer, Franz
Pramater'

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY